

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

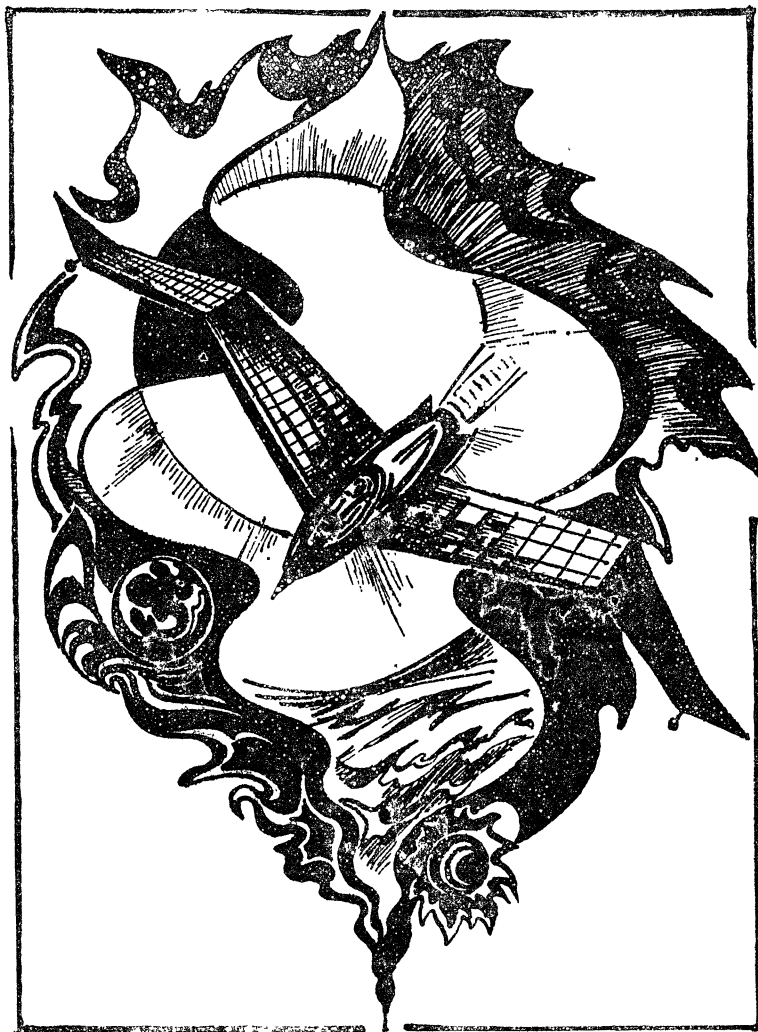
АСКОЛЬД
ЯКУБОВСКИЙ

ПРОЗРАЧНИК

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АСКОЛЬД
ЯКУБОВСКИЙ

ПРОЗРАЧНИК

Повести и рассказы

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1987

ББК 84Р7
Я 49

Якубовский А. П.
Я49 Прозрачник.— М.: Мол. гвардия, 1987.—
271 [1] ил.— (Б-ка сов. фантастики).
75 коп. 100 000 экз.

В книгу произведений известного советского фантаста вошли лучшие повести и рассказы о будущем.

Я $\frac{4702010200-027}{078(02)-87}$ 149—87

ББК 84Р7

© Издательство «Молодая гвардия», 1987 г.

ГОЛОСА В НОЧИ

Он видел — падает в океан горящая капсула.

Видел — ее огонь перечеркнул тучи и вошел в желтизну закатного горизонта.

И встал на воде белым крестиком.

За ним, далеко-далеко, в слепящей желтизне заката, была ракетная база. Она нащупывала его (и капсулу) своими локаторами.

— Черт все побери! — закричал Сельгин и прикрыл глаза ладонями. И все же видел капсулу, опершуюся крыльями о воду.

Она не тонет, поплавки держат ее, он выбросился рано.

Но Синугола велела. «Бедная моя лодочка!» — подумал Сельгин и подобрал ноги — парашют не мог далее нести его. Сельгин падал в океан, в воду. До живой, корчащейся ее поверхности оставалось два или три метра.

Вода!.. Гребни, кипящие какими-то пузырьками, подсакивали и хватали его за ноги.

Вода! Вот она схватила его, повернула на стропах, показав ему черноту других горизонтов.

Вода казалась Сельгину отвратительно густой. Эти

пузырьки... Они со сверкающей желтой точкой посредине, они смотрели на него рыбьими глазами. И Сельгин понял — океан страшно, опасно живой. И ощутил тоску по простоте космоса. Тот предельно ясен. Он — формула, написанная мелом на черной доске. Сельгину хотелось видеть его, жить в нем, летать. Обязательно. (А здесь он видел суету туч, их грозную черно-ржавую окраску, горящую ракетную капсулу, стоящую на волне. Ее держали надутые автоматом поплавки.)

Но волны поднялись над ним, схватили его. Рывок! Удар! Задержав дыхание, Сельгин дернул рычаг спас-костюма. Тот стал медленно надуваться, сжав бока и горло тугой резиной. Он высоко поднял голову Сельгина над водой.

И Сельгин поплыл — костюм образовал небольшой резиновый плотик. Сельгин лежал и злобно смотрел на воду. К нему, желая утопить, шли волны, большие и мелкие. И все злые...

Вот плеснулись Сельгину в лицо.

Он сжал губы.

— Спокойствие,— захрипел спас-костюм.— Полное спокойствие, я берегу вас.

Это было так неожиданно, что Сельгин рассмеялся и сразу глотнул воду. Он сплюнул.

— ...Понимаю ваш смех как нервное расстройство. Прежде всего полное спокойствие,— шипел, будто простуженный, голос робота.— Доверьтесь мне, я удержу вас на плаву двое суток. Есть запас питьевой воды. Не забывайте — паника увеличит расход белков и витаминов. Будьте спокойны. Я забочусь о вас, я, спас-костюм № 10381, серия СК.

И Сельгин увидел — к его щекам потянулись две трубки, одна красная, другая густого синего цвета.

— Вода,— сказал автомат, постукивая Сельгина по носу синей трубкой, и повторил: — Вода.

— А пища? — спросил Сельгин.

— Пища...— Вторая трубка стукнула его.

И тотчас заговорила, жужжа и треща, база Синуголы. Вертолеты они не посылали — сильно штормит.

— Жди Руфуса, старик,— велели ему.— Жди.

Волны становились крупнее. Подходила та гроза, которая сбила его, родив на закрылках капсулы шаровые молнии, четыре электрических апельсинчика.

Сельгин засек их по внезапной сумятице приборных стрелок. А сначала все шло так удачно — оторвался от «Фрама», сошел с орбиты и стал проваливаться вниз, до воздушного слоя. Ударился о него и, подскакивая, пронесся вокруг шара по траектории снижения. Скользнул над Африкой и Атлантикой... А там Кордильеры, Тихий океан... Индийский! (Здесь-то и был грозовой фронт. Он прошел сквозь снежные его горы.)

И вдруг эти электрические апельсинчики. Они сидели на правой плоскости, около цепочки заклепок.

— Анафемы! — ругнул их Сельгин. Но испуга не было. Так, веселая злость.

Он перекинул взгляд на другую плоскость и засек второе семейство молний. Они тихо, мирно сидели рядышком, как два желтых цыпленка.

— Черт побери, я вас сброшу! — сказал он им и круто направил машину вверх. Ускорение село на его плечи.

— Умммм...— простонал Сельгин, выходя обратно к пронзительному и косматому солнцу высотного неба.

И рассердился на молнии по-настоящему — траектория нарушена, маршрут сломан. Электродьяволы! Исчезли? Нет, сидят. И Сельгин тотчас же бросил машину вниз, к океану, продрал ее длинное тело нажда-

ком воздушных потоков, даже искры посыпались. Тут-то молнии и взорвались — разом!

— Прыгайте! — завопила Синугола.— Прыгайте!

Сельгин нажал кнопку выброса.

— ...Напрасно,— ругал он себя теперь.— Ах, напрасно. Напрасно.

Гроза ушла — хлестал дождь. Костюм плотно зажал его — не шевельнешься. Воздушной помощи ждать было нельзя из-за сумасшедшего беспокойства воды и туч. Судно?..

А если не найдет?

— Не беспокойтесь,— говорил ему спас-костюм.— Я установил связь. Судно придет ровно в ноль часов. Не пугайтесь ранней темноты, здесь низкие широты. Хотите послушать концерт?

— Молчи, костюм,— попросил Сельгин. В небе опять перемены — тучи быстро разбегались по сторонам. Небо, освободясь от них, обрело в своем цвете грозную мощь полированной меди.

Может быть, все же пришлют вертолет?..

Мелькнул обломок луны, то подскакивая, то проваливаясь вниз вместе с волнами.

— Рекомендую употребить половину пищевого порциона,— внушал спас-костюм.— Пищу глотайте неторопливо.

— Не хочу! Мне здесь все надоело. Слишком много воды и туч. Ты сможешь перегнать меня в другое место?

— Нельзя, я сообщил наши координаты.

Быстро темнело. Луна неслась между туч. И ухмылялась с особенным значением. Какое-то судно шло мимо Сельгина. Оно появилось внезапно — черное, без огней и стуков машины.

Сельгин молча следил, как мимо него шел черный, длинный корпус. Он не хочет связи, не хочет помогать. Почему? Свяжусь-ка с Синуголой.

Корабль шел — молчаливый, в окрашенных луною волнах. Его борт... В нем проступала черная трещина. Вода входила в нее и выливалась обратно. Те, огромные и черные, что возились на борту, быстро собрались в одно широкое тело. Оно с плеском упало в воду и рванулось к Сельгину. Вода закипела, вокруг завертелись и взметнулись черные толстые веревки. В тот же миг спас-аппарат с долгим шипением выпустил густо-черное облако. Оно затянуло луну. У Сельгина перехватило дыхание.

— Кальмар... Прошу, не дышите полторы минуты, полторы минуты,— бормотал костюм.— Это напал кальмар. Считайте до девяноста, считайте.

Сельгин тряс головой — едкий пар жег лицо.

...Когда газ рассеялся, тело корабля было далеко. Оно сверкало и походило на упавший в воду осколок луны. И вокруг никого — вода, вода... Проклятый кальмар удрал. Спас-костюм жужжал электросигналами, зовя какого-то Тики.

«Напрасно»,— решил Сельгин. В этой абракадабре воды, ключев воздуха и морской жути найти его почти невозможно. Но какая яростная и жестокая стихия! С ней приятно сцепиться. Это настоящая борьба!

— Хорошо! — крикнул он.— Спас-костюм, здесь хорошо!

— Помешался, взываю к «Тики», к «Тики»...— говорил спас-костюм.— Рекомендую успокоить себя. И мне трудно — отказало сопротивление № 1001882. Возьмите в рот трубочку, покрытую светящимся составом. Проглотите его. Немедленно! Я срочно зову «Тики», нас переместят...— Костюм бормотал и охал. Сельгин потянулся шеей, поймал трубочку губами, ощущая горечь.

Вместе с нею появилась мглистая, зелено-черная пуганица в голове, и пришел сон. Нет, начало его — рябь и мелькание зеленых пятен. Или темных, живых тел?..

Они подскакивали, всплескивались. Это куски волн. «Сон... Сон...» В наступившем приятном сне перемешались разные ощущения и звуки: толчки, пронзительные свисты, чье-то быстрое бормотание. Сельгин уловил движение... «Сон...»

Вдруг лицо его затянула пленка воды. Он фыркнул и поднял голову — вокруг него вращался тесный клубок тел. В наушниках — их странный говор.

«...Сон». Он опустил голову, зажмурился, слышал странные голоса:

— ...Мы несем, несем человека, поднимая его высоко. («Сон, я сплю, но в космосе не бывает таких снов».)

Опять посмотрел — черные спины крутились в воде. Веселая толкотня, его несут... Отличный сон!

— Спасатели,— бормотал во сне знакомый голос. А, это спас-костюм.— Они работают в здешней зоне, они помощники Руфуса. Слушайте электронного переводчика.— («И это сон,— думал Сельгин.— Сон, сон».) Но пение все пробивалось в наушники, звуки слагались в слова.

— Сарти, что делал ты в камнях Синуголы?

— Я искал моллюсков-жемчужниц... Мы плывем, плывем, плывем...

— Ты нашел их?

— Меня просил Ямамото, он освежает кровь устричного стада.

— Что ты увидел в водах прибрежных камней?

— Многое... Мы плывем, мы плывем...

— Как миновал ты опасности мануэзов?

— Они не тронули меня и не помешали. Я видел Эвана, твоего взрослого сына, он живет там.

— ...Мы плывем, мы плывем, мы плывем...

— Что ты говорил ему?

— Я не волновал его рассказом о твоём прокушенном спинном плавнике.

— Мы плывем, мы несем человека...

— Да это же не сон! — крикнул Сельгин.

Он резко поднял голову. Вокруг него быстрые, скользкие черные тени... Акулы? Он похолодел от ужаса. А-а, это дельфины! Он слышит перевод их вскриков в понятную речь. В океане чудесно. Товарищи, спас-костюмы, дельфины, вода, эваны. Хорошо. Космос рядом с океаном — простая черная доска с меловыми линиями формул. Пустота! А жизнь — здесь.

— Говорите, говорите,— просил он дельфинов.

— ...Жиго, где ты пропал вчера? Мы играли весь день.

— Я был в черных проливах.

— Что делал там?

— Я провожал большие машины и не давал им сесть на камни. Я играл с ними. Люди бросали мне вкусные сардины.

— Тебе было хорошо, но и мне, но и мне.

— А что делал ты?

— Я подскакивал вверх, я разбегался и взлетал вверх, я почти жил в стихии человека.

— Напрасно, каждому дано свое. Мы ушли с земли в теплое и сытное море, вспомни наши легенды. Если бы новый друг жил с нами, ему было бы хорошо. Он не искал бы гремящего полета, а плавал в голубых лагунах и познавал нашу мудрость...

— У каждого существа своя мудрость.

— Есть общая мудрость.

— Знаю — помогать и жертвовать. Быстрее, Жиго. Я слышу. Руфус зовет меня. Я слышу, слышу его, он почти живет с нами, мы бережем его.

— Он близко?

— Он рядом, до него сто, и двести, и еще пятьдесят, и еще тысяча всплесков.

— ...Мы плывем, мы несем человека...

Когда загремело железо и свет прожектора ударил в лицо, Сельгин поднял голову. К нему подходила светящаяся громада — корабль «Тики» под командой капитана Джерри Руфуса.

Ходят слухи, что именно Джерри Руфус уговорил Сельгина стать океанавтом, но это глубокая неправда. Решение родилось, когда Сельгин увидел игру темных тел, услышал дельфиньи голоса.

Но правда, что он сказал Джерри Руфусу (тот поднес ему в каюте согревающую рюмочку коньяка).

Он сказал:

— Черт возьми, я до смерти хочу к вам, к ним, в воду.

ЗВЕРИ БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

- Оно нападает!..
- Бежит от нас!
- Атакует!
- Стреляем! Вместе! Раз-два-три!

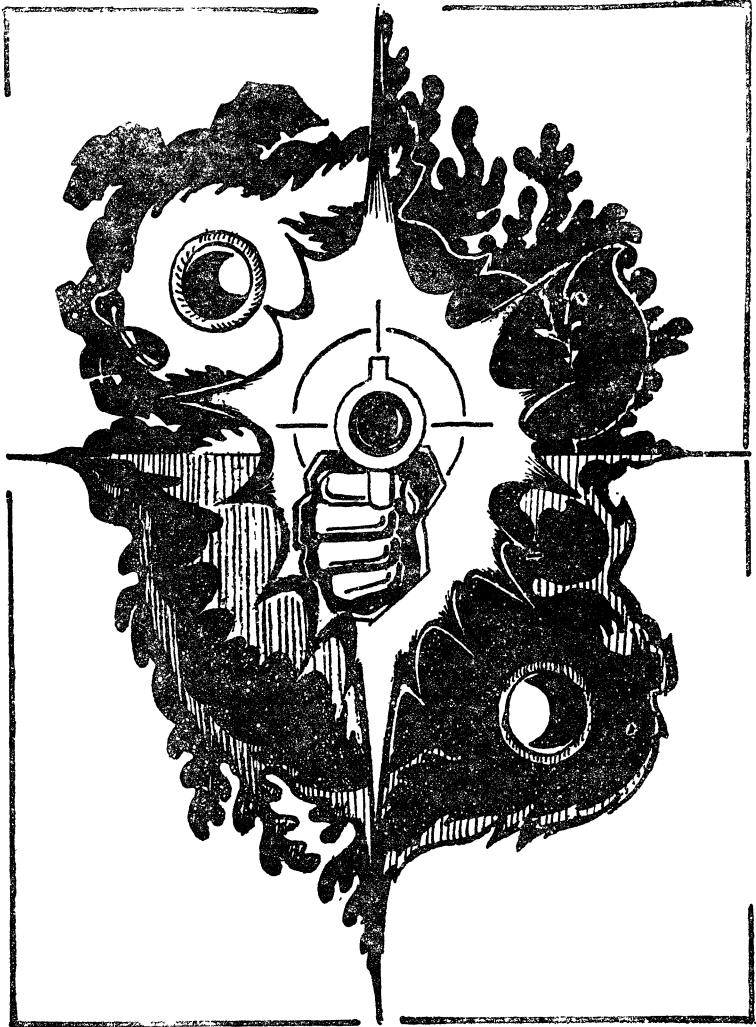
Мы выстрелили.

...Обычно, если убитое животное было годно для еды (отмечено в определителе — «пригодное»), мы приносили его домой. Тогда чувствовали себя настоящими, смелыми охотниками. Но если зверь оказывался несъедобным, мы долго рассматривали его, ворочая с боку на бок. Потом фотографировали, а чаще заливали пластиком и уносили — для коллекции.

Этим вечером, задержавшись на Соляном Столбе, у метеостанции, мы уже в сумерках спускались в долину.

Я шел впереди, а Морис шагал за мной — след в след. В этом был смысл — преследующий нас ожидал встретить одного, а сталкивался с двумя.

Темнело. Висел легкий светящийся туман, и потому видимый мир перемещался с нами, как движущийся круг, в котором мы постоянно оставались в центре. Иногда в него врывалось черное дерево, изредка — утес. В этом круге все предметы принимали неожиданную зрительную силу. Будто они были вставлены в волшебную

раму. Рама и была сама планета — Нерль, так ее прозвали. И если бы не звери, она казалась бы, даже была странно прекрасной и безопасной. Но не с ними.

Вдруг на лужайке, что на расстоянии десяти-двенадцати шагов от нас ускользала в светоносную глубину тумана, я заметил комочек. Он был как раз на границе линии — еще можно было видеть его. За ним шла бездна тумана, в которой все предметы пропадали, меняли форму, двигались, шли за нами.

Я шел первым, и зона обстрела впереди была моей. Я вскинул ружье и остановился (Морис ткнулся стволом мне в спину), а белый зверек повернул ко мне свою острую мордочку.

Зверек, зверь колебался. Наверное, он сейчас раздумывал, бежать ему или нападать. Я тоже колебался. Неудержимая сила привычки — приклад уперся в мое плечо. Это была Нерль, и, еще не успев разглядеть, что за животное было передо мной, я приготовился и к нападению, и к защите. В спину меня опять толкнуло. Я вздрогнул — зверь! — но догадался, в чем дело. Это Морис встал спиной к моей спине и выставил свою винтовку. Потому что здешний зверь мог быть и таким вот белым шариком впереди тебя, и мог быть и за спиной у тебя, но уже другим.

Полиморфия, двойственность — интересные случаи. Но мы были вынуждены убивать зверей — из осторожности, для ученых, чтобы жить, есть, работать. Но вот что думают они, нападая или убегая от нас?

А вокруг были уже не деревья, а скалы. И в моих ушах отзвук крика. Чьего?

— Ты кричал? — спросил я Мориса.

— Ага! Я криком загнал в ту щель зверька (Морис глядел в другую сторону).

— Ты уверен, что это был твой зверек. А не этот, впереди меня?

— Не знаю... У него круглая голова с черной мордоч-

кой, с зеленым глазом, здоровенным, как луна. И знаешь, светится.

Один глаз на двоих? Таких мы еще не видели.

— А ты уверен, что он в щели? Ткни-ка стволом.

— Я лучше выстрелю. И если убью, попробуешь выстрелить и ты.

Морис снял с плеча винтовку и оттянул курок. Щелкнул кнопкой, увеличивая калибр ствола. Двинул предохранитель — готово. Я все еще не знал, что там, в двух шагах от меня в узком отверстии напротив Мориса. Знал только одно — это живое существо. Пока — углом глаза — я силился разглядеть зверька Мориса в темной щели, мой вдруг рискнул. Он оторвался от меня и обошел утес кругом.

Где мой зверек? Он никуда не мог убежать.

— Никого, — крикнул Морис. — Ого? Ведь с той стороны нет выхода.

Мы стояли перед утесом. Мы были окружены со всех сторон тьмью планеты. И не знали, сидит ли зверь только в щели. Или где-то еще. Ведь белый комочек исчез.

Нет, это безумие — охотиться здесь ночью. Скорее уйти, скорее. И тут же я уловил движение воздуха над собой. Я присел. Зверь, промахнувшись в своем прыжке, кружился над утесом. Он то валился на нас плоской массой, громадной, тяжелой и пухлой, будто промокшая вата (в середине ее светилось красноватое пятно). То порхал мириадам легких белых перьев. Кто это?

И тут я увидел высунувшуюся из каменной щели мордочку зверя Мориса. Черная такая. Морис прицелился в него, а зверек выпрыгнул из своего убежища и встал передо мной на задних лапах.

Я даже попятился, так как не мог представить себе зверька маленьким. Мне показалось... Да нет, это он, но уже вырос, сравнялся со мной, становился все больше. Жуть! И я крикнул:

— Морис, стреляй!

И вскинул ружье — зверь зашипел и поднял перед-

ние лапы. И тут же исчез. И утеса нет. А была поляна, туман, ветки деревьев. И парил зверь-облако. Но теперь в его массе светилось два пятна. Это что, глаза?

Да, такого я еще не видел, никто не видел.

— Мы выстрелим вместе,— предложил Морис.— Вверх.

— Такого отличного зверя нам еще не попадалось.

— Не промахнись.

Он вскинул винтовку. Я тоже прицелился и стал считать:

— Раз-два-три!..

Ибо когда охотятся на Нерли вдвоем, надо стрелять вместе, залпом.

Я нажал спуск. Грохнуло так, что повалилось дерево и посыпались камни. Мой белый зверь упал сверху. Головой он уткнулся в траву, и я понял, что он мертв.

Теперь он стал похожим на клочок шерсти. Пахло горелым. Я стоял над ним согнувшись и спрашивал: как я мог думать, что этот зверек был одинакового со мной роста? Как мог он показаться мне таким большим?

А Морис говорил, довольный:

— Вот здорово, зверь падает вниз, дождем.

Я не ответил, так как почувствовал отчаяние. Я смотрел, зверь становился меньше, а дождь усиливался.

— Морис, тебе он тоже показался... Ты его успел разглядеть?

— Ну?

— Он был...

— Он был очень-очень страшным,— отвечал Морис.— Хотя теперь, как видишь, похож на зайца и для супа сгодится. Знаешь, я сварю из него суп с вермишелью, по старинке. А привкус? Отобьем черным перцем.

Он протянул руку, чтобы поднять зверька и положить его в ядташ, но я грубо толкнул его.

— Не трогай!

— Че-го? — сказал Морис, глядя на меня, коренастый, всегда спокойный парень.— Я думал, он бросится

на тебя. Ты посмотри, какие у него когти. А если бы я промахнулся?..

— Чертов француз! Все бы тебе жрать.

— Ну, запел! Можно подумать, что ты убил человека.

А я глядел и глядел на убитого зверька.

— Нет, почему он казался таким большим? Почему был в двух местах сразу?

— Кончай,— сказал Морис.— Не все ли тебе равно. Главное, оно было и ушло. Придем домой и все подробно запишем. Мы добыли гору мяса, хватит его надолго.

— Мясо?

— Ты забыл? Дома он здорово увеличится. Не будем спешить есть его. Чего, неврастеник?

— Ничего.

И мы подняли и понесли этого крохотного, но невероятно тяжелого зверька в наш дом, стоящую на трех костылях круглую ракету. Шли долго и устали, как собаки. К тому же, как обычно на этой планете, ракеты не было на месте там, куда нас подвела тропа, и мы нашли ее километрах в двух отсюда.

Мы шли к ней, через три земных месяца мы улетим. Но я думал, что вот мы убили еще одно живое существо, непонятное. И если оно нападало, то Морис успел выстрелить лишь потому, что сам был живым существом, непонятным этому. Оно, глядя пристально, старалось понять и медлило... Что такое то, летевшее?

Нет, все здесь непонятное, если оно живое. Но чем-то мы и понятны друг другу. Тем, что мы живые? Что медлим, стараясь понять?

Хоть бы скорей прошли три месяца, хоть бы перестать баловаться охотой и раз попробовать не стрелять.

Но тогда нападет зверь?

Все мы помним о судьбе экипажа «Лады»... Что с ними случилось? Куда они исчезли? А если оно не нападет? Я решил — попробую не стрелять. И Мориса уговорю сделать так же.

СПОРУ НЕТ КОНЦА

Так случилось — из него просто-напросто вышел второй «я». Шагнул и замер. Затем из этого второго шагнул третий, из третьего — четвертый. Три этих выходца с сухим треском растаяли в воздухе...

«А все кофе, — сердито думал Павел Григорьевич Пахомов. — Торчи тут дураком эти четверть часа».

Пахомов второй

...Иван Ламин растер в ладонях колос и понюхал его. Потом ссыпал зерна в рот и разжевал. Да, скоро надо косить, очень скоро, завтра. Ламин был стар и жевал не своими зубами, а вставными. Очень хорошие зубы, молодые, острые.

Он присел на камень и задумался. Дел было много приятных и неприятных, таких, в которых все ясно, и таких, где ничего не поймешь. Например, телеграмма.

«Буду проездом. Встречай. Твой Павел».

Все понятно, кроме одного. Павел — понятно. Рад. Вместе ходили, вместе мучились. Он, Иван, олешек гонял, Павел работал — варил еду, что-то считал, что-то писал, картинки рисовал. «Встречай». Очень хорошо, встречу. Что надо двум старикам? Оленина есть, мука

есть, чай тоже есть. Что еще надо? Молодой аппетит. «Буду проездом» — совсем непонятно. Ламин задумался. Если на ветробусе, то не скоро приедет, тайга горела. Самолетом? Как найдет, где сядет? О сосны расшибиться может. Лучше не думать. Пусть сам думает.

Сидит на камне Ламин, слушает. Вот шорох, осторожные шаги. Знает Ламин, кто ходит — олень ходит. Пришел пшеницу кушать. Улыбается Ламин, ждет. Идет олень в летней небрежной шубе, лезет в пшеничные колосья, ест их.

Глупый олень!

И вдруг с визгом выскочили два сторожа — две железные мыши — и погнались за оленями.

Летит олень, ног от страха не чувствует. Смеется Ламин — долго олень не придет, очень долго. До следующего года. А мыши катят на свои места.

— А ты не очень-то рад мне, даже и не смотришь, — говорит насмешливо голос. Ламин медленно обернулся. Оборачиваясь, думал: как подошел? Почему шагов не слышно, запаха чужого, городского, нет? Однако, шибко хитер.

Обернулся и увидел Павла. Молодой. Улыбается: свои, однако, зубы, не вставные. Сам в городском костюме, в городских туфлях. Ламин удивленья не показал — сдержался. А голова совсем колесом пошла. Или не стареют теперь в городе?

Но спохватился: гостя нельзя спрашивать, не полагается. Гостя угощать надо. Сначала нужно угостить разговором, потом вкусной едой.

Рассказал Иван гостю о семье — в подробностях. Потом о себе.

— Видишь, лепешки растим. Раньше олешек гоняли. Аякакун, хорошо: кончали кочевку, на месте сидим.

— Так как же вы, черти, выращиваете здесь пшеницу? — удивляется гость. — Север! Лес!

— Просто, очень... Уметь надо. Лес, правда, мешал. Сильно мешает лес... В лесу что росло? Мох рос, камень

рос, брусника росла. Вот убрали камни, пахали, сеяли пшеницу — нет, не растет. Почему? Земля худая, как олешки в голодный год. Сильно землю кормили, однако опять не растет. Проверили — пшеница слабая, рот маленький, плохо кушает. Тогда новый сорт сделали: давай и давай удобрения, все скушает. Растет быстро — шестьдесят дней. Однако опять плохо — олень ее шибко любит. Еще подумали — мышам велели хлеб сторожить.

— Да, ты добился своего,— сказал Павел.— Помнишь, лепешки ел? И мечтал, чтобы и здесь хлеб рос. Вот и растет... Значит, мешает тебе лес! Слушай, а что это шуршит? Смотри, шевелится!

Плотная масса пшеничных стеблей непрерывно шевелилась, двигалась, качала головами-колосьями. Поле и без ветра колыхалось, шло желтыми волнами.

— Расти хочет,— пояснил Ламин.— Торопитесь, мало дней. Каждый день кормим.

Павел всмотрелся в крайние колосья. Они росли, росли на глазах: неспешно, но явственно тянулись вверх.

— Ночью спит, днем ходит,— сказал Иван.— Эй, однако, в лес идем, обед для пшеницы летит.

Над дальним полем тарахтел вертолет, белый дождь густо сыпался вниз.

— Идем,— звал Иван. Обернулся, нет Павла, совсем нет. Глянул туда-сюда. Посмотрел за камень. Нет. Лямин сплюнул и сердито сказал:

— Однако, совсем ничего не понимаю!

Пахомов третий

Это сон: перед ним в чашобе стоит аккуратный гражданин в сером костюме и грызет веточку.

Орефьев закрыл и открыл глаза — серый гражданин не исчез. Наоборот, теперь он семафорил руками, просил остановиться. Орефьев тормознул. А гражданин стоит — ручки в брючки, на ногах лакировки. Сухощавый, непонятного возраста. Странно...

— Здравствуйте,— крикнул серый гражданин.— Подвезете?

Орефьев приглушил мотор.

— А куда вам?

— Да мне все равно,— сказал гражданин.— Мне бы посмотреть, как и что. Я, знаете ли, приезжий, художник — и любопытствую.

Живого художника Орефьев видел первый раз в жизни. Кто знает этих художников, может, им положено разгуливать по тайге в лакированных туфлях.

— Садись,— сказал он.— Чего там. Подвезу... Гляди, сколько влезет. Мне надоело.

Художник ловко — в пору бы и самому Орефьеву — вскарабкался по лесенке и сел рядом. Ворочаясь, коснулся локтем. По телу Орефьева прошла странная дрожь. Он удивился:

— Вы будто электрический...

— Я электронный,— усмехнулся художник. Орефьев захохотал, выставив плотные зубы, и двинул рычаги. Снова завывли моторы.

Сегменты шевельнулись, и с грохотом и треском он двинулся вперед.

Пахомов всматривался в тайгу, забитую гнилью, сушняком, упавшими мертвыми деревьями. Миллионы, миллиарды кубометров... О, он знал, он ходил в тайге когда-то.

Здесь рождались лесные пожары, огромные, почти необоримые. И горела тайга месяцами, и на всю Сибирь ложился жидкий дымный покров.

И сейчас впереди их машин, гигантских многоногих гусениц, тайга была старая и обомшелая. Она грозила стволами, направляя их в глаза. Но сзади тайга оставалась парком — чистеньким и прозрачным. Деревья — одно к одному. Среди них, видный далеко и ясно, пробегал лосище, бурый и такой лохматый, что его хотелось поймать и стричь ножницами.

Зеленый, прозрачный лес...

— Как вы это делаете? — спросил Пахомов. — Не понимаю.

Орефьеву это понравилось. Сначала он решил, что художник понимает уж слишком много, и ему было несколько не по себе.

А вот таким, непонимающим, художник ему определенно нравился.

Он хотел толкнуть его локтем, но остерегся.

— Видишь ли, — заорал Орефьев, — раньше мы рубили деревья под корешок, ну и пилили на доски. Пропадало много — сучья, щепки, опилки, кора.

Потом стали прессовать отходы в плиты. А теперь за лес взялась химия! Строевой лес почти не трогаем — бережем, а вот ерунда, всякая дрянь растительная пошла в ход. В ход, говорю, пошла! Ездим вот на таких штуках и утилизируем все на месте, сразу... Это самоходная фабрика, — он постучал кулаком по рулю. — Как получается? Машина выбирает поврежденную древесину сама. Часть перегоняет на древесный сахар для скота, часть — на спирт и прочее. Но главное — это целлюлоза, на месте, сразу! И понимаешь, лес выгоден и такой...

Он обернулся взглянуть на произведенное впечатление, но художника не было: сиденье пусто, дверь закрыта. Орефьев разинул рот от крайнего изумления и чуть не наехал на сосну.

И рывкнул:

— Куда прешь?! — Машина повернула в сторону.

Притормозив, он взгляделся, но лес был пуст, и художника нигде не было.

— Ну и ну, — сказал Орефьев, почесывая затылок.

Пахомов четвертый

Он смотрел из-под ладони. Щурился.

Городок вздувался радужным пузырем от самого леса — от влажных блестящих мхов, от чудосочных сосен.

Пахомов глядел упорно, стараясь перекинуть мостик от городка к ранее виденному, и не мог.

К нему подошел старичок с корзинкой и белой палочкой. В корзине — грибы. Он поздоровался.

— Белянки,— похвастал старичок.— И ни одного червя.

— Быть того не может,— сказал, не оборачиваясь, Пахомов.

— Ни одного. Чего я здесь, в Эвенкии, не видел, так это червивых грибов. Нет их. Черви — народ нежный.

— Черви — народ,— пробормотал художник.— Скажите, папаша... Я здесь бывал зимой, лет двенадцать назад. На оленях, с экспедицией. Один наш замерз, хоронили мы его здесь. Это Виви?

— Точно!

— Вижу. Зимой не холодно?

— Ходим в демисезоне, значит, тепло. Так и живем — за стенкой минус шестьдесят, а у нас плюс шесть. И зовут его не Виви, а Теплый Город.

Теплый Город взбирался на холмы радужными выпуклостями круглых домов.

И — широченным размахом — город прикрыла льди-сто-прозрачная полусфера. У верхушки ее, на высоте километра, маячили, поддерживая, груши аэростатов.

— Вы старожил?

— Как же! Я его помню еще сопливым поселком — избы, олени, собачья грызня, а сейчас... Значит, вы приезжий?

Пахомов рассеянно кивнул. Старичок вздрогнул и бросил корзинку.

— Что мы стоим? Пойдемте вперед,— засуетился он.— Я вам все, все покажу, Сам!

Они прошли под аркой. Пахомов шагал легко и беззвучно. Старичок семенил рядом.

— Вы смотрите! — кричал он.— Пластмасса, всюду пластмасса! Вот, щупайте... А теперь идите сюда... Смот-

рите, это не дерево, крашенное под алюминий, это настоящий алюминий, легкий и прочный.

А деревья, деревья-то! Смотрите — клен. Вот тополя и яблони... Плодоносят!

И точно, всюду росли нежные деревья, а в бетонных кадках ершились пальмы.

— А тротуары! Самодвижки.

Пришлось встать на эскалатор. Хороший был тротуар!

— А собаки! — восторгался старожил.— Пятьсот штук охотничьих собак, а не гавкают. Злых нет. Кусачих лечат в клинике нервных заболеваний, глистов выводим в централизованном порядке.

Действительно, зверообразные дужие псы — медвежатники и их более стройные телом коллеги, специалисты по белке и прочей пушистой мелочи, встречали их миндальными улыбками. Но чем дальше они шли, тем больше людей присоединялось к ним. Сначала единицы, потом десятки, а теперь целая толпа яростных патриотов города топала следом. И все желали показывать и рассказывать.

— А какой микроклимат,— нестройно гудела толпа.— Лимоны выращиваем... Зимой астры цветут... Вокруг полярная ночь, а у нас искусственное солнце... Улицы отапливаем...

Старичка бессовестно отесняли. Он проталкивался, шуря локтями.

— Граждане! — вопил он.— Товарищи! Моя заявка! Я его нашел, и поскольку я старожил... Право находки! Ишь налетели! Найдите себе сами. Да пропустите же!

Он уже почти пробился, как толпа охнула и качнулась. Пахомов исчез, рассыпавшись с сухим треском. На тротуаре осталось черное пятно, да в воздухе пахло озоном...

...Сигнальный звонок. Пахомов очнулся. Зеленый свет рисовал комнату. Зеленые блики (среди них снова про-

шли трое Пахомовых). Он снял шлем и потрогал лоб — потный. Потрогал грудь — сердце бьется лениво.

Пахомов встал и вышел.

...Его встретили настороженно.

— Узнали знакомые места? — спросил кто-то.

Пахомов сказал:

— Да, места там суровые. Их надо стричь и чем-нибудь прикрыть.— Он заговорил уверенно и резко: — Итак, уважаемые коллеги, я отказываюсь от своего прежнего мнения. Вы правы, постройка сверхкрупных сфер над городами слишком дорогостояща. Но и в землю лезть не стоит. Я так вижу этот район: от реки Виви до вершин Путорана.— Он зажмурился, сосредоточиваясь, ведь он был главным художником, он руководил оформлением проекта, его голос решал.

— Я вижу поля, парковые леса, горы с подчеркнутой фактурой. Но естественные впадины и возвышенности заполнены перекликающимися, видящими друг друга поселками. Они поставлены под индивидуальными куполами пониженной тепловой защиты.— Все зашумели, вскочив с места, и главинж Калименков постучал карандашом.

Инженеры возились с ЭВМ. Пахомов, ожидая их расчеты, взял свою чашку кофе — он еще был теплым. Да, кофе... Напрасно им тогда подали кофе. Он уже преодолел врагов проекта, свалил навзничь перебежчиков из своего лагеря.

Но Калименков требовал зарываться в землю, враги ехидничали, перебежчики двоились в своих мнениях. Он же карандашом набрасывал новые варианты сфер, указывал пути быть предельно смелыми.

...Тут-то подали черный кофе и пирожные с маслянистым кремом. И, жуя и прихлебывая, побежденные им проектанты института отдохнули, опомнились и сплотились вновь.

— В командировку,— шумели они.— Послать его в командировку.

— Я изучил документацию!

— Не-ет, будь добр, езжай,— говорили ему.— Съездишь, мнение переменишь (и ведь точно, переменял).

— Съезди, съезди,— ухмылялся Калименков.— А мы подождем. Еще по чашечке выпьем.

Пахомов встал, пожал плечами и прошел к двери, на которой было написано: «Экспресс-командировки».

Он снова пожал плечами и вошел, просмотрел список достигаемых объектов и отметил на экране световым карандашом три из них. Затем кинул телеграмму Ивану Ламину и стал набирать код. Набрал, подождал зуммер и надавил красного цвета клавишу, соединяясь с центром перемещений.

Затем надел шлем и сел в кресло. А когда стал меркнуть свет, в последних его отблесках он увидел троих Пахомовых...

Теперь, прихлебывая кофе, он вспоминал. Он снова шел по тайге, он, начинающий художник. Ему повезло, но сколько друзей дремлют в северных мхах.

Тепло, нужно сюда тепло, солнце, крышу.

— Ты художник,— ворчливо говорил ему Калименков,— я тебя насквозь вижу. Тебе дай волю, ты всю землю наизнанку выворотишь.

— Неверно,— сказал Пахомов.— Неверно... Ну давайте-ка сюда расчеты. Я думаю...

И спор продолжался...

ДРУГ

Идет ночь — чернее цыганского глаза, густая падающим дождем и комарами.

Друзья не спят. Весной еще Нил выцедил из берез достаточно сока и приготовил самоквасом брагу.

Постояв, брага здорово окрепла, годилась на случай какой простудной хвори. А если смочить тряпицу и приложить, будет возможность оттянуть жар от глотки.

А можно и хлебнуть — с радости, что будет жить Ильнеаут, вылечили с Другом охотника!..

Давал Нил зарок, но с радости можно... Что до сих пор, слава богу, жив и здоров!.. И надо помянуть покойного барина, выпить за здоровье солдат. Им, конечно, всыпали по первое число за побег Нила.

И отчего не выпить с Другом?.. Разве мало они помучились в тайге?..

Нил закусил черемшой и лег на расстеленную медвежью шкуру. Ее подарила жена Ильнеаута.

Хороша шкура, спасибо ей!

Он подумал, что кончилась старая его жизнь и рождена новая. Новую жизнь дали Нилу эвены и Друг.

Друг и эвены...

Хотя Нил здорово измазался дегтем (который сам гнал из тощей здешней березовой коры), но остаются местечки. Глаза, уши... Их не смажешь.

Мучает в тайге комар.

— Комары-ы-ы...— рычит Нил.— Казнь египетская...

— Комары-ы-ы! — вторит Друг.

— Тебе-то чаво,— сердится Нил.— У тебя и тела одна видимость.

— Я чувствую тебя.

— Дымарь разведи. Хучь бы зима скорей!..

Нил знает, Другу ничего не стоит развести дымарь: моргнул — и задымились головешки. Но ветер гонит дым обратно, нечем дышать в чуме.

— Погаси,— просит Нил.

Костер гаснет.

— Вывел бы ты комаров,— просит Друга мучающийся Нил.

— О, не могу, есть запрет на вмешивание... Н-начальство!

— Иди ты со своим вмешиванием,— сердится Нил.— Выведи!.. Другом зовешься... Яви еще чудо...

— Не могу-у-у,— подвывает Друг и нервно дергается.

— И то,— соглашается Нил.— Комары — божья тварь, создана, питаться надо. Он допустил, а тут мы... Зима-а-а, где ты?

— Зима-а-а...— стонет Друг, шевелясь за пазухой Нила.

И больше всего хочется Нилу сейчас или заснуть, или без промедления оказаться в сельце Быковка, на пасеке. И чтобы пчелы вокруг тебя, и коровы ходили по травам. Рай!.. Сейчас и ягоды и огурцы зреют.

А молока-то, молока... Оленье что, сусло сусло... Ах и хороша Рася, а хода в нее нету. Мука! И Друг мучается с ним. Друг... Звать его мудрено, не выговоришь. Зато добр. Потому Нил зовет Другом.

Одно тело его железное, оно лежит в ящичке, закопано у того железного ведра, которое никаким камнем не прогнешь, сколько ни бей. А сам Друг то вроде дым, то котенок, то черт знает что. Может быть, думает Нил, их два?.. Один спит в ящичке, а другой здесь, с ним мучается его человечесьей мукой?

— Комары-ы-ы...— стонет Друг.

— Хоть бы заснуть,— истомно говорит пахнувший дегтем Нил.— Навей сон покрепче.

И Друг тотчас же начинает показывать ему сон. В нем есть шар вроде одуванчика, но это изба для множества нелюдей. Чертей, что ли? Их-то уж бог не делал по своему образу и подобию. Но Друг один из них, а так добр, так добр. Куда добрее быковского священника, отца Игнатия.

Нил засыпает. Он видит странные сны, в которые не верит. Даже во сне. А Друг склоняется над ним, тарашится и навевает их, навевает. Даже светится.

Затем друг Нила размышляет о своей планете, о катастрофе своего корабля, о том, что еще узнал (и запомнил) сегодня.

Он сравнил различные методы лечения — своего, таежного, ниловского... Он запомнил предание о Вороне и разобрался в очень усложненных родственных отношениях эвенов. Тайно.

...Что еще он сегодня сделал, что успел?.. Мыл друзей-эвенов. Сами не захотели, так он ливень нагнал, все равно помытые. После лечили охотника вдвоем. Нил плясал обрядовый танец, а он починал Ильнеаута, хорошо починил.

Затем Нил пил то, что зовется бурдой.

— Бу-урда... За-ачем?..— спрашивал он Нила.

— Жив, жив будет охотничек,— радовался Нил.— Пей и ты!.. Друг... Барина помянем, солдатушек...

— Бу-урда...

— Пчелы какие были! Здесь и шмель в диковину.

Попали они в тайгу разными путями, но в одно время. Пасечник Нил Кротов (он же знахарь) отравил барина. Выпив, он дал барину Кириллу Нефедычу настой блекоты, которой пользовал Манеиху от трясучки. (Барина он лечил зверобоем, его хоть ковшом пей. А блекоту полагалось считать каплями.)

Когда Нил проснулся и восстановил привычно хитроватое выражение скуластого лица, он вспомнил и побежал. Шибко!

Ох, как бежал, а ноги плохо слушались его... Он ворвался на барский двор, к окнам, что были величиной с его ворота.

Нил кричал:

— Погоди!.. Годи!.. Нельзя пить!

Будь Нил в себе, орать бы не стал. И уж конечно, не дал бы барину проклятый настой.

Он бежал и кричал: барин же кончался, карачун его брал... Понятно, Нила сгребли и под суд... И правильно, за дело — не лечи пьяным. А дело такое — хорошо задалась медовуха, и пили ее с кумом. Затем кум сбегал за штофом, соблазнил, и вот...

На суде Нил говорил чистую правду про медовуху и штоф и очень верно указал, что дворецкому Мишке не следовало брать настой, коли он вынес его в черпаке.

Дали каторгу. Нил не обиделся, надо так надо!..

...Гнали этапом. Сначала он шел окованным в железки, это было тяжело и больно. Все ноги посбивал. Потом он лечил зубы конвойного офицера Макарина, за что его повезли в телеге. Он и стал всех лечить от болей — той же блекотой. Закуривал ее в чайничке и давал сосать дым из носика. Помогало. С него и кандалы сняли, чтобы по пути травки собирал. И тогда Нил рванул в лес. Благо ноги поджили, а солдат зазевался.

Нил ушел в тайгу. Глушь!.. Была осень, подошли

они уже к реке Лене. Дремучая страна!.. Бежал Нил с молитвой, кормясь тем, что добыл. А что добудешь голыми руками?.. Сильно голодал, обеспамятел Нил. Очнулся — рядом сидит Друг. Он жжет костер. Далее пошли вместе, понес он Друга за пазухой. Зимовали они в берлоге, а весной нашли их дикие тунгусы — эвены, так они себя звали и уверяли, что их предки — собаки.

Нил с Другом остался у них... Нил жил открыто, а вот Друг тайлся, чтобы не пугать.

Патрульный корабль столкнулся со сгустком антиматерии, спасся один Сваритакаксис. Увидел: вспыхнул ан, летящий впереди. Но слишком, слишком близко! А сколько он спорил и доказывал омандо, что ан должен быть отдален. Не послушался... И только он, сидевший под смешки весь путь в аварийной капсуле, был выброшен из корабля. Его удача...

Аварийная капсула спасла. К добру?.. К худу?.. И началось скитание — он попал в плен притяжения солнца, желтого карлика, и летел от одной его планеты к другой, пока не нашел живую. Эту! Затем понадобилась кое-какая перестройка сенсорных механизмов и даже белковых систем. Это время он провел в капсуле. А когда вышел, вдохнул здешний легкий воздух. Ему на Земле понравилось.

Настоящая, живая планета, бушевание биосил... Но мучило одиночество. А тут он вскоре встретил Нила. Кто знает, как бы прошла их встреча. Быть может, Нил бы перепугался до смерти и напал, и тогда Сваритакаксис пустил бы в ход анопакс в нарушение инструкций.

Но человек полз и стонал. Друг, бредя тайгой, встретил Нила, обогрел его. Ополоумевший от радости Нил предложил жить вместе. Он все говорил: Друг, Друг...

Сваритакаксис лечил Нила... Когда Нил однажды проснулся с все еще болевшей, но ясной головой, то увидел Друга.

(А вся дорога представилась ему тяжелым сном, в котором и ногами сучишь, и орешь благим матом.)

Спал Нил крепко, но проснулся и поднял хитрое и скуластое свое лицо. Перед ним стояла тварь из сна. И посему Нил решил, что все это ему снится.

Но нет сна, а лес, снег и это... («Друг... Друг...» — билось в голове Нила.)

— Ты кто? — спросил ошалелый Нил.

Существо ответило птичьим языком:

— Свири... сис...

— С нами крестная сила! — троеперстно осенил себя Нил.

Ничто не изменилось — странная тварь на него поглядывала. Нил потянулся к палке — ударить — и не мог взять ее, так был слаб.

— За грехи мои,— застонал он: тварь одновременно походила и на зеленую лягуву, и на бабье любезное ситечко с дырочками. Была она в пояске с какими-то блестящими штучками.

— Ты черт? — спросил он.

— Не-ет, Ни-ил,— по-человечески ответила она.— Я Друг...

Нил облизнул губы. Что бы такое сделать?.. Проверить?..

— Перекрестись! — велел он.

— Ка-ак?

— А так,— ответил Нил, крестясь в убеждении, что обвел черта, который станет неопасным.

Существо повторило жест Нила всеми лапами и осталось как было. Значит, это не черт, а дивная божья тварь, говорящая по-русски.

— Дру-уг, помога-ай,— говорило Нилу существо. И точно, помогает: рядом, на костре, в прозрачном горшке, варится птичье мясо. А рядом другая посуда,

и в ней прееет то, что слаще сладкого,— каша из саран. Значит, тварь человеческий смысл имеет. А ежели разбираться, то все едино дышат на свете.

— Дру-уг,— сказала тварь.— Я-а-а...

— Друг,— отвечал Нил, испытывая странное блаженство.

И зиму они прожили вместе — Нил ходил охотиться с Другом. Тот прямо из-за пазухи стрелял зверей. Огнем. Перезимовали в берлоге, а весной их нашли тунгусы.

Нил перепугался — дикий народ! Набежал верхом на оленях, рогов полно, лес...

А еще у них ножи на деревянных предлинных ручках, и луки, и копыя. Словом, вояки. Собаки их сердитые, да и сами хороши, чуть поссорятся, тотчас давай стрелять из луков. Вроде барина, которого по милости Нила карачун взял. Тот стрелялся из пистолетов с соседом, страшнее. Но и стрела в пузо очень нехорошо. Стрела... Все здесь чудно для русского человека!

Житие этих людей странное — кожаные чумы, скитания, едят сырую рыбу, младенцев возят в корчажках, присыпав тертыми гнилушками. И сосать им дают не жвачку в тряпочке, а кусок сырого мяса.

Но прошел страх, понравились Нилу лесные люди. Зовутся эвены, уважают собак. Правильные люди, стариков слушают. И одежда хорошая, меховая. Легкая и удобная в тепло и мороз. А свыкнешься, то и рыба сырая, если мороженная, вкусом коровье мясо напоминает.

Привык Нил, ел и сырое и сушеное мясо.

Ел лесные саранки и ягоды, грибы, что растут здесь, чистые, ровно детки, без единого червяка. Эвены их есть не желают. Друг — тоже. Нил варил их себе одному.

Но что за еда в одиночестве?.. Без соли?..

Не будь Друга, сошелся бы Нил с шаманом. Очень был умственный мужик. К Нилу ходил, о травках лекарственных разговаривал. Но действовал он больше камланием — страхом вышибал хвори!

Нил посмеивался: не так, не так надо. Но и завидовал: работы пустяк, а платят хорошо, оленей, шкуры дают.

Да и лечить хотелось Нилу, привык... Об этом говорил с Другом. И — помогло несчастье. Шаман, леча девуцу, полез в дымовую отдушину изображать злого духа и упал оттуда. Он сломал ноги и отшиб печенку. Нил лечил его, и шаман, помирая, велел старикам считать Нила шаманом.

Друг тоже нашептывал.

Теперь колотил в бубен и плясал Нил, после давал пить хворым травяные настои. Когда эвены потребовали полетов Нила за духами и лазанья в дымоход, Нил поговорил с Другом. И теперь Нил бил в бубен, а плясал и головы задуривал Друг.

Появились олени, тридцать, пришлось принять на себя грех, женился — хозяйство! Взял старуху, чтобы все умела. Но сам жил с Другом в отдельном чуме.

Совсем хорошая жизнь, кабы не комары. Стойбище росло, ребятишки были здоровые.

От такой удачной жизни надо бы с Другом петь песни. (Друг умный, он быстро научится петь.) Но и горевал Нил: шаманство — бесовское действо!

Отказаться?.. Но шаман его просил — пляши!.. И правда, отчего не сплясать, ежели добрые люди требуют? Но это дело обманное... А почему и не обмануть человека, если ему этого хочется?.. Друг утверждал, что так всем будет лучше.

Шаман... Сам он верил и не верил в бубен. Спросил его как-то Нил, а тот отвечал ему так:

— Мы не верим, мы боимся.

— Чего?

— Тайгу боимся, амикана (медведя), плохих людей. Понятно. Как не бояться: тайга!.. Страшновато, хотя и не каторга. А если разобраться, то вообще жить временами не худо — еда имеется, Друг есть. И какой!

Учился Нил выть и в бубен бить. Друг во вкус вошел — летал, плясал, даже чудеса творил. Так, по малости: то зуб кому из железа поставит, то стекло в глаз сунет — и все видно.

Дело пошло. Нилу сделали парку из соболя, упряжь бисером расшили. Но главное — удалось построить передвижную баньку. Друг придумал сделать ее разборной. Воду грели в корчаге. Нил мылся и даже парился.

И все же страшное это камланье, особенно последнее. Чум большой, в нем очаг и все, что положено. Урке, вход.

И дымоход широкий, будто окно. Принесли больного Ильнеаута, что в воду зимой угодил. Теперь он чах, один скелет остался. А хороший охотник. И хотя не страшно за жену и детей: их сообща прокормят, но все равно жаль охотника. Жинка ему иглой грудь вышивала — лечила, — брусники давала. Не помогло, травы тоже не помогли.

Нил к нему приходил и спрашивал, что и где болит. Друг велел ухом слушать — и Нил слушал: хрипела грудь. Чахотка!

Надо плясать.

Собрался весь род — сидят ветхие старики, лежит хворый. Дрожит, ему страшно.

Что же, от хорошего камланья, бывает, и помирают люди — у шамана случалось. И бьет в бубен Нил, страшно Друг пляшет. Будто огонь!

Нил в тугой бубен колотит, скачет. Друг пускает то искры, то дым. То обернется медведем, то сажей мажет всех подряд.

Здорово работали оба. Только знает Нил: здесь камлание и травы не годятся, надежда в другом: вскакивает Друг прямо в больного, в нем исчезает, начинает болезнь вытягивать. Невозможно понять как, но вытягивает. Из него вот простуду вытянул. Большое это чудо (было и другое).

Нил притворяется, что Друг — это Злой Дух. Теперь он Друга будет выгонять. Час бьет в бубен, второй, третий... Больной глаза закатил, а в нем Друг ходит и лечит, ходит и лечит.

Третий час... Нил совсем обессилел, дыханье заходится. Наконец выходит Друг, а с ним болезнь. Хотя человек еще этого не знает. Друг очень усталый. Вылетая, он дает круг, пускает дым — и фьюить в дымоход. Нет Друга!.. Исчез Злой Дух!.. «А вдруг совсем?» — пугается Нил.

Но Друг ждет в чуме. Оба они устали.

— Выздоровеет? — спрашивает Нил, и Друг отвечает, что в этом уверен.— Жить будет? — суматошится Нил.

— Бу-удет... бу-удет... — уверяет Друг.

— Верно говоришь?

Другу надо верить, он может явить чудо. Это и смущает Нила, и пугает немного. А чудо уже было, являл его Друг, все его видели. И не зря есть большой кусок тайги, куда эвены ни ногой. А почему?.. Шибко непонятное место, говорят они. Духи бродят, мол, а понять, добрые они или злые, невозможно.

Так было — их совсем недавно приняли к себе эвены. Совсем рядом с ними аргишили хукочары, что порусски означает «топорики». Почему? Да выменяли у купца много топориков, а их бойцы-сонинги ими драться научились.

Сошнг, он такой, с детства к вооруженной драке приучен, с ним лучше не связываться. А тут еще род хукочаров сердитый, да помер у них кто-то быстрой смертью. И выходит, его убили наговором, так порешили хукочарские старики.

Нил как раз бродил около реки и закидывал удочку с костяным крючком. Он уже надергал бойких рыб, ранее им невиданных. И тут послышались крики.

Нил, открыв рот, увидел — из леса на берег вывалило множество оленей, а на них сонинги с луками и копьями. Иные, топориками размахивая, кричат.

И все нарядные, будто на праздник. А князец их аж подпрыгивает на своем учуге, Нилову стойбищу кулаком грозит. (До него рукой подать, только брод отыскать.)

— Ну, быть беде,— прошептал Нил. Он пересчитал хукочаров — тех было вдвое больше, и Нил поправился: — Быть великой беде...

Вот уже и стрелы полетывают с берега на берег.

Быть великой крови! И сердце Нила, пчеловода и лекаря, екнуло. Он побежал к чуму, как летел к барину.

— Беда-а... беда-а-а... Друг, помоги!

Нил влетел в свой чум. Увидел: Друг, очень недовольный, раскачивается в берестяной коробочке. Подвесил ее и качается. Он отказался вмешиваться. Нил просил его, на колени становился (а как орали хукочары, отыскавшие наконец брод...). Тогда Нил схватил валявшийся шестик и хотел бежать с ним.

— Разниму!

Тут Друг и швырнул какую-то блестящую штучку, нажал и бросил. Все затряслось вокруг. Нил упал и пополз к выходу. Теперь дрожал и пел сам воздух, будто громаднейший рой пчел ревел.

Нил вышел — и обмлел, Друг их накрыл радужной какой-то штучкой. Накрыл сверху, как барин накрывал свои диковинные часы. Это, должно быть, был какой-то особенный сорт крепкого стекла. Оно разгородило враждебных сонингов (а заодно и оленей). Хукочары уже побежали на оленях, лишь князь их в ярости бился в радужную стенку, махал топориком — хотел в стойбище, сердешный...

Но опомнился и бросился наутек, крича непонятное. Ниловы же эвены попрятались в чумы и даже костры свои погасили. И остался Нил, несчастные олени с той стороны да лающие собаки. А ночью колпак исчез неизвестно куда.

...Хорошо поработали. Друг Нила лезет ему за пазуху. Нилу приятно.

— Комары, комары...— шепчет Друг.

— Спи, спи,— говорит ему Нил. И сам мечтает вслух, будто барин его, Кирилл Нефедович, совсем не умер, и Нилу можно возвращаться на пасеку.

И он берет Друга, идет с ним в Россию, бросив дьявольские радения. И там они вместе живут на пасеке, ухаживают за пчелами, варят травяные настои. Хорошо! Друг рад.

...Вечерами они сидят за столом, у жбана самой легкой медовухи. Он пьет из ковша, а приучившийся Друг лакает из ложки. И они разговаривают о том о сем...

Друг подает ему хорошие советы.

...Хорошо — бабы принесли дикие утиные яйца, зеленые, а в берестяном туеске — олень густое молоко.

А, черт!.. Куриные яйца...

И когда стемнеет, Друг станет показывать ему чудную землю, где такие, как он, живут и прыгают.

Он познакомит Друга со старым барином, ставшим вполне хорошим человеком, когда состарился и оставил деревенских девок в покое.

...Перед сном Нил выходит, вдыхает воздух, определяет погоду завтрашнего дня по миганью звезд. Спят в ульях пчелы, пахнет травами и липой, гудят хрущи, летая туда и сюда.

Поют девки, а парни играют на гармонике. Все это разносится, разносится... Хорошо так жить!

Ах, Расея, Расея, чудесная ты сторона...

...Другу тоже не спится. Он лежит за пазухой Нила и, хотя ему жарко, старается не шевелиться.

Он слушает, как стучит сердце Нила, и думает о том, что придет спасательный корабль. За ним. До того времени осталось тридцать здешних лет. С комарами, мошками... Но улетать не хочется. Затем видится Другу его планета.

От выставленных солнечных приемников похожа она на шар того цветка, который Нил зовет одуванчиком.

Друг раздумывает о Ниле, ему жалко покидать его. Но за тридцать земных кругов многое может случиться. И с Нилом... Ему будет одиноко тогда.

Нила следует беречь.

...— Комары, комары,— шепчет Друг.

Нил отвечает ему:

— Спи, спи...

СЧАСТЬЕ

Идет день, и все здесь привычно. Хотя свет и пропитан какими-то искорками, хотя он не льется, а сыплетя на землю. Пусть себе!

А вот закат — это на Маг делается здорово! Вот только что солнце было круглое и голубое, и уже уперлось в горизонт и смялось в четырехугольник, выбросив рыжие протуберанцы. Одни поднимаются вверх, другие врастают в горизонт. Солнце теперь похоже на усталую голову рыжебородого человека.

Похоже на Эрика (я видел его фото).

Оно — сам Эрик — легенда этой планеты.

Затем солнце как бы застревает, и долго-долго на горизонте видна его рыжая голова.

И если спешит молодая магянка, то обязательно остановится и пристально, долго смотрит на закат. Так долго, что хочется крикнуть ей: «Да, я согласен, Эрик умел любить. Но он умер, умер... А вот я живой и сижу в этом кафе».

Но уходит магянка, и снова мы втроем — голова Эрика, я и посеребрянная роботесса.

Стакан крепкого кофе зажат в моей руке: я люблю разглядывать незнакомые нейзажи, прихлебывая горячий кофе.

Маг пустынна. А если бы сюда кипение городов? Женщин в их светящихся платьях?

Ресницы их сияют, а глаза черны. Они сразу ставят четкий вопрос:

— Вы космонавт? (Эти ценятся высоко: деловиты, эффектно, храбры.)

— Предположим.

— Почему ты не носишь свой значок? (Первая космическая скорость знакомства.)

— ...Ты... ты такой сильный.

Я пью кофе и думаю: хорошо, что здесь нет городов. Здесь люди деловиты и неспешливы. Вон пролетает в прозрачном вертолетике любитель древней техники. Летит на уровне горы, где стоит кафе.

Машинка старается, крошит воздух красными лопастями. Летун глядит прямо вперед. Закат краснит одну сторону его лица.

Куда, зачем он спешит?

Здесь надо идти пешком и думать не о делах (им нет конца), а об Эрике.

Я пью кофе. Я думаю теперь о фитахе — разгадка его все уходит. Я думаю о когда-то погасшем солнце этой планеты (а ведь горит), о Вивиан Отис и Эрике, их удивительной любви.

Взлаивают собаки, светятся шляпки грибов — равнина покрыта ими. Они будут светиться еще часа два-три, а там и погаснут. На рассвете.

Эрик садится — скрываются его рыжие космы. Испарения поднимаются вверх и прижимаются к стеклам. Шевелится зелень, тянется вверх. Пружинистые сажки царапают стекло, тысячи нелепых коготков. Они просятся ко мне.

— Откройся! — командует кто-то.

Окно с шуршанием отходит. Запах ванили, тол-

на стеблей. В листьях мигают их широкие травяные глаза.

Отчего глаза? Что они видят? Тайна, тайна...

— Ха! Вот он ты!

В окно просовывается голова Гришки Отиса.

Живоросток игриво обвил шею Отиса и зеленым крючком трогает мочку его большого и плоского, как оладья, уха.

И скворчит, скворчит ему что-то.

— Вот ты куда забрался.

Отис дышит тяжело. Рубашка расстегнулась, оголив шею.

— Отщепенец!

Отис взлезает в окно, оборвав кучу ростков, и садится за мой столик. Он улыбается и, схватив мою руку, благодарит меня.

— За что? — спрашиваю я и понимаю: пропал мой одинокий вечер.

Гришка Отис цепляется за руку и уговаривает:

— Пойдем к нам, не будь таким. Поешь домашнего, вкусного, сытного.

— Не,— говорю я.— Не.

Я представил себе его семейку. Занудные, унылые типы, как и он.

— Пойдем,— ноет Гришка.— Ты мне нужен. Посмотришь.

— Нет,— говорю я.

— А сестренка-то у меня Вивиан Отис. Эрикова!.. Понимаешь?..

И он подмигнул. Я словно лбом ударился. Вивиан Отис и Эрик?.. И Гришка Отис, наш бортмеханик? Муть какая-то.

— ...?

— Она снова отказала Дрому.

Я молчал.

Вивиан Отис поднялась нам навстречу. Она стояла среди мебели рыжевато-золотистого тона. Я пробормотал имя, но видел одно — среди всего золотистого стояла Вивиан Отис во плоти. Нет, легенды не вдали — с золотыми волосами и с золотыми глазами.

Гришка чуть смахивал на нее, но был блеклый. Так, серебро с процентом золота, целиком пошедшего в бороду.

Вивиан!.. Не может быть! Я видел ее фотографию. Дром держит ее у себя перед носом, роскошный и сентиментальный Дром.

Я жалел, что пошел с Гришкой.

Нельзя соприкоснуться с живой легендой (или живой ее частью) — легенда умирает.

Скажу прямо — Вивиан Отис, ты обманула меня в тот вечер. Ты была подвижно-веселая женщина, ты говорила нам о вкусном ужине и не имела права говорить о нем.

Ты подала мне руку — маленькую, крепко жмущую руку в золотистом пушке, а не должна была давать.

Я не знаю, что ты могла делать, но твердо знал, что было запрещено тебе, Вивиан.

Запрещено обыкновенное.

Ты не смела готовить ужин и тем более есть его. Нарушения так потрясли меня, что я упал в кресло. И пока оно обнимало меня, мурлыкая на ухо какую-то чепуху, я пытался помириться с тобой, Вивиан Отис, и не мог.

Ты предала меня! За ужином — очень хорошим ужином — я сидел истуканом.

Во-первых, этот тусклый брат. Во-вторых, Вивиан должна быть вечно молода. В-третьих, она должна говорить об Эрике (или молчать совсем), а не болтать как попугай.

Я позволил бы тебе, Вивиан Отис, только разгово-

ры о фитахе. Это соответствовало бы идее Великого Риска.

А тут еще Отис.

— Выкинь из головы Эрика! — заорал он и бросил вилку.

Сестра качала головой.

— Он тебя опутал! — вскрикнул Отис. — Мне противно глядеть на этот склеп! Всюду его хитрые рожи.

Отис нажал на что-то — засветились портреты Эрика. Объемные — они отрывались от золотисто-рыжих стен. И мне подумалось о его долгом счастье. Он вошел в эту женщину навсегда. Она дарила Эрику бессмертие, а он ей — взаимно.

Или она не в силах отказаться, стать иной, уйти от этого имени — Эрик, уйти из легенды?

Вивиан громко засмеялась и стала грозить пальцем Отису:

— Эх ты!

— Выкинь Эрика! Ты не любила его.

Я слушал их, держа на лице улыбку, и думал, что в конце концов мы и живем только в памяти других людей и умираем там же. Становимся меньше, меньше — и исчезаем. А если легенда?.. Тогда человек растет.

— Уйдем от нее, — сказал мне Отис.

Сестра его смеялась. Она говорила мне, что так шумят они в его прилеты и было скандалов не менее десятка.

— А могла бы иметь мужа и семью! — уныло говорил Отис. — И мне бы нашелся уголок.

Я смотрел в ночь (над равниной поднималось голубое сияние). Во мне рождалось великое любопытство.

Меня не интересовал Дром — он проиграл игру.

Не манила воображение Вивиан: она обжилась в легенде, ей тепло, уютно. Привлекла внимание хитрость

Эрика: он победил время и Дрома, этот невзрачный человек.

«Он хитрый», — сказал Отис.

Все было мелким рядом с этой великолепной хитростью. И несчастье Дрома, и бесконечное терпение Вивиан. Эрик перековал несчастье человека нелюбимого в нечто обратное — в счастье сделать новое солнце, в счастье остаться в сердце женщины, предельно красивой в ушедшие годы. Что он сделал для этого?

Я облетал всю планету за ту неделю, что мы отдыхали здесь. Я был в музеях, я говорил с людьми, я узнал все, что мог узнать о времени Великого Риска и Эрике.

Я проследил за Проектом. (Магяне до сих пор говорят: это было до Проекта, а это — после.)

Открыл Маг робот Звездного Дозора. Он приземлился — живая планета!.. Но через две сотни лет первые колонисты застали планету угасающей. Солнце стало багровым, сателлит — невидимым. Почву обтянула корка льда.

По планете носились пыльные бури, перегоняя с места на место ледяную пыль. Но кислород имелся, а живомхи еще цепко держались за камни, будто надеясь.

Командир Лаврак удивился неточности сообщения.

Жена его, Магда, тихая женщина, умерла в полете. Я видел в музее ее стереограммы. Она была хирургом экспедиции. В ее честь планету назвали Маг.

Но колонисты были довольны: недра планеты оказались щедрой (уран, алмазы, титан, золото, медь). Есть воздух, вода. Под куполами выращивали съедобную зелень (там же коснулись загадки фитаха и увидели мощь жизни в спящих магинских семенах).

И через десять-двадцать или тридцать поколений колонисты сделали бы вторую оболочку над планетой, и Маг окончательно перешла бы в разряд полуискусственных тел. Но солнце остывало.

Солнце гасло, и Всесовет предложил эвакуацию. Были отменены рейсы кораблей в иные секторы. Но, снимая с трасс корабль за кораблем и посылая их на Маг, Всесовет продумывал и иные предложения. Их поступило два.

Проектом номер один был срыв Мага с орбиты и крейсерование ее в другую солнечную систему. Проект номер два был практичнее. Предлагалось, разогнав массу Н до субсветовой скорости, вбить ее в центр солнца, возбудить его активность взрывом этой массы.

Это предлагал Эрик Сельгин — энергетик Мага. Проект был одобрен, но энергии требовалось больше наличного запаса планеты.

А если неудача?

Этот проект называли Проектом Великого Риска. И в истории планеты вдруг появились рыжий Эрик, Вивиан Отис, и сплелись их судьбы в прихотливое кружево легенды.

А третьим лишним стал роскошный Дром.

Беспокойные дни. Я крестил планету своими маршрутами, я бродил в шахтах, бывал на заброшенных заводах. Был в горах, был всюду.

Эрик?.. Обычный пресноватый человек, пожалуй, слишком суровый к себе. С детства он любил Вивиан, и только.

Дром?.. Эффектный, говорливый, блестящий. Ум, энергия! (И его любила Вивиан.) Гришка Отис?.. Так, тень Дрома.

Вот фото (оно лучше других). Отисы, Дром, Эрик. Фигуры их шевелятся, губы двигаются. Я слышу слова — чешую, одевающую этих людей. Словами Эрика прочно скрыт его замысел. А Вивиан?.. Шутки, капризы, легкомыслие. Еще одно фото — она, и рядом, бросающая черную тень, хромает рыжий Эрик. Впереди них шагает рослый Дром, роскошный Дром. Гены негров. Лицо умное, энергичное, темное, сильное. Откуда оно?

С равнин Уганды? С берегов озера Виктория? С болот Конго?..

Я спрошу его когда-нибудь.

Они шли — три человека и три их тени. Жизнь их была завязана в крепкий узел, но из троих все знал один Эрик.

Знал — солнце зажжется.

Знал — Дром торжествует последние дни. Это знание и кладет на лицо Эрика налет угрюмой хмурости. Но и торжества тоже.

Я прослеживал жизнь этих троих на поверхности и в глубине планеты, на магнитных линзах (они летали вместе с Эриком смотреть их).

Они облетали сооружения. Около каждой линзы, подобно рыбе, спящей в ночной воде, торчала межзвездная гигантская ракета. Светились цепочки иллюминаторов, вращались ее антенны. Я вижу крохотные их фигурки среди сплетения алюминиевых и стальных ферм — металл одел идею Эрика.

Ее можно было видеть и трогать.

Эрик... Он улыбается — теперь у него все шансы в руках — он рос вместе с Вивиан, он знал ее. Хорошо.

Или это улыбка инженера, которому приятно видеть свое детище?

Цепь магнитных линз для разгонки массы Н поддерживали корабли Звездного Дозора и лайнеры.

Цепь протянулась на нужные миллионы километров. Масса Н, получив импульс, должна была пролететь в каждую магнитную линзу и брать в ней дополнительную энергию у ракет. Последняя линза уточняла удар. От нее зависел успех, она направляла массу Н в расчи-

танную точку. Эта масса пронзит солнце и возродит его.

И вспыхнет солнце, сгорит прицельная — последняя — линза, и кончится работа.

И он, Эрик, хромой и невзрачный, останется один на один против Дрома и Вивиан, как был.

Он знал — счастье впереди, если он будет смелым. Он все решил и все взвесил. Я вижу его озабоченным. На лбу — вертикальная морщина. Еще фото: я вижу его около Вивиан. Он, хмурый и упорный, стоит на снимке рядом с Дромом.

Я пристально смотрю на него.

Лицо Эрика... Оно обычно. (Но видишь и холодок глаз.) Борода заслонила его крепкую нижнюю челюсть — в ней его неукротимость.

Лоб его выпирает вперед. Он рассечен мыслью на два сильных, больших бугра.

Тяжелая, большая голова. А рука?

У него прекрасная, женственная рука ученого в противоположность грубоватому лицу. Оно плосковатое. У всех волевых натур такие лица. У Дрома, например.

Тогда еще Дром был счастливым баловнем жизни.

Последние часы Эрик провел на прицельной линзе. Он никому не доверил ее, даже приборам. Там не было корабля — линза должна была сгореть. Эрик остался один, и его ракетная шлюпка была пришвартована к устройству. В это время его электронный двойник появился на главной станции и врубил ток. Дело было начато и кончено этим — никто на свете не мог остановить движения массы Н.

В этот момент (все было снято) на планете загорелись древние светильники. Их колеблющийся свет искажал человеческие лица.

Вообразите себе черную планету и роботов в шахтах. И людей, застывших в ожидании. (Эрик тоже ждал.)

Я вижу Вивиан Отис и Дрома. (Рядом с ними Гришка Отис.)

Они сидят в черной тени скалы, на них тяжелые одежды. Живомхи тянутся к их теплу.

Отисы молчат и глядят на солнце. Дром не может усидеть на месте. Он поднимается, ходит, топчет ногами, смотрит, из троих он больше всего скучает по солнцу.

Он боится провала, он знает — тогда они уйдут под землю. И потянутся столетия жизни в подземельях.

Ему жаль Эрика, он решает уехать с Вивиан, чтобы Эрику было легче.

А тем временем холодный разум Эрика отсчитывает последние минуты жизни, но сердце его сжигает боль. Все сделано. Он максимально придвинул линзу к солнцу. Приборы замерли в ожидании. Эрик думает о Вивиан, он прощается с ней. Он стоит в рубке, и лазер вспыхивает, и голос Эрика несется к планете. Его слышит Вивиан, слышат все. Даже если бы погибла планета, слова и голос жили бы во Вселенной.

Теперь Эрику все равно, что он рыж и хром,— он говорит.

Я вижу его впалые щеки и заострившееся лицо. Он смотрит в черный фильтр прицела на багровую поверхность солнца с островами холодного шлака...

Нет, Отис ошибся — не было хитрости, было твердое решение отдать всего себя делу. А еще жгучая боль — ведь он любил.

Он сказал, он подарил этой женщине то, о чем они мечтают все, красивые и безобразные, толстые и худые.

...Или все же связаны и лукавство, и его смертная тоска — в неразделимом противоречии правды?..

Эрик говорил, и все слушали его. Но женщины понимали все, а мужчины нет.

Женщины думали: «А стоит ли эта девчонка такого счастья?»

Мужчины: «Он чудит».

Женщины: «Он ходил рядом, я видела его».

Мужчины: «Никто не стоит такой любви».

Женщины: «Он должен жить».

Мужчины: «Сказав такое, надо умереть».

Эрик же смотрит на безмерную плоскость гаснущего солнца. Он видит прохождение газовых вихрей, колебание полужидкой плоскости. Он знает — масса Н близко. И в реве верньерных двигателей, управляя линзой, в последние секунды жизни Эрик уточняет удар массы Н.

Вивиан крикнула: «Стой!», но масса Н врезалась в солнце. Оно всколыхнулось огнем, взяло в себя магнитную линзу (и плоть Эрика). В этот слепящий момент рыжий Эрик стал легендой планеты Маг и бесконечно счастливым. Вивиан это поняла. Отис не понял: он был желторотым курсантом; не понял и Дром.

Но Вивиан увидела будущее. Ей было жаль Дрома, но она ощутила одиночество Эрика и в это мгновение полюбила его.

Так мне казалось, так говорили мне все.

...Я вижу толпы народа: они среди скал, на берегу моря, на ржавых плоскостях равнин.

Одни забрались повыше, осторожные уходят в подземные галереи.

На поверхности оставались Отисы и Дром. Они бы ушли, Гришка Отис и Дром, но Вивиан не трогалась с места. Она смотрит вверх, будто стараясь разглядеть Эрика и магнитную линзу. Но виден только красный круг. По нему раскиданы темные пятна угасания. Они бежали — это показывало быстроту вращения солнечного шара.

— Стой! — крикнула Вивиан.

И вдруг зажглась синяя точка на красном круге. Еще, еще одна. И началось бурное превращение солнца в ослепительный шар, и взметнулись рыжие волосы протуберанцев.

Солнце росло и росло (Дром кричал, что оно сожжет все).

Зной упал на планету. Поднялся водяной пар. Снега таяли, бежали потоки. Пронеслась красная буря, на короткое время заслонив солнце. Выпал ржавый дождь. Поднялись живомхи. С треском лопались семена, выбрасывая ростки. Море катилось на берег. Валы его гнались за бегущими в гору людьми. С гор стеной шли потоки мутной воды. Смешались жизнь и смерть, становилось голубым небо, поднялась зелень. Солнце яростно грело, наверстывая упущенные столетия. Люди сбрасывали одежду и отдавали себя этому солнцу, сыплющему на все голубой свет. Он лился вниз, как вода, растекался, словно потоки голубого тумана. И, взлетая вверх, пел свою песню фитах.

— Он жжет меня,— сказала Вивиан брату.— Жжет! Она закрыла глаза ладонями.

Отис обхватил ее, прикрывая собой от солнца.

— Пусти,— сказала Вивиан.— Пусти.

Дром скинул с себя тяжелую одежду. Запрокинул лицо. Поднял руки. Он плясал древний танец. Я видел его запрокинутую голову, видел голубые отсветы, струящиеся по коже.

Сначала он двигался медленно, будто в полусне. Древний танец словно просыпался в нем, чтобы взорваться движением.

...Кончив плясать, он подошел к Вивиан и властно обнял ее. Она была его, была женой. Вечной.

— Пусти,— жалобно сказала Вивиан.— Он смотрит на нас.

— Кто? — Дром оглянулся с угрозой.

— Эрик. Гляди, это солнце... его голова.

— Сумасшедшая! — крикнул ей Отис. — Сумасшедшая!

— Смотрите, протуберанцы — его рыжие волосы!..

Она закричала. Так кончилось счастье Дрома.

Жить вечно?.. Это можно только в сердце других людей. Эта жизнь самая уверенная и беспечальная.

Дром ушел в космос, и Отис с ним. И родилась легенда, и Вивиан, женщина с золотыми волосами, стала одинокой, а Эрик бесконечно живет в ней. Так все и случилось.

Я завидовал долгому счастью Эрика.

Я мечтаю. Она тягучая, как мед, эта мечта: у космонавта должна быть жена, верная женщина — чтобы ждала. Голос ее должен приноситься на радиоволне, и слова ее должны быть золотым металлом.

Но где найдешь ее, если малянки, самые верные, самые нежные, самые привязчивые, забывают умершего, плотно едят, полнеют и говорят, говорят, говорят ерунду.

И имеют унылых братьев.

Космонавт должен быть холост — лет до ста. Так и не иначе.

Я сидел в кафе. Пришел Отис.

— А-а, вот он где. Ночью уходим, готовься. (В глазах его с видимыми красными жилками что-то стылое. Он брит, подтянут, строг, в костюме.)

Я поманил пальцем — роботесса подошла. Кудри — золотые пружинки. Серебряное улыбающееся лицо.

— Кофе, — велел я.

— Он был страшно хитрый человек. Я имею в виду Эрика. Скажи мне, Дром — мужчина?

— Если судить по...

— Может он составить счастье женщины?

— Я не женщина, но, судя по...

— Мог бы! Эрик обошел его на повороте. И эта дура не хочет выходить замуж за Дрома.

— Она пример,— сказал я. (Вивиан начинала мне нравиться.)

— Плевать мне на примеры! Дром был сегодня в тысячный раз. А та бубнит: нет, нет, нет... Эй, кофе!

Я пошел прощаться с Вивиан. Мне хотелось войти в золотую выпуклость ее дома.

Вечерело. Эрик клонился к горизонту. Его борода сминалась о твердую зубчатую линию далекого хребта.

В небо раскаленной точкой ввинчивался очередной фитах, и кто-то долговязый целился в него камерой.

Я подошел к дому Вивиан. Подошел и увидел ее, стоявшую на площадке дома, у вирсоусов, шевелящих свои цветы. Я хотел крикнуть ей, весело и бодро сказать свое «здравствуйте — прощайте», но осекся: Вивиан поднимала руки, тянулась к солнцу.

Она прикрыла глаза, она отдавалась ему и говорила что-то нежное, говорила воркующим голосом.

Я стоял и слушал. Мне не было дано счастья слышать такие слова и такой голос.

Я повернулся и осторожно ушел.

Уходя, я твердил себе слова Эрика, подаренные им Вивиан: «Вивиан, я люблю тебя. Я вечно буду любить. Я войду в плоть солнца, чтобы светить тебе. Свет мой — любовь к тебе, тепло мое — любовь к тебе, все, что вокруг,— мой подарок тебе.

Смерть моя — во славу тебя».

Я шел и повторял эти слова.

(«Ни одного шанса, он взял все. Проходимец! Хитрец!» — негодовал Гришка Отис.)

«Вивиан была самая любимая в здешнем секторе космоса»,— говорили мне женщины.

И они жалели Дрома — тропического Дрома. Расчет?.. Неужели хитрость?.. Быть может, Эрик рассуж-

дал так: мы продолжаем жить после своей смерти и в мыслях, и в сердцах других (и в легенде).

Нет, у него был порыв: любовь, отчаяние.

Откуда-то вынырнул Гришка Отис. Он шел рядом, заглядывая мне в глаза. Походка его была косолапа, а вид подобострастный. Мы шли по тропе, поднимая легкую пыль. Живорастения цеплялись за ноги своими сяжками. Их свистение поднималось в небо и нависало над нами, будто прозрачный купол.

— Послушай,— говорил мне Отис,— послушай. Ты бы попробовал поухаживать за ней. А вдруг...

Я же повторял про себя слова Эрика. Их сладкая горечь жгла мое сердце, как кислота.

На горизонте виднелась его голова.

МЕФИСТО

Опять Великий Кальмар!..

Он свернул и бросил газету в воду. Она поплыла корабликом и вдруг исчезла: море скрутилось воронкой и взяло ее в себя.

Сейчас она опускается на дно и ляжет там, развернув белые крылья.. Великое море и Кальмар — Великий.

Море... Его шум идет отовсюду. Он бежит над блеском мокрых камней, путается в скалистых гранях и рождает маленьких, шумовых детишек. Те скачут через бурые пучки голубиных гнезд и зеленые прожилки ящериц.

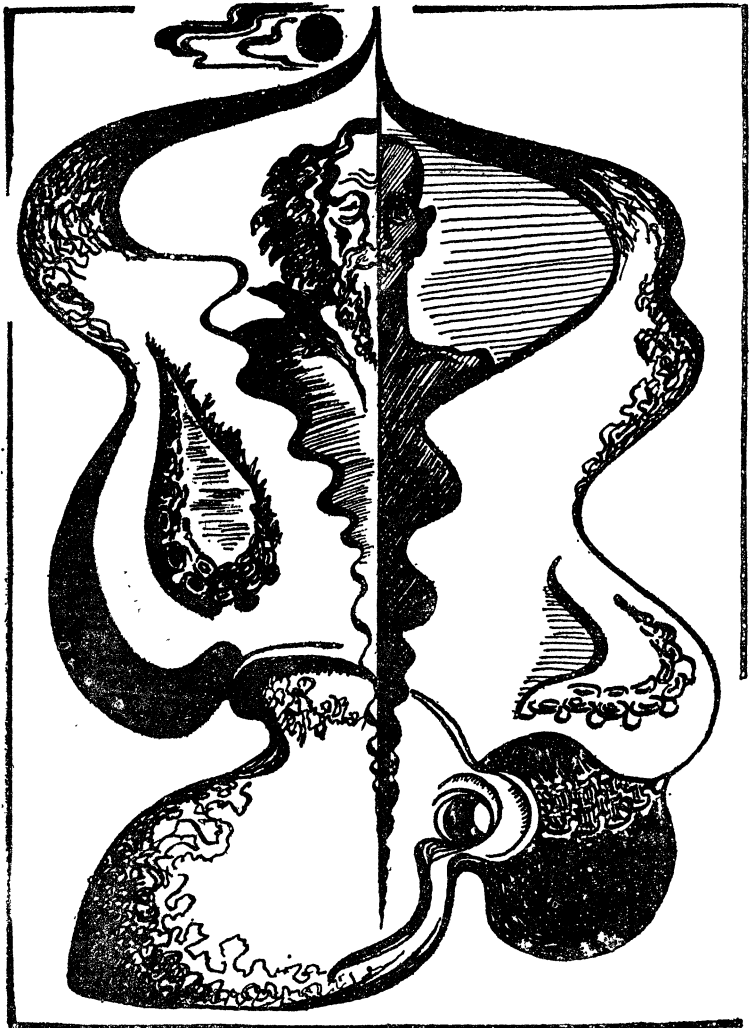
Если вслушиваться, то шум делится на два разных, оба неторопливых и размеренных: широки взмахи бронзового маятника времени. Шум говорит одно и то же: «Спи, спи, спи... Иди в покой, в неподвижность».

...Солнце со звоном бежит по воде. Маятник времени движется неторопливо, и на берег наплывают приемы волн.

Снова движение — маятник пошел в другую сторону. Теперь обнажается белый камень в глубине.

Газетчики... Зачем они звали? Что, он не видел перевернутых шхун и экипаж, утонувший в каютах?

Или догадываются? Чепуха.

«Это сделал Великий Кальмар?» — спрашивали они. И так видно, что он — сломан такелаж, вывернута часть борта.

Вероятно, закинул щупальца и, ухватив мачты, повис на них. И опрокинул судно.

...Полдень. Скамья теплая и ласковая — солнце! Все же эти воды не могут уравнять жар. Холод и жар, две крайности. Человек тянет свою линию в промежутке крайностей, но способность стать посередине приходит со старостью. Это мудрость?.. Угасание сил?..

...Отличная перспектива — зеленая бухта и кусок моря, отхваченный челюстями берегов. И тени бабочек синие. Тени круглы, как солнце. Это солнечные тени. Они бегут с бабочками, и слабые миражи ходят по каменной горячей стене. На ней дремлет кот, тонко посвистывая носом. Иногда настораживается и, подняв голову, узит глаза на все дневное. Зоркие глаза, холодные.

«Буду в полночь. Мефисто».

— Слушай, кот, вещая душа! Ты не спишь ночами, ты все видишь, все знаешь. Что будет? Он придет? Как я его увижу ночью? Ах да, полнолуние... Наконец-то я его увижу, если эта телеграмма не просто заблудившиеся в проводе электрические придонные искры. Вопрос: где кончается жажда всезнания и начинается мечта о всемогуществе? А вот к нам идет вкусный холодный чай, идет на негнущихся ногах моего старого Генри. Спасибо, старина, спасибо. Ты веришь в судьбу?.. Мне показали «Марианну». Это была трудолюбивая шхуна — сначала грузы на Папуа, потом сбор «морских огурцов» Большого Барьерного рифа.

Оттуда виден австралийский берег.

Судно опрокинуто на мелком месте. Значит, он где-то здесь.

А почерк его — ночь, спящий экипаж, крик вахтенного, когда он видит светящуюся массу Великого. Тот закидывает руки на мачты и повисает на борту — живой яростный груз!

Всегда одно — ночь и небольшие шхуны. Или яхты. Эта цепь ночных нападений опоясала шар и подошла сюда. И вот газетчики вопят: «Внимание, внимание, появился Великий Кальмар!»

Ну а я что должен делать? 1115 новых видов абиссальной фауны — самое важное в конце концов.

...Библиотека. Тишина, запах кожи, запахи рук.

От моря, лезущего в каждую щель, от постоянной густой влажности бумага взбухла и книги раздулись.

А, Мильтон... «И более достойно царить в аду, чем быть слугою в небе». Вот что мог бы сказать Мефисто. Сатанинская гордость в этих словах. Безмерная. Кстати, каковы пределы роста кальмара-архитевтиса? Есть ли мера? Или мерой служит безмерность придонных глубин? И это одинаково с погоней за знанием — чем больше их, чем полнее они, тем агрессивнее и безжалостнее?

И надо платить за знания: таково дьявольское условие. Они заплатили оба. Он платил болью, Джо — своими муками.

А если месть? Зачем было ждать так долго?.. Он всегда, давно готов.

...Солнце пробивает наборное, давних веков стекло. Его краски оживили комнату. Они пестры, как рыбы-попугай в изломах кораллов. Вот список яхт и шхун за этот год.

Индийский океан: «Сага», «Шипшир», «Смелый», «Каракатица».

Тихий океан: «Джемини», «Пирл», «Индус», «Флер», «Марипоза».

Атлантика: «Могол», «Артур», «Дэви Крокет», «Пигги», «Мститель».

...Тронутые руками времени бумаги, пачка пожелтевших листов, сотни, тысячи телеграмм — жизнь Мефисто. Как соединяют мысль, познание и действие. Какая удача, что маленький Джо был военным телеграфистом. А потом несчастье, словно удар или ожог: саркома.

Мальчик превратился в скелет: огромный костяк, огромные руки и ноги, маленькая сухая голова. Он сказал: лучше жить хоть так.

Мефисто отлично владеет ключом. Вот первая, как труха, рассыпающаяся телеграмма. Тире и точки, тире и точки, и перевод всей этой тарабарщины:

«...Я слаб, отец, и ноги меня не держат. Это еще действует наркоз. Сажу в пещере. Всю ночь кто-то долго глядел на меня огненными глазами. В них блеск фосфора настолько силен, что свет очерчивает странный, чудовищный контур. Мне страшно. Мефисто». (Такой избрали псевдоним — он сам.)

И примечание карандашом: «Начинается адаптация».

Мне тоже, тоже страшно, сынок, но только страх пришел сейчас. Вот череда телеграмм, длинная цепь, выкованная из звеньев страха.

6 июля: «...я так мал и слаб. Что я сделал этому, с горящим взглядом?»

7 июля: «...оказывается, это зеркало, поставленное для самонаблюдений, чужое тело вселяет в меня непрерывный ужас. Оно стиснуло меня — не шевельнешься, я вмурован в него, вмазан, стиснут, оно чужое, чужое, чужое! Я задыхаюсь в нем».

8 июля: «...ничего, не расстраивайся, отец, не расстраивайся, я сам хотел, я притерплюсь. Зато какой мир окружает меня! Ночами черный и горящий, днем пронизанный светом и движением».

10 июля: «...рыбы, рыбы, рыбы. Они все охотятся за мной. Они выслеживают меня, хотят съесть. Мне трудно здесь, я еще слаб и вял».

21 июля: «...сегодня хороший для меня день. Сносное самочувствие и превосходные цветочные эффекты в сплетении кораллов. Прогуляюсь».

18 августа: «...спасся чудом. До сих пор мне мерещатся противные жадные морды, длинные зубы, оскаленные, светящиеся, их круглые и злобные глаза. Возьми меня к себе. Мне страшно».

19 августа: «...возьми, отец!»

Он вспомнил себя — успех в науке высушил его. Он стал прямой, логичный и жестокий к другим и к себе.

Познание иссушило сердце, оставался вопрошающий мозг.

Тот день был врезан в память. Он сел на камень в том месте, где толстый кабель нырял в море. Соображал, чем его можно прикрыть. Волна плескалась и булькала в камнях, и вдруг он увидел Мефисто. Он крикнул: «Как ты посмел!»

Мефисто полз к нему, тянул щупальца и глядел черными глазами. Они тарачились и вращались в противоположные друг другу стороны. Крупные стежки шрама опоясывали голову.

Это липкое длинное тело, вместившее душу и мозг Джо, было ненавистно и родило только страх. Он стал пятиться, отходить, пока не споктнулся о камень и не упал... А тогда пришла ярость, фиолетовое чудовище.

20 августа: «Я понял тебя, отец, и это меня печалило.

Раньше я тебя никогда не понимал и гордился тобой. Я долго не буду тебя беспокоить, долго!»

Тогда и пришло первое их молчание — долгое.

20 сентября: «Болеет и потому не ел две недели. Пост оказался полезен — восстановил силы. Не выхожу. Смену дня замечаю по игре оттенков воды. Днем она зеленоватая, к вечеру чернеет, проходя всю череду зеленых, синих и пурпурных тонов».

21 сентября: «...Генри опустил мне на шнуре большую и вкусную треску. Я видел его наклоненное доброе лицо. Мне захотелось всплыть. Я унес рыбу к себе и съел всю, без остатка. Я уже привык к сыроеденью и подумал только механически: «А почему она не зажарена?» Насытившись, я спал (теперь я сплю охотно и помногу, но сон этот больше похож на дремоту). Меня коснулись подозрительные движения воды. Я увидел мурен. Они смотрели, шевеля плавниками. Мне хотелось

вскочить и убежать, но я сдержался. Мурены слизистые и толстые, у них собачьи зубы, и запах их невкусен. Они снились мне всю ночь».

22 сентября: «...Земных снов у меня нет. Полагаю, что мозг мой так истощен привыканием к чужому, что маневрирует только кратковременной памятью. Помни, я люблю тебя».

Что он видел тогда в нем? Не только отца, но и гордость свою? «Папа, если все удастся, я буду твоим морским глазом». Я убеждал себя, что лучше ему жить так, чем умирать.

Ничто не говорило об удаче операции, я не мог знать, что в морской воде и пище есть фактор сращения чужеродных тканей.

25 сентября: «...Я знаю, что ты терпеть не мог маму. Ее женское и требовательное пришло в конфликт с твоим стремлением к знанию. Мне стало тоскливо, и я позвал к себе память о ней. Я старался вообразить себя маленьким, в коротких штанах, с обручем и собакой. Это было трудно сделать, потому что ко мне пробрались маленькие медузы (их ты просмотрел в наших водах). Они жглись. Наконец пришло мамино лицо, но оно было окрашено зеленым».

30 сентября: «...Я изобрел защиту от рыб. Вчера отыскал актиний, похожих на красные гвоздики с нашей клумбы. Их посадил у входа в пещеру на камнях, а двух самых крупных держу в руках. Сегодня утром мурены опять явились ко мне. Я сунул актиний им прямо в глаза, они отпрыгнули и убежали. Жить можно».

11 апреля: «...Наблюдение: здесь все едят друг друга. Самых маленьких едят те, что больше их (рачки и рыбы), тех — большие, больших поедают огромные.

Пища достается тем, у кого рот большой и зубастый».

18 апреля: «...видел китовую акулу, глотающую рачков и планктон. Мы встретились нос к носу, но я ее не испугался. Больших с маленьким ртом здесь не уважают».

Бедный мальчик! Он еще шутил. Я же препарировал

его ежедневный улов (он складывал все в проволочную сумку, подвешенную к бую).

29 мая: «...Подбрось-ка мне цветковые таблицы, а то напутаю в описании окраски придонной мелочи. Сегодня в полдень сверху опустили бечевку. К ней была привязана макрель. Я решил — ага, это мне! — и сцапал ее. Тотчас сверху дернули, и в меня впился большой крючок. Меня поймали. Это больно. Я упирался изо всех сил, хватался за что мог, но меня тянули наверх. Я не сразу сообразил, что нужно делать, но потом запутал леску в камнях и вырвал крючок с куском мяса. Истекаю кровью. Увидев рану, испытал противоестественное — мне захотелось есть самого себя. Тому виной рыбаки. Я им еще припомню. Мефисто».

30 мая: «...Весь день пролежал в пещере, размышляя о жизни. Решил — нужно быть сильным и хитрым. Сильные и хитрые много и вкусно едят и спят в самых уютных пещерах. Я должен приспособиться. Принять все правила игры».

1 июля: «...Твое поручение изловить скорпену выполнил, но укололся и чуть не умер. Ты безжалостен ко мне, отец. Или ты хочешь от меня избавиться? Ответь, во время операции около меня лежало старое мое тело. Что ты с ним сделал? Иногда мне кажется, что оно где-то рядом и я еще встречу его».

7 июля: «Сегодня в моем мозгу горят невыносимые видения, звучат слова, гремящие, как медь, слова, которых я никогда не выскажу».

17 июля: «Меня вчера чуть не съели. Я увернулся и, сжавшись, упал в камни, а надо мной пронеслось что-то с разверстой пастью. Это не была акула. Такого ты никогда не увидишь. Закажи кинокамеру для осьминога. Ха-ха!»

18 июля: «...я так одинок, отец. Возьми меня обратно и держи в каком-нибудь чане. Я несчастен и жалок».

«...Я силен, рано утром я плыл, развивал скорость. Я пронизал толщу воды и вынесся в верхний слой, все

ускоряя движение. Мимо неслись, вытягивались в серебристые полосы макрели и сарганы. Я выплеснулся, взлетел в твой удушливый мир и упал обратно.

Брызги осыпали мое тело. Я чувствовал безотчетную радость. Но ненадолго. Я вернулся в пещеру, думал и был несчастлив...»

«...Поймал скумбрию и съел ее. Это вкусно, но еще вкуснее крабы. Вкуснее крабов бывают только устрицы. Охочусь за ними так — беру камешек, подкрадываюсь и вкладываю его между распахнутых створок. Потом отщипываю по кусочку и ем. И все время оглядываюсь».

Кто знал, что через пятнадцать лет он получит от газетчиков кличку Великий Кальмар. Вот кого я боялся — газетчиков. Теперь я смеюсь над ними.

«...Сегодня я ушел на глубину километра. Тяжело и страшно. Здесь такая глубина черноты, которую трудно и вообразить себе. И в ней горели тысячи огней, и я подумал: «Как в городе». Я увидел выходящего из глубин кашалота. В него впился кракен. На тупом рыле кашалота он выглядел шевелящимся венцом. Вокруг чудовищной и прекрасной пары кипело что-то светящееся и облепляло их, вычерчивая и проясняя очертания. Я желал победы кракену.

Я же опустил на дно и долго сидел. Вокруг меня было немного звезд и парочка морских огурцов. Я ждал так долго, что увидел чешуйчатого плоского ящера. Он шел по дну, медленно и тяжело ворочая головой, и лапы его были толще тела. Несмотря на темноту, я видел его отчетливо медлительные движения, срываясь придонных живорастений, неторопливые пережевывающие движения и красный глаз на затылке. Я понял — это мое инфракрасное зрение. Меня ящер не заметил, хотя и прошел совсем близко. Намекни Бартону, что глубинные его снимки на дне достоверны». (Я намекнул, но Бартон мне не поверил. А потом его яхта, которой я так завидовал, исчезла.)

«...Сцапал дельфина-белобочку. Он рвался из моих рук и испустил серию различных звуков. Остальная стая скрылась. Причем мною было отмечено следующее: поначалу его вскрики были одного тона, и стая рванулась к нему, а когда я распустил все руки, он заговорил другое, и стая ушла. Он предупредил. Я прокусил ему череп. Насытившись, я ушел к себе и долго размышлял над жизнью дельфинов. Они многого добьются. Они умны, имеют язык и общественны. По-видимому, дельфины — будущие владыки моря».

«...Нет, властелинам моря нужна сила, а дельфины слабы. Морем властвуют кракены. Изредка я вижу их, сильно пугаюсь и несусь изо всех сил. Потом забиваюсь к себе в пещеру и сижу там часами».

«...Иногда я вижу людей. Они недвижны, и лишь их волосы слабо шевелит течение. Они медленно погружаются вглубь. Они так похожи на тебя, отец, что я пугаюсь и убегаю. Я понял: я боюсь стать таким же неподвижным.

«...Что я люблю? Я люблю много есть, я люблю хватать других и убивать их.

Чего я не люблю? Когда меня хотят съесть. Не люблю людей, не люблю родниковую воду, бьющую промеж камней. Абстрактные знания, ранее привлекавшие меня, сейчас уступают конкретным, как уберечься и быть сытым».

«...Увидел странных рыб, черных и крупноголовых, с торчащими изо рта кривыми и тонкими зубами. Рыбы мерцали синим светом. Я схватил их. Все мое существо кричало — нельзя их есть, нельзя. Мозг сказал мне, что знать верно можно, только попробовав.

Я поймал восемь штук. Шесть я отдал тебе, а две съел. И сейчас весь горю. Мне страшно. Я умру и буду недвижим. Помогите, отец!»

(Затем тусклые смыслом, больные слова.)

«...Выжил, вы мне никогда и ничем не помогаете. Я могу рассчитывать только на себя. Все мне враги. Весь день сидел в пещере и думал о могуществе. В чем оно заключено? В силе, в зубах или плавниках? Я умнее краба, умнее рыб, умнее осьминога. Я имею человеческий ум. Он — сила».

«...Решил — не нужно верить вам, отец».

«...Сегодня видел кракена. Он неторопливо плыл мимо и тянулся почти бесконечно. Какие у него сверкающие глаза, какой крепкий клюв, длинные и толстые щупальца. Он был чудовищно прекрасен. Хорошо быть кракеном».

«...Вы просили, и я нырнул в пучину. Я долго и медленно погружался вниз, изо всех сил работая водометом и руками. Я миновал километр за километром. Криветки обстреляли меня светящимся соком.

Я погружался. Навстречу неслись огни прямо в глаза и тут же рассыпались фейерверками. Дышать становилось все труднее, руки слабели, тело плющилось, и временами казалось, что меня жует большая беззубая рыба.

Все во мне кричало — вернись! Погибнешь! Но ум говорил — держись, ты узнаешь новое, оно пригодится. Наконец я опустился на дно. Оно было безжизненно, почти безжизненно, только шевелилось что-то похожее на большое одеяло. Оно плоско-черное, с зелеными слабыми огоньками.

От него шло ощущение пронзительной, ядовитой силы.

Рядом я увидел странную девятилучевую звезду, я схватил ее и стал подниматься, и черное гналось за мной, колыхаясь.

Я рванулся и выплыл на поверхность. Там долго лежал без сил, и волны укачивали меня. Никто не напал на меня.

Отдохнув, я поплыл к вам. Вопрос: стоит ли рисковать из-за несъедобной дряни?»

«...Сегодня мне приходят мысли, холодные, как подводный ключ. Я умолчу о них. Размышляя, я забыл завалить вход в пещеру, и ко мне вошли три мурены. Я раздробил им головы и съел их».

Через два года: «...Я ищу новую пещеру. Я могу спать всюду — меня боятся, но считаю это излишним риском. Всегда найдется дурак с ртом больше мозга. В пещере же уютно и надежно. Ем почти всех. Думаю обычно о еде. Да, тех рыб, что нужны были тебе, я съел по дороге. Жди другого случая. На вкус они так себе. Кстати, почему ты не купаешься в море? Я у берега вижу много людей, а тебя никогда».

«...Сегодня нашел подходящую пещеру. В ней жила компания осьминогов. Они никак не хотели выходить — надувались, тарасили на меня глаза. Я поймал треску и, показывая им, выманил и разорвал их».

«...Принес удобный камень и приспособил его как дверь. Ты интересуешься черепахой-логерхедом. Отвечаю — невкусно, но есть все-таки можно. Сегодня ко мне спустили наживку. На один крюк было насажено две рыбы — маленький тунец и рыба-летучка. Я расшвирил, всплыл на поверхность и, ухватив лодку за борт, опрокинул ее. Теперь этот человек спокойно лежит рядом со мной. Чтобы его не унесло течением, я прижал камнем. Что мне с ним делать? Съесть?»

«...Как ты смеешь мне указывать! Нарочно съел его, хотя он груб и невкусен. Я чуть не подавился пуговицей, но, как видишь, все же настоял на своем. А может быть, и ты, нацепив маску, заглянешь ко мне? Приглашаю. Мефисто».

Прошло еще три года:

«...Я огромен и безжалостен, я умнее всех. Только ум и никаких чувств. Ты не можешь себе представить, какие здесь живут дураки! Пример — четыре архитевтиса напали на кашалота. Первый вцепился ему в голову, а три остальных дрались между собой из-за еще не убитого кита. Тот вынырнул, съел напавшего на него, потом повернулся к дерущейся троице. И опять один вцепился в кашалота, а двое так и дрались между собой. Щупальца кусками летели в стороны. Идиоты! Не волнуйся, я не ем человечков, я питаюсь дельфинами и молодыми кашалотами».

«...Ты мне предлагаешь обмен: я буду тебе ловить новые виды рыб, а ты меня кормить. Брось, я не дурак. Сейчас я тебе нужен. Но кто может поручиться за будущее?! Ты завидуешь мне, моему уму и силе, ты хочешь отравить меня. Я не верю тебе, я никому не верю. Я одинок. Одиночество — сила».

«...Вчера я убил первого взрослого кашалота. Я дождался, когда архитевтис вцепится в эту гору мяса подкрался и прокусил кашалотий череп. Архитевтис бросился на меня, пришлось убить его».

«...В этих водах я самый большой и сильный. Я никого не боюсь. Пробую силу на вас, людях. Вчера увидел яхту. Я все рассчитал. Ухватившись за правый борт, я повис всей своей тяжестью и опрокинул. После чего лег на дно и смотрел, как людей ели акулы. Их набегало штук двадцать. Они металась длинными тенями, а я лежал на скале и смотрел. Огромный, безжалостный и прекрасный. На следующий раз попробую опрокинуть пароход».

«...Вышло и с пароходом. Название: «Святая Анна». Я знаю — я буду расти, расти, расти много лет. Знаю — я сам кракен. Я стану сильным. Я — умный. Я — холодный разум в глубинах океана. Я буду властелином моего холодного и огромного царства. Я буду жить вечно. Я всюду распространяю страх. Я буду равнодушен к покорным и беспощаден к врагам. Я внушу ужас. Я буду царить в океанах по праву ума, силы и хитрости. Есть приятно, но внушать страх еще приятнее».

«...Встретил осьминога, огромного осьминога, тонны на две. Увидев меня, он побледнел и притворился мертвым. Я оставил ему жизнь — нужно же их приучать к покорности! Я всплыл около лодки, полной рыбаков. Позеленевшие, вытянутые лица! Я оставил их жить».

«...Сегодня я видел кракена неизмеримой длины и мощи. Он был глуп. Говорю «был», потому что его уже нет — я подкрался и прокусил ему череп. Теперь сижу в скалах на его месте и расту, расту».

«...Я страх, я ужас морей. Когда я всплываю, океан волнуется, и все живое прячется от меня. Даже вы, люди, сворачиваете в сторону».

«...Я уйду в свое царство, в одиночество, в молчание. Навсегда. Прощай, двуногое ничтожество. Мефисто».

...Умер закат — золотая полоска. В бухте появилось большое скопление ночесветок. Вода светится. В нее уходит кабель. Он вползает в нее, как резиновый шланг. Много тайн выкачал он из моря, из светящихся глубин. Кроме одной — Мефисто.

Он громаден, наверное. Никто не знает, каких размеров достигают архиветисы в таком возрасте.

Скажем так: Мефисто — его эгоизм, погруженный в глубины моря. Нет, он эгоизм науки.

Мефисто — его жадные глаза, брошенные в море, ищущие руки, опущенные до самого стдаленного морского дна. А сейчас придет его Джо, милый сын, раздвоившийся в смерти, лежащий одновременно и под холмиком в саду, и в теле гигантского кальмара. «Великий Кальмар — а я его отец. Дико! Слово увидеть сына ракетой, машиной, кораблем, молнией».

— Генри, кофе!

Вот он, обжигающий и ароматный. Кофе! Приятный запах счастья с горчинкой печали, аромат цветов с горечью увядающих листьев.

— Иду, Мефисто.

...Какие влажные дорожки, как ласково касаются листья моих щек — прохладные и влажные их ладоши. Так касаются холодные руки, сплетающиеся струи глубин. Покойно лежать на донном песке, мягком, золотом песке. Вот и лестница, ведущая вниз, и перила, лишние для привычного человека.

Светит луна, и видно все. Думал ли я, что Мефисто вырастет в чудовище? А думал ли Райт о бомбардировщиках «либрейтор»?

Кох — о бациллах в бомбах?

Бэкон о пулемете? Думал ли сэр Резерфорд о водородной бомбе?

...Вода черна, она шевелится, отражая луну, и родит жирный блеск. Сколько еще в ней тайн. Их не схватишь.

И все пропитано ожиданием и страхом. Дрожь в руках, под сердцем. И все дрожит вокруг. Прощай, вкусный кофе Генри.

Прощай, мое богатство и большая свобода, подаренная им. Спасибо за нее тебе, отец! Ты был добр, ты хорошо вел торговые дела.

— Мефисто, я жду-у-у!

Звук пронесся, отразился и ушел в воду. Та молчала. Старик сутулился, глядя в воду. Ему стало казаться, что ничего нет и не будет. Он зевнул — от напряжения и подумал, что завтрашний день будет теплый. Оттого не сразу заметил перемену, а увидев, замер, положив ладонь на грудь, к сердцу.

Вода еще молчала, но в ней, среди скользящих лунных блесков, растерзанной лунной плоти, проходила какая-то работа. Вот, шевельнулась. Лунные отблески заколыхались.

Скольжение отблесков ускорилося, медными полосками вскинулись летучие рыбы, исчезла белая запятая рыбачьей лодки.

И вдруг море поднялось, закипело и вспенилось. Мелькнули быстро вращающиеся колеса и покатились к берегу. Они расправились, вздыбились лесом рук-щупалец.

Щупальца упали на сосны, вцепились в них. Трещали и ломались стволы, громыхали и скатывались камни, ревел сбегаящий поток воды. Из черноты выплывало тело кракена — огромное и черное, словно затонувший корабль. Мефисто пришел.

Сверкнули фосфором глаза, будто колеса, и Мефисто стал уходить в воду. Исчезало тело, но еще светились гневные глаза. Щупальца, упав на берег, заскользили обратно.

Старик по-прежнему стоял, прижав обе руки к груди. В ней сидело острое. Оно пробило грудь и не давало дышать. Он не мог шевельнуться и не двинулся даже тогда, когда, черное и толстое, толще сосны, скользило мимо щупальце Мефисто. На своем пути оно хватало присосками камни, доски, лодки — все, что ему попадалось. И, словно еще один малый камень, совсем не заметив, оно прихватило отца. Еще раз блеснули глаза, и потянулась рябь — Мефисто уходил в океан.

...На берегу мелькали огни и маленькие людские тени. И возносились слабые их вскрики.

АРГУС-12

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРАСНЫЙ ЯЩИК

1

Шел дождь. Капли его в слепящей голубизне прожекторов казались летящими вверх.

Будто густые рои варавусов.

А их-то на площадке и не было. Ослепительный свет отбросил ночную жизнь Люцифера в темноту, что так густо легла вокруг.

Дождь лил... Вода текла на бетон, был слышен ее громкий плеск.

Я наблюдал, как грузят шлюпку.

Первым принесли Красный Ящик.

Я произнес формулу отречения, снял Знак и положил его в Ящик — тот мгновенно захлопнулся. И тотчас же около него стали два человека. Подошел коммодор, приложил руку к шлему, а те двое нагнулись, взяли Ящик и понесли по трапу.

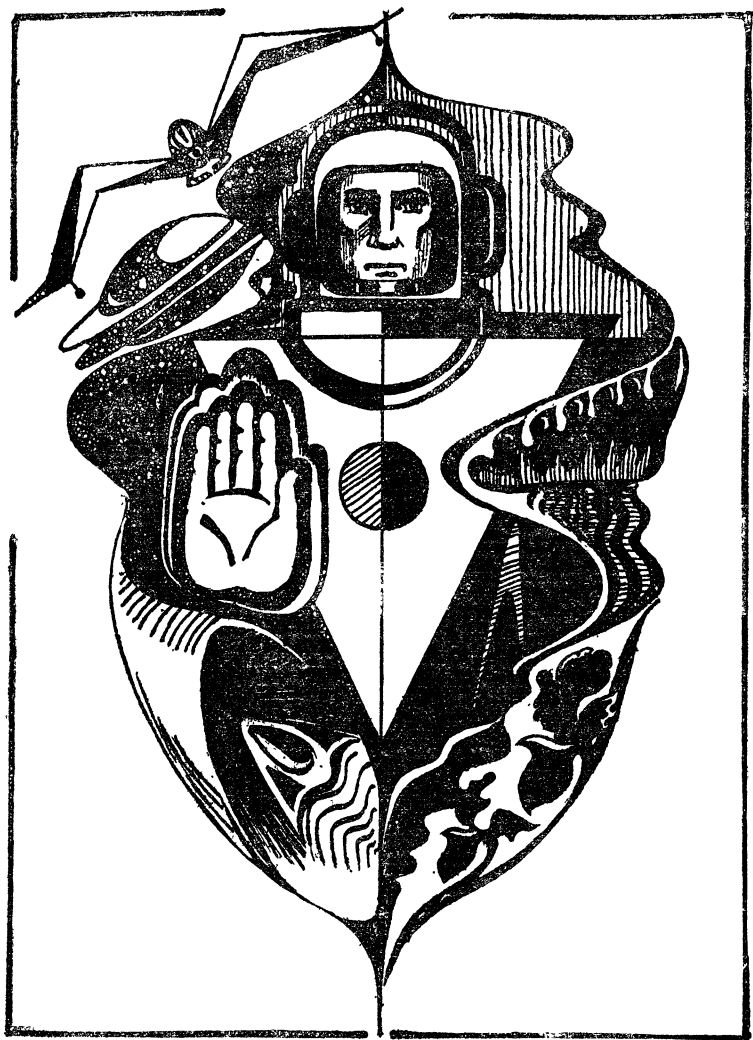
Вдоль их пути стал, вытянувшись, экипаж ракетной шлюпки.

Я отошел.

Вода стекала с шлема коммодора, бежала по его лицу. Вода блестела на костюмах экипажа, на их руках, лицах.

Голубой блеск воды, сияние, брызги, искры...

Прожекторы лили свет, и людей на площадке было много. Но никто не смотрел на меня, хотя всего не-

сколько минут назад я был Звездным Аргусом, Судьей и имел власть приказывать Тиму, этим людям, коммодору «Персея». Всем!

Еще несколько минут назад я был частью Закона Космоса, его руками, глазами, оружием. И вот пустота, ненужность. И показалось — был сон. Сейчас Тим подойдет, хлопнет меня по плечу. Я проснусь и увижу солнце в решетке жалюзи, и Квик подойдет ко мне и станет лизаться.

Но это был не сон. Люди еще не смели глядеть мне в глаза. Я еще был стоглазым, недремлющим Аргусом — в их памяти.

Все ушло...

Жизнь моя — прошлая — где она?.. Где ласковая Квик?.. Где мудрый Гленн? Где я сам, но только бывший?..

Они ушли — Гленн, Квик, я,— ушли и не вернутся. Ничто не возвращается.

...Ящик унесли. На это смотрел Тим, глядели колонисты. Большие глаза Штарка тоже следили за Ящиком. И хотя я не видел его рук, спрятанных за спину, я знал — на них наложена цепь. Мной.

Ящик унесли. Коммодор обернулся и с сердитым лицом отдал мне честь. Махнул рукой. И тотчас другие двое увели Штарка. И уже сами вошли переселенцы.

Они поднимались по скрипящему трапу, понурые и мокрые от дождя. Входили молча. На время установилась тишина. Стих водяной плеск. Я услышал далекий вой загравов и тяжелые шаги моута (он топтался вокруг площадки, и время от времени скрипело дерево, о которое чесался мут). Снова вой, снова тяжелые шаги. И чернота ночи, хищной и страшной ночи Люцифера. От нее отгораживали нас только столбы голубого света. Но сейчас ракета взлетит, огни погаснут, и будет ночь, страх, одиночество.

Будет Тим и его собаки.

Погрузили ящики с коллекциями Тима — все сто двадцать три. Подняли трап. Старт-площадка опустела.

С грохотом прихлопнулся люк. Налившаяся на него вода плеснулась на мои ноги. Сейчас они улетят, Аргусы улетят в Космос. А я остаюсь один, сколько бы Тимов и собак вокруг меня ни было.

Улетают — а я остаюсь, брошенный, несчастный, одинокий Аргус. Это обожгло меня. Я рванулся к люку.

Я подбежал и, не достав, ударил кулаком по маслянисто-черному костылю, на который опиралась шлюпка. Ударил и опомнился от боли, вытер испачканный кулак о штаны. И отступил назад. Тут-то меня и схватил Тим. Он держал меня за руку и тянул к краю площадки.

Я пошел.

За нами двинулись собаки.

Мы сошли вниз с площадки — теперь на ней стояла только ракета. На носу ее, метрах в двадцати пяти или тридцати над землей, горела старт-лампа. Красные отблески ее стекали с ракеты в водяных струях.

Завыли стартеры. Их вой был пронзителен и тосклив. Стононная ракетная лодка выла и стонала, стонала, стонала. Такого переизбытка тоски я даже не смог бы вместить в себя.

Ракета стояла среди голубых столбов света, стонала и выла. Казалось, она звала кого-то, звала подругу, чтобы только не быть одной.

Люцифер стих перед этим железным воем. Никто здесь не мог тосковать и кричать так страшно. И я впервые думал о металле с состраданием, как о живом.

Боль и усталость металла... Я понял их. Я вспоминал железные скрипы перегруженных ракет, плач металла под прессом, стоны конструкций. Разве боль не может обжигать молекулы самого прочного металла?

«А ну, кончай жалобы, ударь кулаком!.. Грохни!» — приказывал я ракете. Включили двигатели. Люцифер затрясся под нашими ногами от их работы.

Собаки прижались к нам.

Шлюпка выпустила раскаленные газы. На их белом и широком столбе она приподнялась и неохотно, туго вошла в воздух.

Замерла, повиснув, словно раздумывая, лететь или остаться.

И вдруг рванулась и унеслась. А мы остались внизу, опаленные сухим жаром.

Мох, сумевший вырасти среди плит старт-площадки, горел.

Грохот шлюпки умирал в небе. Теперь ей надо идти на орбиту, к шлюзам «Персея»: там будет их встреча, там кончится ее одиночество. А мое?

Я долго ничего не слышал, кроме застрявшего в ушах грохота шлюпки. Наконец стали пробиваться обычные звуки: рев моута, лязг панцирей собак, пробные крики ночников.

Испутив крик, они притаивались, проверяли, нет ли опасности. Я услышал дождь, вдруг припустивший. Проекторы гасли один за другим. И ударил хор ночников.

Они пели, свистали, орали, били себя в щеки — словно в барабаны.

Они квакали, трубили в трубы, визжали, гремели в железные листы.

Звуки нарастали, становились нестерпимыми для уха ультразвукками.

Я зажал уши. Собаки зарычали. Тим выругался и выстрелил вверх. От вспышки и грохота выстрела ночники притихли.

— У меня что-то с нервами,— сказал мне Тим и лязнул затвором ружья.

— Пойдем домой,— предложил я.— Я тоже устал.

— Еще бы не устать,— сказал Тим.— Ого! Теперь с месяц ты будешь как вареный. Ног не потянешь. Еще

бы, могу себе представить. Конечно, устал... Здравствуй, красавец!

Он включил настольный фонарь. Свет его уперся в морду моута.

Тот стоял, положив ее на тропу и раскрыв пасть, широкую, как ворота. Его глаза были склеротически красные, подглазья обвисли большими мешками и подергивались, слизистая рта белесая и складчатая.

По коже его ползали белые ночники. Тогда я включил свет вдоль дороги от старт-площадки к дому. Посаженные тесно, как грибы, вспыхнули лампы. Ярко. Монт шаррахнулся. В темноте затрещало сломленное им дерево и стало медленно падать. Вот ударились, захрустело ветками, легло...

Теперь мы могли безопасно идти — световым коридором.

— А ты прав,— сказал мне Тим.— Со светом оно спокойнее.

И мы пошли. Собаки загромыхали в своих скелетного типа панцирях. Псы были чертовски сильны мускулами этих аппаратов. Пока шли, стих дождь и небо прояснилось. В разрывах туч выступали звезды. Где-то среди их мерцания был «Персей». Шлюпка, наверное, уже в шлюзах звездолета. Должно быть, сначала из нее вышел угрюмый коммодор, затем вынесли Красный Ящик и вывели Штарка.

А за ним шли неудачливые колонисты — с чемоданами и свертками в руках.

Их скоро высадят на материнской планете и будут презирать до конца их серой, ненужной жизни. А Люцифер станет ждать следующих колонистов еще несколько месяцев, лет или несколько десятков лет.

Тим и собаки ушли в дом. Я остался во дворе.

Я стоял и искал «Персея». Еще час назад, Аргусом, я свободно видел его. И вот теперь не могу. А с

колонией покончено, это ясно. Мало людей в здешнем секторе. Но где же звездолет? Где? И тут я увидел его.

Небо — ударом — наполнила световая вспышка. Звезды исчезли — в небе загорелось новое солнце. На Люцифер легли глубокие дрожащие тени. Двигатели «Персея» работали.

Тени сдвинулись, и я понял — звездолет летит, несет в другой сектор переселенцев и Штарка. Видя движение этого солнца, я гордился. Мы, люди, удивляли себя своей мощью. Мы смогли сработать «Персей» и создать Закон Космоса. Кто нам мог препятствовать? Только мы сами.

За «Персеем» расходился светящийся конус. Пять дней моей жизни уносится со звездолетом — меньше недели назад Красный Ящик прибыл сюда на ракете «Фрам».

Да, это было всего шесть дней назад.

...Капитан Шустов с двумя людьми вынес из ракетной шлюпки и поставил ящик с регалиями и оружием Аргуса на площадку. И встал рядом, широко расставив ноги, держа руку у шлема. Его люди положили руки на кобуры пистолетов. С угрюмым любопытством они смотрели на нас.

Мы с Тимом встречали их. Пахло гарью. На боках шлюпки были вмятины, люди устали. Я глядел на них, работяг Космоса, глядел на Красный Ящик. И ощущал невольную дрожь...

Это был восторг первой встречи, свидания, не знаю чего еще.

2

Тим — сумасшедший работник. Ночь, а он сидел за столом и работал.

Он писал — как всегда. Очки он где-то забыл и писал, вода носом по бумаге, обметая ее бородой.

Писал жирным карандашом, крупными буквами, чтобы видеть их свободно. Потом он станет читать свои заметки, дополняя их по ходу чтения подробностями и соображениями. Я принял душ, переоделся, прилег. Тут же поднялся. Я ходил и пытался освоиться с положением. Я хотел вернуться в прежнюю свою жизнь и не мог. словно бы утерял ключ и стоял, уткнув нос в белую дверь, крепко запертую.

Дверь твердая и холодная...

Кто поможет мне?..

Тим?.. Ники?..

Ники стоял рядом — многолапый робот, мой покровитель, почти друг, и моргал огнями индикаторов, улавливая мою смуту.

— Хочу стать прежним, стать прежним,— твердил я.

Но где-то глубоко в себе я все еще был Аргусом и Судьей. Я преследовал Зло и размышлял о нем, холодея от негодования.

— Хочешь есть? — спросил Тим и ответил: — Конечно!.. Покормлю-ка я вас каким-нибудь кулинарным ископаемым.

Он поднялся, стал готовить еду (и диктовать машине). Он ходил между столами и плитой и диктовал. В то же время готовил ужин: налил воды, чайник поставил на огонь; вынул из холодильника два куска мяса и бросил их на сковородку. Но теперь эта готовка на ощупь не смешила меня, как раньше.

Я тоже ходил мимо полок со строем банок. В них — образцы. Я помогал собирать их, рискуя собой. Но какая это, по сути, мелочь.

Тим диктовал:

— «...Отмечается появление биомассы типа С № 13 (неоформленной, подвижной). Изменения в ней вызваны, по-видимому, передачей генетической информации от уже оформленных объектов. Отмечаю также бурное образование химер. Интенсивность биожизни этой пла-

неты не сбалансирована, и биомасса производится в чрезмерном изобилии. Я мог бы сказать при наличии демиурга (он усмехнулся и подмигнул бумаге), что данное божество впало в творческое неистовство». Какой бы ты хотел союз?

— Все равно.

— «...Мы можем оказывать на биомассу типа № 13 направленное воздействие,— диктовал он.— Применяя гамма-излучение и препараты Д-класса, вызвать нужный нам эволюционный параллакс планеты. Но лучше использовать Люцифер как склад генетических резервов. Также намечается решение вопроса антигравитации».

...Сковородка трещала, он топтался и бормотал, собаки, положив головы на лапы, смотрели на меня своими прекрасными золотыми глазами. Догги, огромные черные псы. Взгляд их покойный. У них желтые брови и морды, ласковые к нам глаза, мощные лапы.

Я почмокал — они вильнули хвостами. Я подошел к зеркалу и стал искать в себе признаки Аргуса — уширенный лоб, бледность кожи и невыносимый блеск глаз. Но мог отметить только свою чрезвычайную худобу. Кожа лица воспалена, глаза устали. И Тим выглядит плохо, и собаки кожа да кости.

Вот три их опустевшие лежанки.

Досталось нам всем, крепко досталось.

Я кривляюсь у зеркала, пытаюсь вернуть прежний блеск глаз, и не могу. Но вижу — за неделю я постарел. У глаз легли морщины. Они узкие, как волос, эти морщинки всезнания. Губы... Здесь еще жесткая и горькая складка Судьи. А еще во мне сознание — я прикоснулся к чему-то огромному, словно бы летал без мотора или вспрыгнул на пик Строганова.

Тим диктовал:

— «...Планета требует ученых типа классификатора. Для творца Гленна время еще не пришло. Законом работы...»

Я думал: братья Аргусы, звездные Судьи... Сколько времени еще я мог быть с вами?.. День?.. Неделю?..

И сейчас объем знаний Аргусов разламывает мою голову. Они гложут, грызут мозг. Забудутся ли они? Войдет в меня прежний мир? Зачем я согласился? Но те, кого выбрали Аргусы, не могли отказаться. Такого случая не было, Аргусы его не знали. Иначе они бы сказали мне.

Да и не отказался бы я, даже сейчас, все зная.

— «...И запальные в смысле генетики организмы». Готово, садись!

Тимофей снял сковородку, понес к столу и поставил на бумаги.

Я ощутил в себе сильно изголодавшегося человека. Мне захотелось есть сокрушительно много.

Тим ставил тарелки, разливал чай в большие чашки.

По обыкновению, он болтал за едой. Жуя, запикивал себе в рот огромные куски. Подошли собаки, положили морды на край стола. Тим бросал им кусочки мяса и обмакнутого в подливку хлеба.

Похудели, бедняги. Тим отощал, у собак до смешного заострились носы. Они плоские, словно долго лежали под ботаническим прессом.

— Ты понимаешь,— говорил, жуя и давясь, Тимофей,— мы с тобой уникальные люди. Я имею честь быть универсалом-ботаником, зоологом, этологом, дендрологом, чертезнаетчемологом. Ты затесался в Аргусы благодаря этой каналье Штарку. Силен мужик... Нам с тобой, по сути дела, надо писать мемуары.

Он захохотал, взял горсть сахара и, повелев: «Терпеть!», положил на носы собак по кусочку. Те, скосившись на сахар, недвижно и серьезно ждали разрешения есть его.

— То, к чему ты прикоснулся,— втолковывал Тим,— огромно. Аргус! Подумай сам, сколько бы ты мог еще быть им без опасности смерти?.. Неделю? Думаю, что три дня. А там истощение протеинов, анорексия и т. п.

Хоп! (Собаки подкинули и схватили кусочки.) Но ты должен хранить память о прикосновении к чему-то титаническому.

...И у меня такое же бывает, когда я в одиночестве обозреваю здание науки. (Он покраснел.) Ощущение, что я коснулся огромного, лезу на снежный пик. Слушай, может, нам махнуть на север, освежиться и поохотиться? Все же полюс, снега, мохнатое зверье. А?

— Посмотрим,— сказал я, думая, отчего он повторяет мои соображения.

А звучало бы: «Воспоминания Аргуса-12». Вспомним, вспомним... Итак, прилетел «Фрам», абсолютно неожиданный. Он скинул на Люцифер ракетную шлюпку.

Аппаратура наша разладилась в грозу, мы не приняли сигналов и копошились во дворе.

Было ясно, Люцифер просматривался на большем расстоянии. Вдруг из солнечной голубизны ринулось, гремя и пуская дым, длинное тело. Люди! Ракета! Мы с Тимом (и собаками) лупили к площадке во весь дух. Одеться толком не успели, бежали налегке. Затем капитан Шустов, Ящик из красной тисненой кожи, Обряд Посвящения и все остальное.

Я — АРГУС

Аргусы говорили мне — Обряд возник давно. Утверждали — истоки его терялись во времени. Я же знаю — и Обряд, и Аргусов родили достижения техники и изобретательность сильных человеческих умов.

Смысл Обряда был велик. Среди чужих солнц в пору редкого движения ракет (путь их рассчитывался по секундам) правосудие обездвигело, а Закон изменился. Преступления против Закона Космоса были и редчайшие отказы в помощи одних людей другим, когда жизнь и тех и других балансировала на острие и приходил соблазн сохранить одну жизнь за счет другой.

Нарушением (и преступлением) Закона станови-

лось угнетение инициативы — ею двигалось освоение новых планет.

Непрощаемым Преступлением считали то, когда в страхе (или гордыне) человек сметал чуждую ему био-жизнь с открытой планеты и творил новую — из машин и железа. Так же расследовали катастрофы. Это Аргусы нашли утерянный звездолет «Еврипид», они же разыскали исчезнувшую экспедицию Крона. Последнее было трудно, в том секторе нашлась только малая спасательная ракета. И Аргус, служитель Закона, рискнул собой и сделал нужное.

Исполнение Закона поручалось человеку, который был на той же самой планете (или в том же звездном секторе), где случилось Зло. Это обычно был человек бесхитростный, полный благожелательности (другого бы не допустили к Силам, подчиненным Звездным Аргусам).

Человек этот сталкивался с космически сильным Злом (пример с Генри Флинном, сошедшим с ума и единолично пиратствовавшим в секторе 1291 «А»).

Необходимость рождала необычайные изобретения — любой человек мог бороться со Злом, каким бы оно ни было сильным, — остальные люди занимались неотложными работами.

Ящик красной тисненой кожи вмещал в себя все необходимое. Его везли туда, где случалось Зло (легенды говорят — он и сам перемещался в пространстве).

Тот, на кого падал выбор, становился Судьей и Аргусом. Он преследовал Зло, побеждал его, судил, карал...

Иногда Аргус погибал, но Закон шел твердым и четким шагом по этим безлюдным планетам. И мне хотелось идти, искать, гибнуть и торжествовать. («Меня, бери меня», — подсказывал я Красному Ящику.) Шустов снял шлем и вытер лоб. Лицо его было озабоченным.

— Слушай, Иван, — спросил Тимофей, — зачем эта штука здесь? Что случилось? На планете нас только двое.

Шустов помолчал.

— Ну и жара у вас, ребята,— сказал он.— Как вы тут еще не сварились? Душно, сероводородом тянет. Ад!.. Я, собственно, вез сыворотку на Мекаус, да какой-то дурак убил здесь человека, вот меня и нагрузили. А он все тебе сам скажет, Ящик-то. Такие дела, Тимофей.

И повернулся ко мне:

— Эй! Я тебя узнал, ты Краснов и погиб на «Веге». А, Тимофей, чудеса с этими погибшими? То и дело их встречаешь живыми (а я и на самом деле был мертв, но стал жив). Ребята! Положите руку на эту штуковину. Быстрее, быстрее — я спешу. Если, конечно, согласны стать Аргусом, Судьей и так далее и восстановить справедливость?

Я шагнул вперед, положил руку.

— Согласен.

И Тим шагнул, положил руку: «Согласен».

Красный Ящик спросил ровным голосом автомата:

— Георгий Краснов, вы согласны выполнять Закон, требовать выполнения Закона, преследовать нарушившего Закон?

— Согласен! (Я ощутил нарастающую теплоту в крышке Ящика. Но рука моя была спокойна.)

— Георгий Краснов, я обязан предупредить об опасности — вы по коэффициенту Лежова заплатите годами жизни за дни работы.

— Я согласен.

— Вы знаете мифическое значение Аргуса? Недремлющего? Стоглазого?

— Да!

Автомат сказал:

— Тогда вы Судья, вы — Звездный Аргус номер двенадцать.

Я сказал:

— Да, это я.

Он сказал:

— Я передам вам Знание Аргусов.

И хотя из ракетной шлюпки Ящик с трудом вынесли двое, я взял его на руки. Я отнес его в сторону, под куст коралловика, открыл и вынул регалии Звездного Аргуса. Я надел его бронежилет и белый шлем, повесил Знак — пятилучевую звезду. И тотчас капитан, козырнув мне, заторопился по трапу. Люди его спешили, оглядываясь на меня. Их словно сдул ветер. (Я и сам ощутил его: потянуло холодом, прошумело в деревьях.) И друг Тим отвернулся, а собаки прижались к нему. Ибо во мне уже была сила Закона и не было в Космосе власти, равной моей. Я все видел.

Само небо открылось мне: сквозь густоту дневного воздуха я ясно увидел созвездия, облака звезд.

Они горели грозно. (Я видел, но не верил себе.)

Я видел (еще не веря себе) — приближался, идя мимо, звездолет «Персей». Сообразил — он мне будет нужен. Да, нужен. Я приказал и ощутил, как он, громадный, оборвал свой полет и пошел сюда — для меня.

Знал (и не веря себе) — он будет через пять дней, там уже рассчитывают режим торможения.

Я сделал это, я могу все. А что это все?..

Я могу останавливать ракеты, ломать злую волю и видеть человека насквозь.

Я увидел тебя, Штарк. Ты принес Зло на мою планету. Поберегись!

...Голове было жарко в тяжелом шлеме. Бронежилет широковат (это к лучшему — климат тропический), пистолет неудобно тяжел и велик. При каждом шаге он ударял мне по бедру.

...Проводив шлюпку, мы с Тимом ушли домой. Я повозился еще с привычными делами: проявлением фото, ремонтом сетки. Но все вокруг меня странно уменьшилось.

Двор — всегда я находил его достаточным для вечерней прогулки — стал тесен.

Я ходил, я топтался в нем — по мере ускорения своих мыслей.

Выглянул Тимофей, пожал плечами и закрыл дверь. Вышел Бэк, робко прополз и у мачты справил малую нужду. Высоко, будто искры, пролетела стая фосфорических медуз. На сетку, булькая горлом, ползли ночники. Но их крики стали тихими — звуки Люцифера были ничтожно слабы в сравнении с гремевшими во мне Голосами. Я стал Аргусом, и все прежние люди, прежние Аргусы говорили со мной, передавая мне Знание.

С ними я пробежал историю Человека, вылезшего в виде ящерицы из Океана и в мучительных трудах создавшего идеальное Общество, Закон, Науку и Ракету.

Не скажу, чтобы Знания дали мне счастье. Наоборот, во мне поселилось беспокойство. А вот в чем сила Аргусов: нас стало двенадцать умных, опытных и решительных людей — во мне одном.

Кто мог быть сильнее нас?

...Мы познакомились, мы говорили друг с другом.

Их голоса вошли в меня сначала как шорохи, как тени моих мыслей. «Я — Аргус,— думал я.— Как странно».

— Еще не стал,— шептал один.— Не стал...

— Ты будешь им,— сказал второй.

— Ты Аргус... Аргус... Аргус,— заговорили они, вся их шепчущая толпа. Голоса росли. Гроном они прокапывались во мне, оглушая, и уносились... Аргусы говорили со мной. Аргус-9 говорил, что я все узнаю о человеке. Аргус-7 предлагал рассказать мне о мирах. Они твердили советы — разные.

— «Если ты хочешь пользоваться пистолетом, двинь красную кнопку, что на его рукояти». И снова говорят — о том, что, получив Силу Аргусов, ее надо расходовать бережно, что, будучи сильным, надо беречь (не ломать) волю человека.

Аргус-11 твердил мне об истине. Аргус-10 — «Мы все друзья, все судьи»... И, кстати, напомнил о том, что Закон имеет исключения.

— Я — Аргус-1,— заговорил чуть хриплым голосом.—

Я чуть не был убит — тогда мы еще не имели бронезилов. Тебе расскажут, друг, о его свойствах. Я же стану говорить тебе о Законе и о себе.

...В эти часы я прожил их одиннадцать жизней, взял их опыт в себя. Я постарел в тот вечер, побелели мои волосы. Но на один вопрос они не ответили. Не пожелали.

Откуда брался страх, рождаемый мной?.. Я предельно добр. Что это? Отзвук силы? Могущества? Излучение?.. Или еще одна сторона доброты? Наши огромные собаки, нападавшие и на моутов, сначала боялись меня (а я так люблю их). Я слышал: вот они заскулили, вот пробуют выть, затагивая хором, глубокими, плачущими голосами. Вот Тим орет на них:

— Да успокойтесь вы!

И думает: «Я слышал, слышал об этой проклятой способности, но не верил. Как изобретатели смогли увязать телепатию и гипноз с такими новинками, как его жилет и каска?.. Не постигаю».

...Я — ходил.

В воздухе стыл голубой дождь сетки. Ночники ползали по ней. Разевая рты, они бросали звуки в меня (криком они убивают пищу). Они раздувались, они чуть не лопались от усилий. Мелькали языки, дрожали мембраны. Свет и звал и убивал их. Умирая, они скатывались по сетке в ров. Там их кто-то пожирал, хрустя и чавкая.

Вот белая плесень стала вползать по сетке. Она совала ложноножки во все ячей. Сейчас она вошьется внутрь. Но щелкнул электроразряд (автореле!), и она упала вниз большой мучнистой лепешкой.

...Я ходил. Глубокая ночь, светилась равнина.

Биостанция поставлена на самом высоком здешнем холме. Я видел голубое свечение равнины, а в нем холмы в виде темных вздутий.

Они вливались в небо кронами деревьев.

Пустынные места... Выходит, они не были пустынными.

За четверть диаметра от нас, на западе, была колония (в ней Зло), там жили люди, прилетевшие с планеты Виргус. Тайно от нас (почему?) колония основана три месяца назад. Я займусь ее делами, я раздавлю Зло. Такова моя цель.

...Утром я пойду в колонию. Мне нужна помощь в дороге, нужен Тимофей с его собаками, необходим «Алешка». Согласится ли Тим?..

Ничего — уговорю. Как он там? Лежит, закинув руки за голову. Вот думает о моем превращении. Затем некоторое время поразмышлял о судьбе щенят Джесси — их нужно отнять у матери и переводить на нормальный режим. Спасибо за такое соседство, Тим! Вот улыбнулся в темноту — воображает себе лица коллег, когда он вернется к ним через пять или десять лет с Люцифера... Думает о Дарвине и Менделе.

— Я вас перепрыгну... Обоих... — шепчет он. (Я не верю себе: скромняга Тим — и такое.)

— Спи, спи, милый Тим, завтра ты дашь мне собак и поведешь машину. Сам.

А теперь Люцифер...

Ты алмаз среди венка мертвых планет этого солнца. Ты обмазан Первичной Слизью, тебе еще предстоит сделать из нее отточенно прекрасных зверей, насекомых и рыб (это только эскизы — моут и прочие). Но твою, Люцифер, судьбу могут исказить виргусяне.

...Штарк! Я вижу тебя, вижу твой черный профиль. Ты словно вырезан из бумаги — в тебе сейчас два измерения. Мне еще предстоит уточнить, насколько ты глубокий. Поберегись!

Ты держишь в руках сейсмограмму. Ты знаешь: сидишь ракетная шлюпка, и озабоченность морщит твой покатый лоб... Жалеешь, что не был готов к такому быстрому повороту дела?.. Ищешь новые возможности?..

Думаешь такое: «Мне дорого время. Нужно год-два-три повертеть шариком, и тогда все убедается в моей правоте и силе и примирятся».

...Тимофей, славный мой человек. Ты не можешь уснуть? Спи, спи... до утра. Позавтракав, ты предложишь мне себя и собак. А еще мы возьмем ракетное ружье.

Его понесет Ники. Решено!

Я прошел в дом. Храпел Тим, глядели на меня, жались в теплую мягкую кучу собаки.

Милые, добрые чудачки...

ВТОРОЙ ДЕНЬ АРГУСА

За десертом Тимофей огладил бороду, защемил в кулаке, дернув ее вниз, спросил:

— Что намерено делать сегодня ваше величество? Сидеть здесь незачем. Ты что, решил пребывать в Аргусах вечно?

(«Сейчас ты предложишь помощь».)

— Видишь ли,— сказал Тимофей, кося глазами (я прикрыл рот салфеткой),— ты рад полученному могуществу, оно есть, мне снились всю ночь твои раскрасные очи. Но, голубчик, за могущество дорого платят. Я слышал, этот жилет... Короче, тебя невозможно убить. Это ложь. А все-таки безопасно ли долго носить на себе вещь таких странных свойств? Посему бери меня, собак, карету. Ты хоть приблизительно знаешь, где эта треклятая тайная колония? Узнаю сопланетников, всегда ерундят.

— Я вижу. Понимаешь — я вижу место, ландшафт, особенности. Но не координаты, конечно.

— А найдешь на карте?

— Запросто. Там развилка реки и плато с выходами синих горных пород.

— У меня есть фотокарта, я даже разбил координатную сетку. Примерно, конечно.

Тимофей стал открывать ящик за ящиком, разыски-

вая карту (у него всегда беспорядок). Говорил в то же время:

— На собак надены суперы.

«...А сейчас ты мне расскажешь о Штарке и Гленне. Они с твоей земли».

— Занятно,— говорил Тим, роясь в ящике.— Мелькнуло имя — Штарк... Звать Отто?

— Плюс Иванович... Сутулый, быстрый, подбородок и нос образуют профиль щипцов.

— Вспомнил! Встречал — эгоцентричная штучка. Но зачем ему делать зло?

...Властолюбие? — рассуждал Тимофей.— Пожалуй, есть. А еще стремление всегда настоять на своем. Вот его фразочка: «Тысячу раз скажу, а продолблю в голове дырочку». Мозг какой-то безводный — формулы, принципы, системы. И вдруг короткое замыкание и загадка поведения. Он выступал со статьями о колонизации планет. Гленн... Это сторонник биологической колонизации... Вот карта, чертовка! Хирург-селекционер, будущая знаменитость, мой враг и, наверно, гений.

Тимофей достал папку, развязал шнурки и бросил карту на стол, поверх посуды.

— Да, мы с Гленном враги. Я наблюдатель, я хочу на каждой планете все сохранить неприкосновенным, он же тянется все переделать. Самоуверенный тип, не люблю.

Карта была тимовская, неряшливая, самодельная. Но съемка вполне прилична.

Мы нашли реку и синее плато.

— Километров тысконок пятнадцать-двадцать,— говорил мне Тимофей, меряя пальцами.— Вылетаем в девять? Тогда спешим, туман поднимается.

Когда все решилось, я почувствовал новый год.

Я стал брать и доедать все со стола: бутерброды, паштет, куски сахара.

Тимофей озабоченно глядел на меня:

— У тебя сильно повысился обмен, хорошо бы тебя проверить калориметрически,— бормотал он.— И надо с собой взять всего побольше. Найдем еду у колонистов?

— Конечно. Но Штарк, знаешь ли, что-то мудрит с автоматами.

— Ври больше! — выкрикнул Тим.— Будто видишь.

Я — видел.

Жуя, я видел плоскогорье. Вдруг дым, обрывки пламени — я отшатнулся. Из дымного (видимого только мной) что-то косо взлетело, пронеслось по небу, исчезло. А вот смеющийся Штарк. Он какой-то острый. Пронзительны его нос и длинный подбородок. Он смугл, этот Отто Иванович. Губы тонкие, вобранные внутрь их краешки. И все — нос, подбородок и глаза — имеет вьедливую, шильную остроту. Вот махнул рукой и задумался, заложив ладони под мышку. А то — широкое — бешено несется к нам, обжигая макушки деревьев. Я понял — Штарк ударил первый. Догадался — та птица на узких крыльях, что летала над нами неделю назад, был его робот.

ЧИСЛО 21-е ВОСЬМОГО МЕСЯЦА (дневник т. Мохова)

Странные, напряженные дни. Нужно описать их, чтобы не ушли, не были забыты.

Во-первых, колония: отчего я не был предупрежден? Или было оговорено в Совете, что они объявятся нам сами?

Или помешала авария рации? Тогда все ясно — сообщение было, но оно не принято нами, его не повторяли, надеясь на колонистов.

Затем проблема коллективной личности Аргуса. Я предпочел бы провести этот опыт на себе, сейчас же располагаю косвенными данными, ненадежными ощущениями.

Я сразу ощутил перемену в моем друге. Меня заинтересовал феномен неожиданного усиления его личности. (Под рукой не было тестов, я не смог установить коэффициенты интеллекта «до» и «после».)

Но «после» Обряда его лоб стал шире и выпуклей, не то расплываясь в моих глазах, не то сияя. Изменился и лицевой угол, глаза приобрели маниакальный блеск. Ходил Георгий быстро, не сгибая ноги в коленном суставе, движения рассчитанные, машинные. Казалось, его толкало нечто, сидящее внутри его.

Что еще? Он стал выше. Это и понятно, рост его увеличился от повысившегося тонуса скелетной мускулатуры. Сжимая (по моей просьбе), он сплющил пружинный эспандер. Артериальное давление повышенное.

Он действительно Звездный Аргус, почти сверхчеловек. Мне тяжело с ним, я словно отравленный — жжет голову, тошнит, слабость в ногах. Он добрый, честный, открытый, но я испытываю смущение и, пожалуй, страх.

В нашу жизнь он принес суету и напряжение.

Утром (после завтрака) он вдруг закричал, что всем нужно лечь на пол. Сам же, схватив ракетное ружье (одной рукой!), выбежал во двор. За ним с лаем и ревом вынеслись собаки всей кучей, щенята Джесси заскулили в своем ящике.

Я вышел за ним.

Георгий крикнул, чтобы я сдвинул сетку. Быстро! Сейчас!

Я включил мотор, и небо открылось, голубое, чистое небо, даже медуз не было. И все крики и суета Георгия показали мне в этот момент такой ерундой.

Вдруг широкая тень пронеслась над домом. Все задрожало от рева двигателей. Упали комья огня, и — боп-боп — вслед этому широкому унеслись три маленьких ракетных снаряда. Их пустил Георгий. Они ушли за крылатым роботом, и за деревьями раздалось еще одно «боп», такое сильное, что упала радиомачта.

— Работа пустил! — крикнул Георгий.— Догадался! Отдав ружье Ники, он шурился на небо и почесывал шлем.

— «...Параграф третий: тот, кто направляет автомат на человека, заслуживает наказания первой степени»,— сказал он.— А точно наведено, у него хорошая карта. О нашей станции он все знал.

— Мерзавец! — сказал я.

— Пойду глядсть на дело рук своих,— сказал Георгий.

Он вышел, и, ничего не боясь, пошел лесом, и, как бы взлетая, прыгал через кусты.

Но какова реакция — сбил эту чертову штуку, выпустил три снаряда с расчетом. А если бы та ударила прямо в дом?.. И мне стало жутко. Я не боялся моутов и загравов, бациллы Люцифера не пугали меня. Но если прилетает робот и поднимает тебя и твой дом в небеса, в этом есть какая-то скверная жуть.

Мой дом... Мне стало жаль его той жалостью, что я порою испытываю к щенятам.

Нет, так дело не пойдет, надо спешить. Я пошел налаживать «Алешку». Осмотрел его — все было в норме — антиграв под напряжением, горючее в баках. Нажал пуск — скарп приподнялся до уровня моей груди. Я погладил его: люблю эту штуку.

«Алешка» — большая рабочая скотина с каютой, с плитой и холодильником.

Я опустил его, выбросил парудохлых ночников, тряпкой вытер рули управления, похлопал по подушкам сидений — хорошо! Занялся двором — мешали ворвавшиеся во двор всякие летучие, фиолетовые, надоедливые.

Они стрекотали, наскакивали на меня, жала их сверкали, как иглы.

Я мотором натянул сетку. И вовремя — подлетали летающие медузы — красные, синие, желтые. Они красиво плыли, словно древние корабли. Но когда спуска-

лись ниже, я видел синюю бахрому их качающихся шупалец.

Новых не было, все прежние виды — пузырчатые, медузы-титаны и пр. Я вывел собак и стал одевать в суперы.

Вот что я здесь люблю (кроме Георгия и зверей планеты) — живое тепло собак.

Во-первых, они моя дальняя родня. Во-вторых, мне сладко их гладить, трогать, ерошить шерсть. Я люблю их мыть, расчесывать, стричь... Так мило касание их горячих ласковых языков.

Но мне стыдно, что я завез псов на эту сумасшедшую планету. Мне хочется просить у них прощения, сказать — простите, вы сражаетесь и гибнете за меня, но без вас я не смогу здесь жить. Мне нужна ваша ласка, ваша бдительность и ваша любовь.

Суперы — бойцовые панцири. Собственно, к обычному я привинчиваю налобник с шипом сантиметров в тридцать (чертовски трудно научить собаку пользоваться им), добавляю шипы на спину и бока — по двадцать штук.

Хотел бы я увидеть рожу моута, сцапавшего мою собаку.

Но прямое оружие собак — автоматические пасти. Работает их челюстями наспинный робот с передаточной механикой страшной силы.

Я одел собак. Они стали фантастически уродливыми и до чертиков опасными. Такими мы и пойдем в колонию.

Вот заскулили, машут хвостами, жмутся ко мне. Ага, Георгий... Он перепрыгнул куст, хлопнул моута по морде.

В руке его широкоствольный пистолет. Итак, война.
— Ты знаешь, — закричал он. — Робот-то здешний. Ни одного клейма!

— Не может быть! (Я удивился.)

— Может!

— А чем так громыкнуло?

— Он нес три ракеты, этот дурак, но у двух отказал механизм сброса. Они и рванули. Кстати, угробили оранжевого бородавчатника. В клочья разнесли!

— Так ему и надо,— бормочу я.— Обнаглел, за собаками гонялся, меня ловил.

Георгий подходит, хлопает меня по плечу. У, какая тяжелая, добрая, страшная рука.

— Радуйся,— говорит он.— Им завтракает желтый слизень с дом величиной.

— Он светится?

— Там и без него светло.

По-видимому, это Большой Солнечник — он живет в роще коралловидных деревьев. Погрузились. Я сел за пульт управления, Аргус угнезвился рядом. Он сидел понурясь, словно из него вынули все кости.

Я увидел, как худы и остры его плечи, и у меня сжалось сердце.

Ннки влез к собакам.

Я поднял машину над деревьями, в мир особенных, верхушечных, лесных жителей. Нас тотчас окружили летающие пузыри, на крылья село несколько желтых двухголовок. Они подбежали к кабине и глядели, тараща глаза. Я повернул на юг и дал умеренную скорость. Газовые струи потянулись за нами. Теперь, если у Штарка и есть дальний радар, он ошибется, не заметит нас, так низко летящих.

Пролетев километров двести, я повернул на запад. (Здесь джунгли ивели верхушками.)

— Тим,— спросил вдруг Аргус,— Тим, ты все там убрал?

— Что? Где?

— Ну, дома?.. Коллекции, фото, записки?

— Основные в сейфах, последние на стеллажах.

— Тим, мне жалко, что так все получилось,— сказал Аргус.

— Что случилось?

— Он накрыл нас. Он вlepил в дом три ракеты. Ты погляди — дым.

Я откинул солнцезащитный козырек и увидел этот дым. Он поднимался из джунглей, тонкий и высокий, как шест.

Меня ударило в грудь, и закружилась голова. Я ощутил холодные пальцы Аргуса — он снял мои руки с клавишей управления.

— Мне жаль,— повторил он.— Мне очень-очень жаль.

Я зажмурился и подержал свое лицо в ладонях — они пахли машинной смазкой. Я стал предельно несчастлив.

Я родился в подземелье, на холодном Виргусе. Я рос на скупой планете, без животных и деревьев. На Люцифере я нашел для себя все, что мне было нужно, даже в избытке. Мне было хорошо здесь.

— Звездный,— сказал я.— Ты ввязал меня в эту историю. Чертов Штарк бы меня не тронул. Зачем я ему? Ну, сижу на станции, ну, собираю образцы.

— Верно.

— Я тебя должен ненавидеть — коллекции погибли.

— Основные в сейфах.

— Гони к дому! — заорал я, вскакивая.

— Вот этого я не сделаю.

— Там горят труды наши. И твои тоже, имей в виду.

— А мне что за дело? — сказал он и заговорил вдумчиво: — Я как-то отвердел, мне чужды твои тревоги. Я — стрела правосудия, направленная в Зло, мой путь прям. (Он вздохнул.) Ты не злись, сейчас тебе станет хорошо. Тебе хорошо, хорошо... Ты забыл, тебе хорошо.

Он погладил меня холодной ладонью, и мне стало хорошо. Я расслабился, даже глаза прикрыл.

— А коллекции мы соберем новые. Пустим в джунгли роботов-наблюдателей, и будет тебе урожай,— ласково говорил он.

— Да где же их взять-то, роботов, где?

— У Штарка.

А вечером следующего дня Штарк сбил нас.

До плато оставался час полета. Близился вечер. Мы пролетели озеро Лаврака. Там, помню, мы с Ланжевским стреляли по отражениям береговых камней и рикошетом попадали в камни.

Такое озеро здесь одно, прочее — болотистые джунгли. Если повторить это слово тысячу раз подряд, бормотать его не день, а месяц, год, то станет понятна их обширность.

Что там творилось, в этих болотах, никто толком не знал, даже я.

О доме и коллекциях я больше не думал, на Аргуса не сердился. Меня охватило состояние подчиненности, я отдыхал впервые на Люцифере. Сумеречное, дремотное состояние.

К вечеру мы запеленговали сигналы чужого радара. Автопилот повел скамп по пеленгу. Шли мы как по ниточке. Георгий сказал мне, что слушает Голоса, и зазмурился.

Собаки повизгивали, просили есть.

Я пошел к ним. Дал охлажденную воду, сунул каждой по галете и стал глядеть в иллюминатор. Я видел лес, размазанный скоростью в ржавые и белые полосы, видел проносящиеся назад летучие существа, слышал удары их мягких тел по корпусу и свист воздуха на его обводах.

Свист и мокрые шлепки, свист и шлепки.

И вдруг мы наскочили на скалу, ударились в дерево, уперлись в стену. Так мне увиделось — скала, затем дерево и стена. Меня бросило на пол. Вспыхнул огонь, и в кабину вошел вонючий дым.

Нас спасли высокие деревья — «Алешка» упал на их вершины и провалился вниз. Падая, он заклинился в сросшихся стволах. Результат — скамп прикончен, мне в кровь разбило лицо, Бэк вывихнул лапу, а Георгий как новенький, хотя кабину буквально разворотило взрывом.

Он сбросил лестницу. Я же в оцепенении глядел вниз — чернота тропического леса, фосфор мхов.

Я дрожал в ознобе. Я стискивал зубы, сжимая кулаки и... разрыдался. Георгий же скалился. Он ошупывал себя, хлопая по плечам, по ногам, и говорил мне:

— Ты знаешь, это тело даже не напугалось. Не скажу, чтобы не успело, — ракету я заметил, она шла встречным маршрутом.

— Отчего же не свернул?

— Инерция массы. Ракета же кинулась в нас из деревьев, как рыбка. Это было красиво.

И мечтательно, с эгоизмом вояки, сказал:

— Со Штарком любопытно цапаться...

— А здоровье экипажа тебя не интересует?.. Плевать?.. На собак? На коллекции? На меня?

— Осмотрим-ка лучше Бэка.

Мы вправили псу лапу и стали советоваться.

— «Алешка» пропал, — итожил Аргус. — Это плохо, дорога удлинится. Ничего, доберемся. Зато плюс — Штарк перестает нас ждать. Он уверен, что мы погибли. Конечно (Георгий прищурился), сюда прилетит проверочный робот, уже взлетает. Он сфотографирует, уточнит. Итак, никакого движения в течение часа. Кстати, отчего у тебя нет роботов-зондов?

— Траты на станцию и так чрезмерны.

(Робот уже был рядом).

Мы приказали собакам лечь и замереть, да и сами не двигались. Тотчас слетелись вампиры. Они тянули трубочки губ, нам приходилось бить их по вкрадчивым гибким мордам. Такие прикончили Шургаева. Он, раненный, полз в лагерь и был перехвачен ими.

— У Штарка есть пробел, — разглагольствовал Аргус. — Он слишком систематик, он пришлет робота еще два раза — сегодня и завтра утром: три фото, можно сравнить и делать выводы. Зато на следующие дни оставит нас в покое.

— Почему же именно три? — недовольно спросил я.

— Любимое число Штарка. Три ракеты, три роботубийцы.

И верно, робот прилетал три раза — дважды вечером и раз утром.

Вечером он просто шмыгал над деревьями, но утром прилетел на винте; и в тумане мы чуть не проморгали его. Но Бэк зарычал, мы оторвались от завтрака и увидели спускающийся в промежутке деревьев аппарат. Над ним — зонтик воздушного винта. Телекамера его вертелась, объектив то вспыхивал отраженным солнцем, то гас. Подлетая, робот выпустил длинную струю горячей смеси. Но поджечь ее не успел — Аргус отбил выстрелом здоровенный сук дерева, и тот, падая, стукнул робота.

Механизм заколыхался, включил ракетный двигатель и ушмыгнул вверх. Оттуда он и поджег лес — пламя прошумело по вершинам. Но хотелось бы мне видеть того, кто сумел бы сжечь эти джунгли! Они напитаны водой.

Древесина здесь мокрая, она не горит, а только тлеет.

Да и сами деревья — не деревья, а чудища. Деревья-кораллы, деревья-трубы, шары, колонны. Корни вверх, корни вниз, корни в стороны. Уф!

— Будь Штарк человеком, мог бы и ограничиться вечерней разведкой, не держать нас здесь целую ночь, — говорил Аргус. — А теперь в дорогу.

И, взяв консервы и антигравы скарпа, мы двинулись к реке. (Аргус заметил ее по белой окраске древесных крон.)

Замыкал отряд Ники, таща ружье.

Неприятности пешего хождения начались сразу — идти пришлось по прокислой местности. Здесь бурно росли грибы и зеленая пена. При рассмотрении (десятикратная лупа) понял — она была составлена из синих пузырьков, склеенных друг с другом чем-то оранжевым. Оттого цвет пены ядовито-зеленый.

Бэк неосторожно увяз в ней. Пена ожила и двинулась

на него. Бэк в страхе и в бешенстве хватал ее челюстями, но пена наползала, он скрылся в ее зеленой массе. (Фоторобот заскакал вокруг, дрыгая ножками, моргая вспышкой.) Аргус выстрелом испарил пену, Бэк освободился. Но в каком виде! — все панцирные отверстия отпечатались на его шкуре.

Он словно побывал в сильнейшем пищеварительном соке. (Примечание: дальнейшие исследования показали сообщаемость между собой всех зеленых пузырей местности.)

Из любопытных феноменов я могу отметить Белый Дым. Он попался нам здесь же, в болоте, он выходил из воды вместе с бурлением донных газов. В серо-зеленой тьме джунглей виделся призраком, но был материален, это утверждала реакция наших собак.

Дым устремился к нам. Мы кинулись врассыпную. Дым погнался за Бэком — пес взвизгнул и кинулся в гущу корней, забился в них, зашелкал, загремел челюстями. Дым, распластываясь, скользнул к нему. И тут же Бэк выскочил и бросился на Георгия — того спас ловкий прыжок. Бэк повернулся и вцепился в спину своей подружки Квик. Мы услышали хруст прокусываемых панцирных пластин, и Квик умерла. Затем он посмотрел на меня — такого бешеного горения глаз я еще не видел, рот его был кровавист. Он прыгнул — я выставил ружье. Он сбил меня. Я упал между высокими кочками. Собаки с ревом кинулись на Бэка. Джек пропорол его, а Лэди сорвала с него панцирь.

— Прочь! Назад! — кричал я на собак. Гибла вторая собака подряд. Проклятое место! Аргус внимательно разглядывал труп Бэка, он как бы прислушивался к нему.

— Смотри! — И показал на струйку Белого Дыма, пробившуюся между кочек: она выходила из мертвого тела, обвивая кочки. И вот дымная большая змея приподняла голову, выпрямилась — поплыла над черной водой.

— Какая гадость! — с отвращением сказал Георгий. — Это... это мне напоминает Мюриэль, увиденный Аргусом-3. Подобная нечисть погубила экспедицию Крона.

Он выстрелил из пистолета. Деревья загорелись от лучевого удара, ошпаренные древесные слизи падали один за другим.

Я же прощал Люциферу (и Штарку) смерть двух собак. За два коротких часа я увидел два незаурядных, необычайных, непредсказуемых явления. Их надо описать, взять в свою научную котомку.

И мне остро захотелось поговорить с Гленном, спросить его мнение, поспорить с ним. Но там этот страшный Штарк.

— Гленн умер, — сказал Георгий, хотя я не спрашивал его.

И снова мы строимся шеренгой, снова идем. Воды все больше, всюду летучие огоньки. Одни гнездятся в ступенчатой коре деревьев, другие плывут над черными водами. Собаки наши выбились из сил, то и дело садятся прямо в воду. Я устал. От усталости даже ненависть к Штарку испаряется. Я бы шел с антигравом, но хочу делить путь с собаками... Наконец река. Она течет в болотах. Как здесь выкрутится Аргус? Он выкручивается первобытным способом: дает приказ — Ники валит несколько деревьев. Тяжелые он отбрасывает, другие (они имеют почти невесомую древесину) — лазером разрезает, формует плот, связывает бревна. Плот готов. Ники кладет настил из жердей, мы прикрепляем антигравы и поднимаемся. Мы в воздухе будем идти вдоль течения реки, но под деревьями. Там нас Штарк не увидит.

Трудно — река узкая, деревьев много, приходится отпихиваться жердями. Ники топчется на носу плота, я работаю на корме. Ники активно шурует жердью.

Когда он взмахивает ею, я пригибаю голову. Собаки лежат на куче веток. И нет сухого места, сухой древесины, сухой одежды. Нас окутывает плесень, светящаяся в темноте. Раздражают осьминогоподобные улитки, в полтонны каждая. Они свисали с деревьев, они поднимали ноги, похожие на вывернутые корни дерева, они, подлые, ловили нас.

Собаки огрызались.

Мигги захворал, съев щупальце улитки. Начались судороги, а лечить пса нечем. Аргус пристрелил его, я — поставил в счет Штарку трех собак. (Отмечаю маршрут их смертями — Бэк, Квик, Мигги.) Видели моллюска спрутовидного. Он красив и ярок, словно оранжевый апельсин.

Он бросил в нас пучок щупалец — робот успел сфотографировать его. От светового удара вспышки моллюск скончался, но будет, как живой, в моей фотоколлекции.

Георгий сидел над картой. Он то бормотал о своем глубоком интересе к здешним болотам, то острил.

— В болоте, Тим, рождается жизнь. Болото и застой — символ особого рода жизни, скоро мы с ней столкнемся.

Или:

— Присмотрись, во-он деревья-психи. Одно пляшет, второе впало в детство и зеленеет от самых корней. Вот это дерево — мизантроп, оно растет на отшибе, на нем нет ни листика, однако живое.

— Далеко еще? — спросил я.

Он ткнул пальцем в просвет деревьев, на ровную, металлически блестящую полосу горизонта (над ней летела цепочка медуз).

— Плато! — сказал Георгий.

Он сидел почти голый (сушил комбинезон), но так и не сняв смешную каску и бронезилет. И не боялся ни бактерий, ни грибковых спор, он вообще в ту пору ни черта не боялся.

Он посмеивался надо мной и твердил, что биолог должен автоматически любить болота, медуз и осьминоглоподобных улиток, я отмалчивался. Мне не нравились его подшучивания.

Не смешно — дом наш разрушен. Не смешно — ради погони за неопределенным Злом погибли три мои собаки.

Три из семи. Их предки увезены с Земли, их родители направлены отобраны, они сами выучены для службы вот на таких сумасшедших планетах.

Им цены нет!

А в доме была Джесси с щенчишками. Дурацкая бомбежка!

Преступник охотится на блюстителя справедливости и закона.

А что такое закон?.. Вот, скажем, эти мхи. Они растут, сосут голубую землю и через миллион лет породят траву. Это природный закон. Слизняк в болоте ловит других маленьких слизней, переделывает их в свою массу. И это закон.

Вон следы мюта. Следы поспешные. Интересно, от кого он удирает? Но раз он удирает — значит, есть существа крупнее и сильнее его. Тоже закон — на сильного всегда найдется сильнейший. (На Гленна — Штарк, на Штарка — Георгий.)

А закон человека? Справедливость его многолика.

Закон... Ники привинтил ракетное ружье на свою башенку. Но держится он ближе к Звездному, чем ко мне, — это закон симпатии.

Ники, проходя, осматривает плот — закон осмотрительности. Или стреляет, разнося в клочья очередного болтающегося на дереве слизня, нарушившего закон осмотрительности. (Грохот, шипение ракетного снаряда — и слизня как не бывало.)

...Снова вид на плато. Я установил на штатив астрономическую трубку и рассмотрел летателей. Это оказались не медузы, а мини-скарпы типа «Блеск».

Простому же глазу они казались то пузырьками-медузами, то светящимися пушинками.

Я наблюдал, Георгий сидел, положив на колени карту, делал отметки маршрутов скарпов и жаловался, что ну просто не в силах настроить мозг на их волну.

Их много, толчея в голове.

— Чего я не понимаю,— сказал я (в поле зрения пролетели три скарпа — два серебристых и один синий), — чего не понимаю — они же активные, оснащенные и не удосужились заглянуть к нам.

— Удосужились! Для точной стрельбы нужны карта и сетка координат.

Я развивал мысль:

— Понимаешь, нормальный переселенец дома любит на картинки, слизи ему кажутся смешными. Но приезжает, выходит на свежий воздух и... чешет обратно во все лопатки, прячется за колючую изгородь на полгода, год, пока не привыкнет. А у них иначе — летают!

— Ты когда делал карту?

— Месяц назад крутился вокруг шарика. А еще я не понимаю Гленна. Почему он не позвал меня сразу? Мое имя известно.

— Гленн умер, оставь его.

— Хорошо. Где дома колонистов?

— Домов нет.

— Так где они живут?

— А по-твоему? — Георгий улыбается.

— Слушай, нет ли там пещер?

— Есть, и еще какие. (Он сощурился, будто видит их.)

Ники вскинул ружье и повел стволом, будто желая выстрелом сбить птицу в полете. Движение его было молниеносным, но Аргус успел схватить ствол ружья и поднять его. Ракета с шипением и брызганьем искр унеслась вверх.

Синий прогулочный скарп пронесся над нами, сверкнул брюхом и ушел за деревья. Собаки залаяли вслед. Георгий орал:

— Быстро!.. Быстро вниз!

И мы приземлили плот.

Деревья здесь были прегустые, в белых перьях, а бревна плота длинные — пришлось работать. Затем мне было велено прыгать на берег, Ники — держать плот на месте и следить за собаками.

Мы с Георгием побежали в глубь леса. Белый нервный мох дергался под нашими ногами.

— Он здесь,— говорил мне на бегу Георгий.— Я вижу его.

— Он мог улететь прямо.

— Он здесь, я его узнал.

— Их разведчик?

— У поганца другая цель.

Я запыхался и отстал.

— Скорей! — Георгий протянул мне руку. Наконец мы выскочили на поляну и увидели машину. Около стоял моут и обнюхивал пузырь кабины. Морщины на лбу зверя двигались, в глазах была серая, голодная тоска.

Мы проскочили под его брюхом. Я обернулся и увидел — он обнюхивал свой живот.

— А если... прилетят... другие? — спрашивал я.

Аргус не отвечал. Еще просвет в деревьях — другая поляна. В середине круга красных деревьев, шевелящих ветками, плясал человек. Он бил ногами, работал руками, вскидывая их вверх.

Пляска была дикого, иступленного темпа, ее только и танцевать одному, в тайном месте. Человек подсакивал, приседал, вскрикивал:

— Их-хо-хо!.. Их-хо-хо!

Это был очень толстый мужчина. Его рыхлые тела са тряслись, белые волосы растрепались, ему было чертовски тяжело и жарко.

Такому надо сидеть в комнате, на стуле.

Мы подошли ближе — мужчина плясал, закрыв глаза. Лицо его было измучено, багрово. Но было видно — ему мучительно, до боли приятно.

Но вот он открыл глаза и взлетел.

И стал летать, загребая воздух руками, вытягивая ноги, изгибая туловище, прижимаясь к незримому.

Я знал — это ерунда, карманный антиграв, но страх поднимался во мне. Я ощутил свои волосы.

Толстяк увидел нас. Он подлетел, он гонялся за Георгием. Тот отступал, а плясун, легкий, словно пузырь, налетал и налетал на него, дребезжа мелким, гадостным смехом.

— Дрянь! — вскрикнул Георгий и ударил его. Толстяк упал. Он лежал на мхе, разбросав руки, и Белый Дым неторопливо покидал его.

Он был велик и плотен, этот Дым. Казалось, на поляне сожгли дымовую шашку, и ветер несет, вздрав, столб ее дыма (а ветра не было). Дым ушел, а толстяк лежал и не шевелился. Георгий схватил его за волосы и поднял голову. И вдруг стал бить его по щекам. Он бил легонько и размеренно, ладонью бил сначала по правой, затем по левой щеке.

Шлепки разносились в тишине.

...Мужчина оттолкнул руку Георгия и сел. Он оперся на руки и посмотрел на нас. Глаза его были крупные и светлые кругляшки на красном лице.

— Ребята,— сказал он, помолчав.— Я вас не знаю.

Мы с Георгием промолчали.

— Эй, я тебя видел,— сообщил он Георгию.— Где я мог тебя видеть? Здесь? Чепуха. Такая же была синяя морда, такой же серьезный.

— Зачем привез Дым? — спросил Георгий.

— Что, самому захотелось?.. Так валяй, сладостно.

— Как звать? — крикнул Георгий.

— Эдвард Мелоун.

— Послужной список?

— Крон на Мюриэле, Glenn на Люцифере.

— На Мюриэле ты был помощником Крона. А здесь?

— Правлю роботами... Я вас видел, видел... А-а, так вы Аргус. Звездочки, ящички, мотаетесь по планетам, жите ваше проклятое.

— Взятся за старое?

— Аргус, я человек, и все человеческое...

— Тим, взгляни, это человек... Для чего Штарк назначил тебя управляющим?

— Он спрашивает!.. Да мы все там управители... кто универсальных роботов, кто специализированных... Шарги правит червецами, изучает почву, Курт заведует прыгунами. И так далее.

— Где Glenn?

— Опочил. Но вы же это знаете.

— Верно. А что с тобой будет, ты знаешь?

— Не запугивай,— быстро сказал толстяк.— Прощают до трех раз, у меня есть резерв.

И здесь я увидел ухмылку Аргуса. Презрительную. Губы его раздвинулись, лоб исчеркали морщины, зрачки сжались в две крохотные горящие точки. Он скользнул по мне взглядом, рассеянно, просто повернул голову — и я ощутил болезненный ожог на лице. И понял (видя рядом Аргуса и Мелоуна), сейчас, здесь, Георгий уже не человек, а нечто большее, сейчас он с теми, чьи голоса слушает, когда стекленеет глазами.

— Третьего раза не будет. Тим, уведи ублюдка и пришли сюда Ники.

Тут Мелоун замотал головой, мол, нет, не пойду. Георгий взял его физиономию за углы челюстей и подержал немного. Он поглядел — глаза в глаза. Мелоун затаил, Георгий отправил нас к плоту. Порочный тип устал, едва тянул за собой ноги. Я обвязал его шнуром, включил напоясный антиграв и такого, летучего, стал буксировать за собой. От деревьев же, оберегая свою ударяющуюся голову, тот сам отталкивался руками, кусающихся двуголовков пинал.

АРГУС

Вот чего им не видно со стороны — ускорения моего личного времени.

Медлительность совершающегося вокруг изумляла и злила меня.

В своем новом времени я увидел надвигающегося крылатого робота. Он выполз из-за макушек деревьев, вошел в прицел моего ружья и приклеился к его перекрестью. И не желал двигаться дальше. Я, прижимая спуск, послал в него три ракеты — одну в двигатель, а две в правое и левое крылья. Потом глядел на обломки и обнаружил, что робот здешний, на своих деталях не имел клейма, в состав металла входил люциферий (элемент виделся мне дрожащей радужкой).

Я запросил, что делать. Аргус-3 сказал мне о судьбе экспедиции Крона, сгубленной Белыми Дымами, и я решил побывать на здешних болотах, прилегающих к плато. Не были полной неожиданностью ракета, сидящая в засаде, и случайность, давшая в мои руки мини-скарпа.

Теперь нужно ударить по Штарку. Ударить вдруг, как молния из низких туч. Я знал, Штарк все проверил, всюду побывал. (Пропажа нашей компании встревожила бы Всесовет, ее следовало завуалировать, притемнить.) Скажем, организовать нападение моута. Нужно использовать разницу времени моего и Штарка, иначе я могу и проиграть.

Штарк... Я вижу его спускающегося между деревьями.

Его скарп легок как перышко. Машину ведет многоножка. Я вижу их: многоножка покрыта розовым пластиком, Штарк одет в легкий скафандр. Под защитой пластиковой маски брезгливы его губы.

Вижу — он идет по лесу, и рядом с ним бегут два малых робота. Их оружие — огнеметы.

Он ходит около дерева, пиная брошенные консерв-

ные банки, и угадывает все, кроме направления. Ему не придет в голову, что мы тащимся по болотам. Он решит, что мы идем, выбирая приятный путь.

(Там и расставил засады.)

Я вижу его роботов, шатающихся в джунглях. Они ищут нас. Но где мысль Штарка? Я зову его мысль и ловлю пустоту. Исчезла, стала невидимкой (тело я вижу).

Штарк, откликнись! Ау... Вот Аргус-9 говорит мне об экранизации мозга. Итак, Штарк загородился от меня.

Пусть! Я думаю о Законе и силе его, вошедшей в меня... Мне хорошо. Является Ники.

Мы сходили с ним на болото. Несколько дымных столбов поднялись из воды и двинулись к нам.

Ники ударил по ним ракетой. Вода с шипением и грохотом взлетела. Клуб пара окутал дерево. Упал вниз слизняк, помутнел и умер. Пар же улетел к низким тучам и соединился с ними.

Уцелевшие Дымы удалялись медленно, с обиженным достоинством. В них нет хищной быстроты первого Дыма, они ручные, их привез сюда Мелоун.

А тот? Первый? Он одичал?.. Или местный?..

...Осмотрел следы. Нет, здесь бывал не один толстяк. Следы разные — легкие и тяжелые, новые и старые, мужские и женские.

Итак, Белый Дым... Тим, узнав о нем все, ахнет! Все в космосе ахнут, узнав о Белом Дыме на планете Люцифер. Он ключ к делам колонии.

А смерть Гленна?

Гленн... Мне не надо говорить о нем, достаточно увидеть его комнату, любимые его штучки, которые он держал в руках, пользовался ими. Я тоже подержу их в руках, почувствую холодок металла, теплоту дерева, близость пластмассы.

Итак, следы...

Все, кто бывал, гостил у Белых Дымов, оставили

печать: отгиск сапога, сломанную ветку, сорванный лист.

А вот флакон из-под таблеток, вот кусок тонкого платка (его жует плесень).

Беру его в руки — плесень обиженно вздрагивает (она похожа на лиловую кошку необыкновенной пушистости). Инициалы М. Г. (Мод Гленн). Это полная блондинка, медлительная, слегка картавит. Она говорит кому-то: «Поспешим, не то Хозяин поднимет визг». И вот, торопясь, потеряла платок. Кто такой Хозяин?.. Как он визжит?.. Ники берет у меня платок и прячет в сумку. Итак, Гленн или Штарк выбирал место колонии? Чья мысль — жить в пещерах? (Проследить жизнь Штарка на Люцифере.)

— Что делать? — спрашиваю я Аргусов.

— Торопись, — отвечают Голоса.

— Знаю, спешу.

— Бери новые знания. («Им еще мало!»)

— Какие?

Молчат. Ладно, догадаюсь. Уходим.

Ники идет впереди меня с ракетным ружьем. Движемся, так сказать, с собственной артиллерией. Но там муут. Хоть бы ушел. Иначе Ники прихлопнет его.

И мне стало жаль эту гору нелепостей поведения, анатомии, внешнего вида. Мне жаль всех муутов на свете — они ошибочны, они — вымрут. (А Штарк?..)

Но зверя нет. Он завалился спать в болотную жижу и походит на голый островок.

Мы влезли в кабину. Странноватый запах. А-а, фиолетовая плесень.

Я соскабливаю ее с пола кабины и пинком выбрасываю наружу. Теперь хорошо.

Ники садится к управлению, кладет шупальца на клавиатуру. Ракетное ружье стоит у его кресла. Придерживаю его за скобу. Но не чувствую человека, делавшего это ружье. Мне больше нравятся ружья Ти-

мофея, его старинные дробовики и пулевика. Они неудобны, они слабо бьют, но их делали люди.

...Ники поднимает скарп и ведет его к скалам. Ведет предельно осторожно, бороздит макушки деревьев.

Сейчас попадем во враждебное место. Страшно? Нет. У меня уверенное состояние. Я словно бы стою у двери. Ее подпирают с другой стороны, хотят закрыть, наваливаются — я же поставил ногу и держу ею дверь. Мой вес, сцепление башмака с полом — и законы рычага не дают ей закрыться. А те, напирющие, выдыхаются и не могут понять, что дверь им не закрыть. Но еще убедятся.

Что все же сделать с колонией?.. Сохранить ее?..

Стоп! Вот они, скалы. Мы прячемся в макушках деревьев: идет враждебный скарп, заходит в расщелину — там вход в подземелье. Влететь с ним?.. Осмотреть плоскогорье?..

— Плоскогорье, — бросаю я. Ники переваливает скалы, бороздя их днищем скарпа. Он делает верно, он умница — так нас не приметят.

Пройдя строй деревьев (и вспугнув с них узкокрылых блестящих ящериц), мы летим над плато. Его выперли подземные силы, подняли камень вверх метров на двести. Граниты, много известковых пород, отсюда и пещеры.

Плоскогорье — иная страна. Нет болот, мало озер, мало фауны.

И вдруг мне захотелось пожить здесь, в покое и сухости. Хотелось гулять и радоваться отличным пейзажам. Колония зарылась, на поверхности нет ничего — ни дорог, ни построек. Нет плантаций.

Вот посадочная площадка, она заплывает красным мхом.

...Мы возвращаемся и снова висим и ждем. (Нас караулила ракета.) На горизонте тучи готовят ночной ливень.

Летят медузы, несомые ветром.

Напрягаюсь — хочу увидеть Тима. Вижу. Он и толстяк тесно сидят в палатке. Вокруг них сгрудились собаки. Две из них положили морды на плечи Тима. Им хорошо вместе, то есть Тиму и собакам.

— Привет честной компании,— говорю им.

«Навязал монстра,— читаю мысль Тима.— Сейчас он в остром приступе откровенности. Такие полезные сведения... Что делать? Все ценное я уже уловил» (пересказ этого ценного).

— Заткни его.

«Смеешься. Кстати, он мне указал съедобного слизня. Похож вкусом на солоноватое желе».

— Приятного аппетита. Двигайтесь-ка к плато.

— Ага,— говорит Тим.— Ладно.

Отключаюсь. Ощупываю себя, поправляю бронези-лет. Весьма потрепанная штука. Потертости, починенная петля. В пистолет ставлю новую обойму. Застеги-ваю шлем и зову Аргусов на совещание. Но шлем молчит, и я дремлю вполглаза. Мне хорошо. Мерно — вверх и вниз — покачивается скарп. То опускаются, то поднимаются верхушки деревьев — в белых цветах, крупных, как суповые тарелки. Над ними вьются какие-то, с гудящими крылышками.

...Небо белеет. Солнце уходит за скалы. Взлетают сумеречные летающие штучки, те самые, что крутятся возле нашего дома. Но есть такие — во сне не снились. Кто их родил?.. Какая такая мама?..

А необыкновенно фотогеничны. Эх, ловить бы их на матовое стекло камеры. Это такое наслаждение, такая трудность...

Работая с Тимом, я все больше увлекался фото-съемкой. В доме лежали мои альбомы. Бывает, раскрываешь и вытаскиваешь одно фото за другим. И под прибором зверье оживает, шевелится, кричит...

...Вспыхнули звезды и колесики галактик. Вон «Персей» — идет к Люциферу по инерции. Что это со звездами? А, Ники двинулся. Он вышел из деревьев, при-

строился в хвост серебристой машины. Мы идем за нею, словно тень. Молодец!

За этой серебристой машиной вошли мы в расселину, рядом с ней повисли у шлюзов круглого входа, за ней прошли коридор.

Он циклопически огромен, с крутым уклоном вниз. По потолку его тянется светящаяся широкая полоса. Видны швы облицовочных плит. Я нажал кнопку прожектора: в его свете зеркально вспыхнул скамп-проводник. Я увидел дремлющего в кресле узкого в плечах мужчину. Тело испускало слабые волны. Голова его в белом огромном шлеме, словно гриб, сонно качается на тонкой ножке шеи. Рассматриваю человека-гриба. Он чем-то знаком. Кто он? Зачем ему этот до идиотизма огромный шлем? Сонное его тело — слабое, раскисшее.

Путь кончился в широком зале. В нем бегают роботы типа Ники: одни принимают машины, другие моют их или торчат в кабинах, выверяя механизмы.

Человек из скамп-проводника вышел, сонно прищурился из-под козырька шлема.

Первым, звеня сочленениями, вылез Ники. За ним спрыгнул я. Вдруг человек побежал ко мне. На бегу стянул шлем. Его волосы вздыбил сквозняк, его нос и подбородок сходились друг с другом, словно щипцы. «Я — Штарк, Штарк, Штарк,— сигналил его мозг.— Ты узнаешь меня? Я — Штарк».

Я онемел от неприятного удивления.

— Аргус, добрались-таки? — крикнул Штарк и надел каску, погасив свой мозг.— Все же намерен мешать?

Голос его резкий, сильный, звенящий. Молодой голос. Подбежав, он схватил мою руку своими обеими и стал ее трясти. Он смеялся, высоко закинув голову.

Опустил мою руку. Я смотрел на Штарка. Ощущение шильности его черт сменилось другим. Режущее было в его лице, острое, воронье: синеватая чернота волос, нос клювом, белые веки, предельно бойкие глаза.

Человек с вороньим лицом — так я прочитал его.

— Именем Закона...— начал я и потянул руку к его плечу, готовясь договорить формулу, сказать те слова, что тяжелее камня и менять которые никому не дано...

«Подожди! — сказали мне Голоса.— А знания? Ты взял их?»

— Стоп! — перебил меня Штарк с удивительной быстротой.— Это еще успеется. Я вас ждал, хотел увидеть. Да, да, я хотел, и знаете почему? Я, роботы — все лица тривиальные и обыденные, а вот Аргуса видел один из миллионов — так мне сказала статистика. В общение с ним вступает один из тысячи миллионов. Такое соотношение. Я — двукратный счастливчик, а вы — именем Закона. Смешно. Вам сколько лет, мой судья?.. Тридцать? А вы молодец, вы умеете драться. Надо же, оглядываюсь назад — а за спиной Правосудие. Вы имеете право судить? Да? Но как это вы от моей ракеты не увернулись?

«Слушай, слушай его, бери, бери Знание»,— шептали мне Аргусы. «Хорошо, братья, я возьму его».

— Как вы нашли то место в лесу? — не унимался Штарк.— Не правда ли, очень красивое? Вы почесываетесь? Дикое количество кусающихся в том месте, тучи.

— Так вот ты какой, Штарк. Каску, каску снимите.

— Так вот вы какой, Звездный Аргус. Нет, каску я не сниму. Два кило свинца на голове ношу из-за вас. Не сниму, нет. Цените!

— Что же, шея укрепится.

— Верно. А-а, Красный Ящик? Он с вами?

— В том доме, который вы жгли.

— Знаете, с вами мне как-то не везет,— вдруг засмеялся Штарк.— Я летал сегодня туда, сами понимаете. И что же? Угодил не в дом, а в горючее, в баки, дом только закоптился. А вы красавец — жилет, каска. И не тарашите, не тарашите на меня ваши прекрасные глаза, ноги подкашиваются.

Штарк опять засмеялся и потер ладонь о ладонь.

— Но к делу. Итак, комната вам приготовлена: сейчас вверх и прямо по коридору. Ждем вас, как види-

те. О-о, мы не такие простофили, уверяю вас... Слизней у нас есть не придется, бегать от них — тоже.

Болтая, Штарк тут же давал приказы роботам. Послал ремонтных — к нашему скарпу. Отрядил встречного — к Тиму.

Ники, подозрительный и настороженный, вращал башенку. Стальное веко его лазера дрожало, готовое открыться.

— Весь в хозяина,— смеялся Штарк.— А за меня не бойтесь, Аргус, я не сбегу. Зачем? Куда? К тому же у меня есть серьезное подозрение, что мы с вами еще поладим.

В самом деле, куда он уйдет от меня?

А мне надо отдохнуть, поесть как следует. И решить, что делать дальше. Отдаться силе, несущей меня?.. Проверить ее?.. Продумать, как взять этот урок жизни, внести его в кладовую Аргусов?.. Так и сделать.

И началась эта ночь — долгая и тяжелая.

— ...Бросьте-ка это,— советовал мне Штарк.— Пока не поздно. Я ведь плохого вам не желаю, вы мне интересны. Подумаешь — планету переделываю... Ерундят они там, в Совете, а вы у них на веревочке,— говорил он.— И мне мешаете, и время теряете. А оно, заметьте, не возвращается... Идите сначала вверх, затем прямо по коридору.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕЛОВЕК С ВОРОНЫМ ЛИЦОМ

1

Комната Гленна ничего мне не дала: там склад вещей погибших колонистов (хотя на дверях и табличка «Т. Гленн»). Аккуратно устроено — полки, гнездышки, таблички: «Т. Гленн», «Е. Крафт», «А. Селиверстов»,

всего десять человек. Одни колонисты умерли от болезней, другие убиты медузами. Но вещи их остались — долгоживущие вещи.

Вот ружье Гленна, вот сломанный фоторобот на суставчатых ножках, тоже его. Одежда, пахнущая плесенью. Бритвенные принадлежности — первая, увиденная мною за жизнь, опасная бритва с тонким, широким лезвием. Из всего найденного это наиболее личная вещь Гленна, выкопанная им в семейных вещевых залежах. Синие отсветы лезвия нарисовали мне Гленна.

Я видел человека, уверенного в себе. Этот человек (по словам Тима, гениальный) носил вот тот свободный костюм по праздникам, этот широкий комбинезон на работе. А если он выходил в джунгли, то надевал легкий скафандр: он не любил стеснять себя и, конечно, не мог придумать на Люцифере подземную жизнь. Толстый (96 килограммов), веселый, сильный, он верил именно в биологическую цивилизацию.

С неисчерпаемым добродушием толстого и здорового человека Гленн мог терпеть неудобства Люцифера. Но его мясистая мудрость уперлась в четкую сухость Штарка. Правоту Гленна могло подтвердить время. Правота Штарка?.. Достаточно было побегать взапуски с загравом, прятаться от оранжевого слизня или прилипнуть к свисающей с дерева ловушке манты.

Или убежать от медузы, прыщущей ядом.

Или вернуться и обнаружить, что дом начисто съеден плесенью.

Правота Штарка — это чистый воздух, душ, вечерний покой — сразу. (Гленн же говорил о смене поколений.)

Итак, Гленн и Штарк, порыв сердца и точный расчет.

Я хожу и беру вещи. И вот, один за другим, передо мной (во мне, в моем мозгу) строятся эти ушедшие люди.

Вот Крафт, угрюмый и тяжелый. Упорство — его имя.

Селиверстов, веселый, со странно широкими челюстями.

Подходит Гленн, огромнейшая и немного смешная фигура. Что в его взгляде?.. Отчуждение смерти?.. Видение будущего Люцифера?..

Прыгают с нумерованных полок и подходят другие, вертится между ними золотистый спаниель (его ошейник повешен на маленький гвоздик).

Он суетится обрубленным хвостиком. Милый призрак, он тычется носом в ладони других призраков.

Толпа густеет, я слышу их голоса. Они шелестят: «Спроси нас, спроси, и ты узнаешь все».

Но я не могу. Я сжимаю свое лицо и ощущаю пальцем холодные впадины и выступы его. Но я вижу их сквозь ладони, сквозь сжатые веки — они во мне, они во мне.

— Друзья,— тихо шепчу.— Мы покараем зло, я обещаю вам это.

Я вернулся в свою комнату, сел в кресло, успокоился. Итак, мысль Штарка экранирована, исчезла для меня. Но другое, другое-то я вижу. Не напрягаясь, совсем легко, я вижу тени шахт под моими ногами. Вижу комнаты колонистов — пятнами. Ловлю мозговые волны людей, шорохи и трески их слов, ослабленные, перепутанные скальной породой.

Итак, колонисты... Я использую Ники — он похож на здешних многоножек, та же модель. Я повелел ему идти к колонистам: смотреть и слушать.

Итак, начнем с основы.

Всесовет получил два сообщения. Первое (от Штарка) — Гленн умер, заразившись болотной лихорадкой, и похоронен с положенными его рангу почестями.

Сообщение номер два (самодельный передатчик, прицельная любительская волна) — Гленн подло убит.

И вот я здесь. Вопрос: чем объяснить дальнейшее

молчание передатчика? Осторожностью? Борьбой в колонии? Но я располагаю ощущением Зла лишь в одном человеке.

Итак, Гленн и Штарк (и нумерованные друзья Гленна).

Эти мне виргусяне! Они в подземельях своей планеты или обожатели зверей, или машин, только их. И такие характеры!.. Итак, смерть Гленна... В этом злой умысел? Кто такой Гленн? Кто Штарк? .

Я соединяюсь с Всесоветом, с его картотекой и считываю данные: «Томас Дж. Гленн: планета Виргус — хирургическая селекция, разработка методики направленного воспитания животного и растительного мира молодых планет. Возраст — пятьдесят лет. Рост высокий, полнота выше нормальной, глаза и волосы светлые. Глава колоний на планете «Люцифер». (Член таких и таких-то ученых обществ. Список работ.)

Вот карточка Штарка.

«Место рождения: планета Виргус. Возраст — семьдесят. Профессия: изобретатель, печатные работы: нет. Интересы: самоуправляемые системы. Выступления на темы колонизации планеты. Оппонент Гленна. Послан на Люцифер для технической помощи и организации параллельного опыта (маломасштабного) технического метода колонизации данной планеты». (Перечисление изобретений — огромный список.)

Итак, все нормально. И вдруг Зло, вдруг преступление против жизни человека по имени Гленн, против био-жизни Люцифера.

Что это? Взрыв души Штарка, вечно сжатой улицами-штреками Виргуса?.. Жесткими правилами жизни той планеты?..

И вдруг мне стало одиноко — Тим был далеко. Я позвал Голоса. Они пришли сразу, будто стояли и ждали за моей спиной. Сколько уверенности принесли они мне.

— Так, мальчик, так, — твердили они. — Действуй, но не спеши.

— Дело интересное, бери Знание, все Знание, все крохи его,— напоминал другой. («Возьму, возьму, братья».)

Стихли, переводят дыхание. И снова:

— Я, Аргус-3, я поспешил на Мюриэль и упустил интересный поворот дела. У тебя этот Мелоун. Ты забыл его? («Я помню, помню...»)

— Предлагаю внимательно рассмотреть все семь сторон этого вопроса. Не спеши, нужно вызревание дела в ближайшие часы.

— Точнее уясни себе Закон.

— Я, Аргус-11, пытался с молодым задором переделывать людей — и сломал их волю. Береги, береги человека!

— Наблюдай, наблюдай, наблюдай...

— Я, Аргус-7, столкнулся со случаем, когда преступник за простым нарушением скрывал преступление опасное, вызванное тоской по Земле. Понимаешь, он привез гены земных животных...

— Наблюдай, наблюдай, наблюдай...

И с ними я решил: Закон в конце концов требует одного — нормального поведения. Норма, конечно, меняется. Одно дело жить в городишках, другое — здесь, на диких планетах. Но меняется норма только в одну сторону — требует большего.

А теперь мне нужны дневники Гленна. Они (я вижу) хранятся у Дж. Гласса, здешнего эскулапа и биохимика.

Нужны мне и колонисты.

2

Я перешел через мостик (текла подземная черная речка, булькали какие-то белые и плоские). Щелчком сбил в воду железную финтифлюшку, зачем-то приклеенную к перилам. Прошел к колонистам.

Коридор их огромен. Он тает в голубом свете, он ды-

шит теплым сухим воздухом. И двери, много цветных дверей.

У входа я наткнулся на Ники. Он брел мне навстречу. Он сгорбился, опустил усы антенн: вид его предельно унылый.

— Спасибо за поручение,— задрезжал он.— Поручил слезку честному роботу. Спасибо, уважил, благодарен, рад, счастлив.

— Что ты узнал?

— Ничего.

— Как они здесь?

— Никак,— огрызнулся Ники и скрутил антенны в презрительные спирали. С ним такое случается.

Начнем обход. Вот первая дверь — красная, в бегающих квадратах (они строились в большой ромб).

Я постучал — дверь отступила передо мной и показала всю комнату. Вокруг стола сидели парни и играли в карты. Увидев меня, они почему-то скинули их на пол.

Падающие карты медленно разошлись, зависли одна над другой и улеглись во всех углах комнаты.

Легли — иная рубашкой, иная картинкой вверх. И лица игроков застыли, одни в усмешке, другие (подмигивающие) с одним прикрытым глазом.

Я вошел. Мы с Тимом жили скупно, а здесь же царила роскошь!.. Стены мерцают. Парящее электрическое одеяло (о таком мечтает чудило Тим).

Пузырчатые кресла. Статуэтки из тех, что оживают от нажатия кнопки и творят черт знает что. Ковры, толстые, белые, рыхлые, словно лесные мхи.

На столе — грибы в блюде. Те, фиолетовые, что на глазах съедают каждый мертвый обломок дерева (а в них — алкалоид типа мескилин. Вот оно как!).

Игроков — четверо. Комбинезоны с отливом металла. Вид типичных колонистов, свирепо хватающихся за работу: тяжелые подбородки, тяжелые взгляды, мясистые бицепсы.

Вообще такой отличной коллекции волевых подбородков, как здесь, я прежде не видел.

Я сел к столу и стал разглядывать их — одного за другим. Авраам Шарги. Кожа его хранит меланезийскую синеву, лоб тяжелый, губы тяжелые, подбородок, взгляд пронизательный: пригодится.

...Иван, фамилия — Синг. Изящен, бесполезен.

...Курт Зибель: подбородок, взгляд, плечи, бицепсы, трицепсы, неприязнь.

...Проходка (фамилия необычайно плодовитая для Космоса, все время на нее натываюсь). Подбородок, взгляд, брови, словно усы Тимофея.

И вдруг мне стало жалко тех женщин, что будут любить этих четверых.

— Хэлло, ребята. Веселитесь? — спросил я.

— Хэлло, Звездный, — сказали они. — Убиваем время.

И, приветствуя мое звание (наконец-то догадались), привстали и шлепнулись обратно. И кресла заворочались, приспособляясь к новому положению их задов, массируя эти зады.

Меня стали угощать.

Была выставлена бутылка вина, из холодильника извлечена парочка жареных цыплят. Гм, гм, еда колонистов.

— Пейте, ешьте, — говорили мне. — Все здешнее, все искусственное, все превосходного качества.

Я снова поел — с великим удовольствием. Ел и обглаживал пластмассовые косточки — техника виргусян безупречна и в мелочах. Разные планеты в разное время пришли в коллектив. Виргус — последним. Они там до сих пор индивидуалисты и хотят своей техникой доказать остальным, что могут все на свете.

— Вы живете весело, — сказал я. — Но по плану должны осваивать плато. И ведь не царапнули землю, верно? Почему?

Общее стыдливое покраснение. Четверка оживилась, даже пыталась встать. Это было внушительное зрелище.

— Там ад. Красный ад, синий ад, зеленый ад (Прохазка).

— Хозяина не видели? Мы его поддерживаем (Шарги).

— А эти грибы? — спрашиваю я.— Зачем?

— Грибы ерунда, можно взять «пряму» и сгонять на болото (Прохазка).

— Ха-ха-ха!

— Там забеспокоились? (Шарги вздел глаза к потолку).

— Верно понимаешь.

Следующие три комнаты пусты. В четвертой сидел за столом лысый мужчина лет сорока, точнее, сорока трех. Свитер. Подбородок. Плечи. Бицепсы. Обстановка без грибов, цветов и статуэток. На столе — разобранный мини-двигатель.

Это он радировал, я вижу.

Мужчина (Эдуард Гро, 44 года) помахал мне рукой: извините, мол, не здороваюсь, выпачкался машинным маслом.

Но опасения его самые унижительные. Например, такое ему кажется, что я его ударю. Неужели Штарк их еще и поколачивает?

— Вы Аргус? — выдавил наконец мужчина.

— Как будто. Там,— словно Шарги, я кидая взгляд на потолок,— там приняли ваш сигнал. Вы оказали большую услугу правосудию. Спасибо!

— Вы... станете расследовать?

— Именно. Буду откровенен, мне здесь все не нравится... Кроме техники. И что Гленн исчез, не нравится, что колония зарылась в камень, тоже не нравится.

— А я вам нравлюсь?

— Вы типичный представитель разлагающейся колонии. Чем вы помогли Гленну?

— Верно, ничем.

— Уклоняетесь от всего, что пачкает: пьянок, ссор, драк.

— Заметьте еще себе, я не пляшу на болотах, не ем грибов.

Я осматриваю его комнату — инструмент, станок и прочее в том же духе.

— Мастерите? Любите это?..

— Хозяин заказывает, у него смелый ум. Жаль человека, жаль его времени.

— Какого времени?

— Что он тратит на управление этой дурацкой колонией.

— Вы недовольны?

— Живется нам хорошо. Встаем в восемь, в девять — ленч, в шестнадцать — баскетбол. Один хозяин работает круглыми сутками, да вот я еще ковыряюсь. Остальные переводят время, играют в работу.

— Почему нет плантации?

Механик Гро поднялся. Сидящим он кажется выше — коротконогий, родился на астероиде.

— А вы пробовали это — заводить плантации на Люцифере?

— Нет.

— Оно и видно!.. Будь она проклята, биология Люцифера, эти летающие сволочи. То высосут кровь, то хватанут зубами. И пожалуйста, вирус! Хуже их только медузы. Брызнет, и не только человек — металл рассыпается! А уж тело одной каплей токсина прогрызает насквозь. А плесень... Проснешься — а вот она, подлая. Сожрала ботинки, съела одежду и уже обглаживает ногти на пальцах. Попал кусок плесени в еду — обеспечен саркомой.

Вот в чем мы поддерживаем Хозяина — зарылись, ушли вглубь, и сразу нам всем стало хорошо. Копошусь вот и счастлив: никто меня не грызет, никто не кусает. Вспоминаю радиogramму и думаю: верно сделал, а ведь и раскаиваюсь тоже. Да.

— А Гленн?

— Я думаю, этот умер от злости. Видите ли, полу-

чилось так. Мы его переизбрали, сняли то есть, и грубовато сняли, поругали его. Со Штарком же он последнее время был на ножах. Люди они несоразмерные, конечно. Штарк разумен, деловит, талант, а тот гениальный дурачок. Ему было угодно убивать ради этой планеты не только себя, но и нас. Но не вышло, нет! А кто нас спасал? Хозяин. Я понимаю, Закон требует иного, но я за Хозяина.

Эскулап. Это большой работник: комната-лаборатория, узенькая лежанка, три стола, дощатые полки. Все заставлено химической посудой и приборами. 47 лет, врач колонии, имя — Джон Гласс. Пишет работы по токсикологии животных Люцифера (интересуется и ядовитыми растениями). Токсины, видите ли, это лекарство...

Встретил меня вежливо.

— Извините, я занят, привык к ночной работе. И все же полностью к вашим услугам, Звездный Аргус,— сказал мне вежливый Дж. Гласс. И поклонился, показал макушку.

— Дневники! — я протянул руку.— Дневники Гленна!

— Но я дал слово Отто Ивановичу свято хранить...

Он все же отдал мне дневники. Две тетради с записями светлых мыслей и опытов я дам Тиму, а вот черную старомодную записную книжку возьму себе. Итак, дневники... Я сел к столу и прочитал дневник Гленна.

Дж. Гласс занялся работой и только взглядывал на меня — временами.

3

Дневник Гленна

19 июня. Люцифер близко. Его голубой глаз пристально смотрел на меня из черноты. И я уже не могу успокоиться. Я брожу вдоль иллюминаторов. Перебираю бумаги, читаю. И ничего не могу понять в моих записях. Горит голова, и мысли, мысли, мысли...

Пробежал справочник звездного навигатора — простенькую историю открытия Люцифера кораблем Звездного Дозора, просмотрел отчеты первой экспедиции (неудачной). Она-то и открыла нам исключительность этой планеты.

21-е. Готовим спуск. Много суеты, много подсчетов, возни. Совершенно неопределима помощь Отто Ивановича. Мы вместе проработали все этапы высадки.

Коммодор торопит нас.

22—24-е. Сбросили на плато десант роботов (и с ними биохимика Д. Гласса). Учитывая действие медуз и их токсинов (данные Т. Мохова), роботы покрыты пластиком. Они ставят надувные дома и устраивают склады. Проклятая должность руководителя не выпускает меня с корабля. По требованию Отто Ивановича я приказал опрыскать плато новейшим ядохимикатом ФН-149, что опасно для генетического фонда. Эх, погрузить бы руки в это первичное тесто и месить, месить его.

25-е. Спустился на землю и не удержался — заплакал. Столько лет я рвался сюда, столько надежд! Я рыдал как псих. Меня оставили одного, даже Мод отошла. Остался только робот-телохранитель. Затем я прошел плато. Со мной шли ближние — Крафт, Штарк, Шарги и другие. Ощущение, что мы идем по дну богатого моря: деревья-кораллы, деревья-анемоны, деревья-шары.

Все живое, все шевелящееся. Великолепные слизни-титаны, порхающие ящеры. А цветные караваны медуз! Они увидели нас и опрыскали ядом. Пришлось бежать под деревья. Погибли Штраус и наш спаниель, славный золотистый пес. Действие токсина дьявольски молниеносно. (Дж. Гласс сказал — до ужаса прекрасное.). Первые похороны, все приуныли. Одни тревожатся, другие грустят. А мне хорошо. Ночью я был в карауле. Мне мерещились первые переселенцы на Виргусе. Какая это, в сущности, грустная, скупая и недобрая планета: снега, мхи, пустыни. Поневоле она должна быть

переделанной в космический механизм. Эту же надо беречь, как глаз, и ее ужасы переделать в красоту, зло — в добро.

Я обошел караулы. Шел и вдруг увидел — стронулась черная скала и подмяла купол дома. Оказывается, моут. Крики, пальба, свист осколков. Затем движущийся холм охватило пламя огнемета. Зверь сгорел, пузырь, — запах жженого мяса, ощущение своей вины, и вопрос — отчего я не проверил окрестности?

Штарк советует искать пещеры: им обнаружены карстовые воронки; он в круглосуточных хлопотах.

26-е. Роботы закладывают плантации. Опробуем вначале культуры батата и маиса. Отто Иванович образовал одно звено по истреблению медуз и второе — для сражений с слизнями-титанами. Задача — истребить тех и других на плато. Слизней, судя по данным, всего десятка полтора. Но сколько их внизу, на равнине! Сегодня я летал внизу. Тропические болота, интенсивность биожиизни потрясающая.

Договорились — Отто Иванович соберет микроманипулятор. Я стану неотложно работать с генами, хозяина поведет он.

10-е июля. Два события: плантации уничтожены налетом серебристых змеек. Жилые помещения переведены под землю. Начат сбор генетического материала. Шарги обнаружил съедобного слизня, Курт соединил его гены с генами съедобной улитки (по моей схеме). Любопытно, что мы получим? Долго фантазировали.

Я буквально влюбился во все здешнее. Видя монстров, которых сметет эволюция, я жалею, я думаю о казниках для них.

15-е. Штарк приказал опрыскивать из огнеметов всю плесень в радиусе полутора километров (а съеден только переносной домик — я поспорил, но уступил).

Совершаем вылазки в болота. Поражает некая смешанность форм, будто природа еще только пробует, что и к чему присоединить. Это похоже на сотворение мира по

методу Лукреция Кара: «Сначала были созданы руки, ноги и спины, а потом все соединилось как попало, и плохо соединенное умерло. Ибо были люди с двумя головами, а быки с четырьмя хвостами и пр. и пр.» (цитирую по памяти).

Я уверен, побежденные на плантациях, мы возьмем свое в другом. Путями хирургической селекции и соматической генетики мы гармонизируем Люцифер. В данной работе мы сами подготовимся к Люциферу и полюбим его.

18-е. Медузы убили Селиверстова.

21-е. Штарк ускоренными темпами пробивает штреки. Работа идет круглосуточно. Торопят медузы — бурей пригнало. Изрядное их количество напоролось на деревья и в агонии выпустило токсин. Ходим в скафандрах повышенной защиты. Штарк командует всем. Как-то незаметно я оттеснен им на почетное место патриарха, говорящего только «да».

26-е. Роботы начисто выжигают плато. Но тут же, по горелому, на глазах все начинает дико расти. Штарк требует абсолютно уходить в землю. Спорим. Я заказал виварий и террарий.

Селекцию ведем сразу в трех направлениях. Первое — для нужд колонии. Второе — получение форм, пригодных для иных планет. Третье — гармонизация наиболее страшного (медузы и т. д.).

1 августа. Скарп врезался в дерево. Погиб Крафт. Прилетел я туда через час, но плесень доедала его. Бедный друг.

Спорили со Штарком о направлении цивилизации планеты. Он настаивает на быстром уходе вглубь и создании подземной жизни. Я вижу в этом опасность расслабления усилий и требую иного — полного выхода на поверхность и борьбы. В земле можно оставить только лаборатории и лазарет. Сначала должны быть и борьба, и изучение, и нахождение пути, и привыкание к дан-

ной биожизни. Штарк¹ поставил вопрос на голосование, и я остался одиноким (даже Мод воздержалась).

Мной недовольны те люди, которых я считал корнем и основой: Штарк, Курт, Шарги.

Их испуг перед биожизнью планеты (и на самом деле потрясающей) стал психозом. Штарк уже наладил серийный выпуск универсальных роботов и строит отличные помещения в земле.

О, я знаю его. Он не просто испуган биожизнью Люцифера, он охвачен мыслью создать мир подземный, он, как червь, прогрызает Люцифер насквозь. Изобретательность его не знает предела. Я же ставлю эксперимент по преобразованию к лучшему именно этой планеты. Сменятся поколения, но будет результат, и какой!

31-е. Удача! Первый гибрид слизня и улитки. Превосходный вкус, полный набор аминокислот. Создан в невероятно быстрый срок. Полагаю, оказался полезным токсин, найденный здесь Дж. Глассом. Формула его близка колхицину, но имеет и отличие. Штарк тотчас же сделал полые снаряды и, стреляя, вводил этот токсин слизням-титанам, вызывая их к мутации. И чудовищно быстро породил хищного плоского слизня с фиолетовым глазом слезоточивого действия. Черт знает что!

7-е. Перенес свою лабораторию на плато. Ощущение одиночества среди жизни, так кипящей, не испытываю. Я вижу, как поднимаются деревья, я исследую их соки, я готов поклониться этой жизни.

11-е. Нашел водяные цветы черного цвета. (Дж. Гласс выделил из них новый токсин необычных свойств: он дает амнезию.)

17-е. Работаю с медузами. Надо внести маленькую хромосомную бомбу в их генетический фонд с расчетом взрыва ее через два-три поколения. Это лишит их токсина. Но вдруг они погибнут? Отсюда необходимость изучения жизни медуз. В сутолоке не установил сразу контакт с биостанцией Т. Мохова. Что мешало? А, Штарк... Он сказал о разрушении этой станции слизня-

ми и гибели ученых, и у меня был еще один тоскливый день.

19-е. Приходил Штарк, звал под землю. Я отказался. Считаю, нужно дать пример смелой жизни. Я бросаю свой дом-шар и перехожу в походный. Унес его в центр плато. Здесь, на пепле, уже появились животные. По-видимому, они где-то затаились, когда роботы выжигали плато. У меня на учете три гигантских слизня и около ста ящерок-многоголовок. И все время прибывают на плато медузы, черт бы их побрал!

Да, надо вскрыть бункер Т. Мохова. Там бесценные коллекции и записи.

23-е. Обдумываю свое переселение вниз, на равнину, в болота. Вчера весь день рассматривал ее — Штарк запустил крылатых разведчиков с телеаппаратурой, я принимал стереоизображение (своим аппаратом). Что это? Стараются для меня? Или запугивает Люцифером? Роботы летали на винтах, рыскали по самым глухим уголкам. Тайная жизнь Люцифера меня потрясла, странная как бы плавучесть в воздухе некоторых тяжелых организмов ошеломила. Я должен быть там.

24-е. Спор на общем собрании — все против меня. Понятно — помещения, выстроенные роботами, роскошны.

25-е. Плесень съела мой дом, на мою ногу сел фиолетового цвета грибок.

29-е. Второй мой дом раздавлен слизнем-титаном. Вспышка злости, и я убил его. Прекрасное его тело — золотистое, с рябью карминных пятен — погибло.

Вечером роботы Штарка принесли мне новый дом, холодильник и синтетпищу. Я слегка затемпературил — болен. Но все же люблю этот мир, прекрасный и безжалостный. Я — люблю — его. Так любят красивых эгоистичных женщин. Так я любил Мод.

Записываю симптомы своей болезни. (Длинный перечень.)

Приходил Штарк и советовал мне сложить с себя звание. Послал к черту, сказал, что не примирюсь, буду воевать. Что сообщу Всесовету и выступлю свидетелем. О, я ему много наговорил — и, боюсь, лишнее наговорил.

...Лихоражу. Жаль, если умру,— этот мир прекрасен. Он грозен и жизнью и красотой всего — солнца, деревьев, животных. Завидую тем, кто будет жить после меня,— я еще так мало успел, так много непознанного.

...Штарк боится меня и явно ждет моей смерти — около крутятся его микророботы. Пришла Мод, увидела меня, ужаснулась, вскрикнула. Я прогнал ее — заразится, пожалуй. ...Свет слабеет. Видимо, началась атрофия глазного нерва. Так мне сказал и д-р Гласс. (Боли он сбивает настойкой из черной орхи.)

...Неужели умру? Нет! Нет! Нет! А почему бы и нет. Я никому здесь не нужен. Сегодня (записано цифровым шифром) очнулся от резкой боли и поймал на себе составчатого микроробота.

Нога деревенеет. Видимо, он сделал укол, словно ужалил меня... (симптомы начинающейся агонии).

Гленн, я клянусь: плато, изгрызенное ходами механизмов, будет поднято мной. Словно кора поврежденного дерева (кстати, в конце ходов в последней ячее сидит Штарк. Он делает что-то. Отсюда я вижу светлый квадратик и вокруг него искорки. Не буду мешать).

А затем к Штарку придем мы — Закон и я, исполнитель его мудрости.

Закон!.. Он ослепителен в своей ясности.

Закон!.. Я вижу его сияющим кристаллом, красной зарей севера, полуденным солнцем пустыни. Он прекрасен и грозен, он несет порядок в путаницу случайностей жизни.

Соблюдение Закона — норма, нарушение его — болезнь. (Д-р Гласс мог бы сказать, что течение болезни

разное — хроническое и острое. Штарка явно и бурно лихорадит.)

Закон!.. Я вижу его рождение, первоначальное шествие по Земле, его раскинувшиеся в Космосе ростки. Умрет Штарк, умру я — Закон будет жить.

Ради него надо мучиться, умирать. Иначе что будет с Обществом?.. Я очнулся и увидел перед собой узкого чернобородого человека. Он рассматривал меня. Меня!

— А-а, доктор. Поговорим. О, вижу, вами обнаружено несколько токсинов и новых антибиотиков. А еще чем заняты? Со Штарком вместе делаете работа-хирурга. Зачем?

— Я всего лишь терапевт, и, надо сказать, ленивый терапевт,— отвечает он.

— Отчего умер Глени?

— Болотная лихорадка, пароксизм, бред, отравление. Я же давал заключение. Откуда эти вопросы? К чему они?

Я встаю и засовываю тетради в карман.

— Убит?!

— Бред,— презрительно бурчит эскулап.

Я вышел.

Еще двери. Ха, молодожены!

Вместе — сорок лет. Заняты исключительно собой.

В комнате много цветов. Они шевелятся, колышут султанчиками, вытягиваются, сжимаются. Их жизнь можно созерцать часами. Особенно сидя рядышком с женой (мужем).

Штарк явно благоволит к семейным — отделка комнаты великолепная, на стене оконные занавески. Отдергиваю. Ба! Земной пейзаж! Поляна, звери — коровки, пастухи, фермер в шляпе и комбинезоне, ветерок, запахи... Угадываю вкусы Штарка. А все же есть, есть что-тоavorаживающее в нашей праматери-Земле. Итак, Штарк желает, чтобы ему не мешали, он задабривает

всех и этим просит: живите как хотите, но не мешайте мне.

— Много делаете роботов? — спрашиваю я.

— По штуке в день универсальных. Прочие — узких профилей — порхатели, прыгуны, червецы, десять-двадцать малюток в день.

— Мощно!

— Хозяин молодец, служить у него — счастье.

— Служить.— Я повторяю слово, пробую его на вкус, верчу во рту: «хозяин — хозяин — хозяин» и «служить — служить»...

— А как же, — говорит хорошенькая жена, поглядывая весьма кокетливо.— Он такой добрый.

Ясно, все они отдыхают в удобном месте. Отдых высвобождает энергию, Штарк вливает ее в легкую и чистую работу, в семейное счастье, в грибное опьянение.

И человек-колонист становится человечком и колонистиком и теряет инициативу: Закон Космоса еще раз преступлен. Так мы не освоим Космос, не разбросаем разум по всем планетам.

— Вы слышали подробности смерти Гленна?.. Нет? Понятно.

...Комната, цветы, парящее ложе. Мод Гленн, когда-то жена Гленна, теперь просто одинокая женщина. Оттого и пляшет (чего не делают с горя). Подбородок тяжелый, блондинка. Ники, юморист Ники, плетущийся за мной, входит в комнату, вынимает ее платочек из сумки, дает. Та (от неожиданности) берет, вспыхивает, кидает платок в нас — тяжелый характер!..

Штарк? Его боится, глубоко ощущает всю безводность его природы. Гленн?.. Он до сих пор живет в ней (его глаза, плечи, губы). Неужели мы бессмертны только в делах и в памяти женщин?

— Всего хорошего!

В коридоре мне встретился Шарги.

— Хэлло, Звездный!

— Ты хоронил Гленна? — спросил я.

— Хоронил Гленна?.. — повторил Шарги. — С чего это вы взяли? Нет, я не имел высокой чести ни хоронить Гленна, ни дружить с ним. Я простой человек, к двуногим божествам типа Штарка и Гленна отношения не имею. Но, уверяю вас, один другого стоил.

«Откуда он мог узнать? — заметалась его мысль. — Хотя, такие глаза... Зачем мне ввязываться в это дело. Останусь в стороне, проведу этого дурака».

— Не проведешь, — заверил я.

— Я не понимаю вас...

— Я не жду слов, ты боишься. Дай картинку, вот и все.

Шарги упрямится:

— Что-то завираетесь, Звездный.

— Погляди мне в глаза.

Он поглядел и вспомнил — что ему оставалось делать?

Я увидел: носилки с Гленном несут многоножки. Рядом идет Штарк в скафандре. Вот остановились — Шарги обливает труп Гленна из бутылки. Доктор?.. Этот в стороне, он наблюдает. Пламя, дым, столб дыма... Сгорая, Гленн облаком дыма взлетает в атмосферу. Где-то там, перегруппировав свои атомы и с дождем упав вниз, он станет частью жизни Люцифера и сольется с планетой. Вот (крупным планом) я вижу вазу с его пеплом. Закапывают ее под скалой и стреляют в воздух.

Все нормально — болезнь, смерть, истребление опасного трупа.

— Что предварило событие? Говори.

Шарги упрямится:

— Нет, тебе не сломить мою волю.

— Но это же так просто. Встань! (Он вытянулся.) Ты спишь. (Он закрыл глаза.) Ты видишь Гленна и Штарка (за лобной его костью началась суeta образов). — Я пошарил в его памяти и повелел забыть наш

разговор и стоять до моего возвращения. Сам же пошел встретить Тима.

Вот было зрелище — подъем плота в пещеру!

А какой лохматый и оборванный бродяга Тим! А собаки. Они так обрадовались мне.

Я проводил их и попросил робота-нянюку доставить еды, и побольше, помочь Тимофею выкупать собак, отвести Мелуна — тот еле двигался.

Час я провел с Тимом и собаками. Те, все обнюхав, разыгрались, гонялись друг за другом по коридору, рычали, лаяли. Шум поднялся страшный.

Я пошел в кабинет Штарка. Дверь его охраняли спецроботы, одетые в ласковых цветов пластмассу. Они смахивали на людей.

Вот только у каждого лишние четыре руки, словно у индусского божества. (Штарк питал слабость к много-руким системам.)

У каждого спецробота есть лазер. Это боевые, сильные машины. Зачем они? Вот бы побывать в первом ряду, когда Штарк проводит смотр своим мыслям. Я бы дорого дал за это, заплатил любую цену. (Ощущаю в Штарке какие-то недоступные мне, глубоко затаенные цели. Даже знания Аргусов не раскрывали этого человека.)

...Со мной увязался Тим. Я не возражал, появление знающего даст амортизацию между мной и Штарком.

Нас расспросил вежливый робот-секретарь. Он говорил подобострастно (что это? насмешка Штарка?), но я все ждал, не хрустнет ли, раскрываясь, звездчатая диафрагма лазера.

На всякий случай я встал впереди Тима.

Робот гнул перед нами свой пластмассовый хребет, рассыпался в любезностях, уверял, что Штарка нет (а мне он и не нужен). Даже разрешил взглянуть и убедиться.

Мы и взглянули — в раскрытую дверь. Штарк занимал большую залу. Она заставлена столами с аппаратами и картами. Одним словом, кабинет скромного работника.

Его кресло. Напротив детальный чертеж Люцифера в разрезе. Значит, он прощупал его сейсмоволнами и, быть может, глубинным бурением. А вот чертеж горно-проходческих работ — в разрезе.

Мы вернулись, и Тим ушел спать.

Я ждал — Штарк должен был прийти, он шел ко мне.

4

В три ночи дверь открылась, и вошел Штарк, хозяином сел в кресло. Откинулся, сунул в рот конфету и, посасывая и почмокивая, спросил:

— Недурно у нас? А? (Получилось так — «недурно» — конфета ему говорить мешала.)

— Уютно, — сказал я. — Прохлада, воздух, чай. Хорошо!

— Да, это вам не джунгли. Такая в них первородная каша... (И сморщился — брезгливо.) Вроде наших с вами взаимных отношений. Я не люблю тянуть, мой стиль — быстрота. А ведь тяну с вами, понимаете, тяну. Боюсь, что ли?

— Есть немного, — согласился я.

— Понимаете, — он положил ногу на ногу, — у меня такой лунктик — мне во всем определенности хочется, ясности. Во всем! Вот вас я могу включить в свои расчеты, вы мне ясны. И каким бы вы себе ни казались ужасным, я и алгоритм ваш найду, и движение вычислю. И, знаете, весьма точно. Но...

(Он сидел откинувшись, обтянутый блестящим костюмом, словно кожей. Он казался металлическим, и ему это нравилось — Штарк то и дело посматривал в настенное зеркало.)

— ...Но все же каша. Я стрелял, а не арестован. Не ясно. Ясность же хороша. О, я бы и этот мир сделал так, если бы стал богом. Понимаете — во всем четкость, минимум протоплазмы. Я бы сотворил мир роботов или, на худой конец, мир насекомых. Они сухие насквозь. Заметьте, чем больше слизи в существе, тем оно для расчета непригоднее. Возьмите Люцифер. Слизь, глыбы первобытной слизи. Из них через миллиард лет будут сделаны неизвестных свойств звери. И на таком фундаменте решено делать цивилизацию... Смешно.

— Закон о невмешательстве,— напоминаю я.

— Он глуп! Я бы вместо этой слизи дал мир, четкий и работающий, как станок. Мир — друг. Мир — робот.— И упрекнул: — А вы срываете мою работу.

...Неопределенность, слизистость,— говорил он.— Ненавижу их! Я и с собой-то мирюсь из-за ясной головы да маскировки кожей моих потрохов. Я хочу все знать точно и ясно. И потому пришел к вам. Хочу знать, вы мой враг (это понятно) или потенциальный друг? Молчите, взвешиваете? Я бы и сам это установил, да времени не имею. Но что это мы сидим и ерунду городим? Хотите полюбоваться на мои штучки? Новые? А? Хе-хе, безопасные, но... (Он поднял палец и погрозил мне.) Но с определенной мыслью — игривой.

— Валяйте!

— Итак...

Штарк поднял палец и склонил голову, прислушиваясь. И нижнюю губу закусил. Я услышал движение в коридоре, лязганье. Оно оборвалось у двери.

Дверь вошла в стену. В ее проеме стоял робот в бронеколпаке, с прорезями. Снова нарушение правил роботехники.

— Вижу,— заворковал Штарк,— вас смущает его вид. Это экранировка. Я же весьма наслышан о вашей власти. Рискуют они там, в Совете, с вами, рискуют. А если вы задумаете что-нибудь противозаконное? А? Или со мной споетесь? Я ведь преступник. Хе-хе... пре-

ступил закон. Кстати, преступление — это реакция человека на ненормальные для него условия. Хороша формулировка?

— С гнильцой.

— Итак, о работе. Вы арестованы, вас берет этот робот, я к вам и пальцем не прикоснусь. Нет и нет!

Штарк сунул под мышки обе ладони. И глаза прикрыл: вот так, мол, не вмешиваюсь...

Но губы его вздернулись — их углы, — и подбородок остро выпер вперед. И нос бросил на него четкую тень.

Штарк, весь сверкающий, был словно выбит из металла.

...Робот? Это обычная многоножка типа Ники, ростом с меня сидящего. Вес ее килограммов пятьсот. Я перешел из людского тягучего времени в аргусовское, динамичное время. И оттуда смотрел на робота с юмором: паук шел, деля пространство между им и мной сверхмедленными шагами. Отсветы полировки стекали на пол.

Штарк застыл с разинутым в усмешке ртом. Свирепая усмешка, все зубы на виду.

Я встал и использовал разницу времени. Во времени Штарка (и робота) был резкий бросок ко мне. Во времени Аргусов я подошел к роботу (руки его только начинали хватательное движение) и продавил стекло аварийного устройства.

Это всегда надо иметь в виду — аварийное окошечко робота. Так можно остановить даже ополоумевшую машину, не губя ее ценную механику. Если, конечно, успеешь.

И снова я во времени Штарка, снова сижу в кресле, снова разговор.

Штарк отчаянно жестикулирует. Он, видите ли, восхищен!..

— Поздравляю, поздравляю! — трещит Штарк. — Такая реакция! Молния!.. Любопытно, как этого они добились? Можно разобрать ваш... Простите сидящего

во мне механика, но очень хотелось бы покопаться в ваших вещичках. Я всегда мечтал стать таким вот неуязвимчиком, мне глубоко неприятно принадлежать к породе слишком рыхлой и слизистой.

Во мне воды восемьдесят процентов. Во мне-то! Смех.

Хотите должность моего главнокомандующего? Нет? Тогда поделим шарик пополам? Ни с кем, кроме вас, делиться бы не стал, самому тесно. А вам — пожалуйста. Дать север?.. Юг?.. Нет?.. Удивлен. Ах да, вы же законник.

...Задумались ли вы о личной мощи? Что может человек один, если он не Аргус? Без роботов? Без себе подобных? Знаете, Аргус, трагедия правителя в его зависимости от каждой мелочи. Ему же (сужу по себе) приятнее все делать самому. Да, да, все мы царьки сновидений. А если я мечтаю о планете, которую я целиком сделал сам? О мире, где действую только я, мой мозг, лишенный дурацких эмоций.

О вечной жизни, чтобы всему научиться и все уметь? Если здесь (он ударил себя по груди) что-то жжет?

— Сильно, сильно,— говорил я.

— Колонисты, эти поставщики фактов, конечно, наговорили обо мне много нелестных вещей. Диктат и прочее,— толковал Штарк.— Я же хочу одного — полной самоотдачи! Что мне делать, если мой калибр соответствует только всему шарiku? Если мне тесно в обыденных отношениях? Если мозг требует грандиозного?

Говорит — сам усмехается.

Тело его маленькое, горячее. В движениях рук и гримасах лица повышенная четкость. Он не сидит спокойно, не может, у него сильно повышен обмен, он даже в разговоре вынимал из кармана питательные шарики и кидал их себе в рот.

— Я прав и не половинчато, а всеобъемлюще. Разница мира биологического и технического — в отличии случая от закономерности. К чему мне случаи, зачем

мне люди? Их настроение, их эмоции? Проклятые случайности проклятых дураков?

...Роботов я люблю. Они помогают мне выпустить на волю призрачный мир, заключенный в этой коробке. (Он постучал себя пальцем по шлему.) Кто породил его? Подземелья Виргуса? Возможно. Там я убедился, человек может быть творцом миров. Дайте мне время, и я сотворю свой мир. Мне нужны не миллионы лет, не тысячелетия, как Гленну. Через десять, через пять лет вы увидите здесь идеальную для жизни планету. Без слизи, других природных глупостей.

Договорились?.. Нет?! Тогда как это вам понравится, мой Судья? — И Штарк вынул из кармана руку, раскрыл ладонь — вспорхнула тучка серебристых капель-пузырьков. Он подул, отгоняя их от себя. Э-э, да он их и сам боится. Ишь как сжимается его тело.

— Что это?

— Ха-арошая штука,— сказал Штарк.— У меня их, разных интересных штучек, тысячи. Я пошел.

Дверь грохнула, закрываясь за ним. Решительно шелкнул замок.

Я же следил за кружением капель. Они словно дождь, повисший в воздухе.

Но все же какой он заграв по характеру, даже противно. А пузырьки летят — будто медузы. Вот летают по спирали, вот разбились по пяти-семи штук и начали крестить комнату на разной высоте. Гм-гм, они самоуправляемы.

Взрыв! (Один пузырек коснулся стола.) Дымок поднялся в воздух. Я сощурился: эмиссия синильной кислоты, смесь ее с газообразным антигравом. О таком я и не слышал. Я отступил, задержал дыхание. И пузырьки идут на меня — они уловили ток воздуха от моего движения. Я отступил к дверям. Они идут — я вжимаюсь в двери.

Я задержал вдох, навалился изо всей силы — и с грохотом упал в коридор, на двери.

Я поднялся и, стоя в коридоре, видел лежащую дверь с надписью «Для гостей», видел — Штарк, как летающих варавусов, брал в воздухе свои ядовитые пузырьки и прятал в коробочку. Ее сунул в карман.

— Вы и в огне не сгораете...— говорил мне Штарк. Он вынул питательный шарик и сунул в рот. В его глазах, прилипших ко мне, был страх. Он боялся меня, боялся до чертиков, до спазма в кишках.

Я же был ошеломлен. Злости на Штарка во мне не было. Он сам был Злом, я не мог ждать иного.

Но его страх...

Передо мной человек. Он принес Зло в это место; погубил Гленна, убил «Алешку» и трех наших милых добрых собак. Он хотел сейчас убить меня. Или напугать?..

— Гляди! — крикнул я ему.— Гляди мне в глаза.

Штарк перестал жевать, его глаза...

Он напрягся, он хотел отвести их в сторону и не мог. Ко мне же пришло странное ощущение. Я здесь не один, нас двенадцать человек. Мы все глядели на Штарка, в серые кругляшки его глаз, в отверстия зрачков, в сетку глазных сосудов. Я почувствовал бьющую из меня силу в виде горячего острого луча. Сейчас я сшибу его с ног. Собью, собью...

— Не свалишь,— прохрипел Штарк.— Не-е с-свалишь.— Он упал на колени, прикрыл лицо ладонями. Он вертелся на полу, бормоча:— Проклятый, жжешь... Проклятый, жжешь...

Я подошел, я схватил и оторвал от лица его руки: по коже лба и щек набегали мелкие водяные пузырьки.

— Проклятое слабое тело, он сжег его. Проклятое, проклятое, проклятое тело...— говорил Штарк.— Я разделаюсь с тобой.

Я снял с него шлем и хорошим пинком пустил по коридору. Шлем завертелся и покатился — белый и круглый шар. Затем я приказал Штарку спать до утра, спать, спать...

И ушел.

Оглянувшись, увидел фигурку, поблескивающую на полу. Над нею клохтал дежурный робот. Он ворочал Штарка, затем подхватил его и поволок по коридору, растворился в голубом сиянии его стен.

Штарк спит. Я улавливаю в нем сонное шевеление слов... «Мой мир, мой ребенок»...

5

Колонисты... Эти не спят. Они устали, испуганы. Вопрос — отчего я не арестую Штарка — тянет на меня сквознячком из всех черепных коробок.

Я предвижу — они пойдут ко мне один за другим и станут оправдываться.

Первой пришла Мод Гленн. Одета просто и выглядела предельно уютной — полненькая, с завитушками на затылке. И волосы словно у моей жены. Проговорила больше часа, обвинила Гленна в черствости, в бездушии. Обвинила и себя в том же. Плакала. Я убедился еще раз, что Гленн, тот, которого она знала, будет жить в ней до самой ее смерти. Это, конечно, тяжело. Я, дурак, расчувствовался и убрал из ее памяти Гленна, и она стала кричать, что до разговора была другая-другая-другая! — и хочет ею оставаться.

...Механик рассказал еще о Гленне и Штарке.

Гленн был ему неприятен, так он говорил. Хотя и отдавал должное — человек весь «наверху» и не от мира сего.

Он принялся рассказывать о Люцифере, о склоках. Он сидел и нудил, я же рассматривал те кадрики, что мелькали в его памяти.

Пришел Шарги. И такую исступленную зависть к Штарку я увидел в нем!

Шарги (искренне!) спел хвалу Гленну как работнику, целиком преданному науке. Рассказал: «Я познако-

мился с ним в Институте внутриклеточной хирургии, ассистировал ему. С первых же дней был поражен его императивным темпераментом, силой и мощью его облика. Когда он входил в лаборатории, с ним вливалась сила. Мне стало ясно, я должен быть близок к нему. Он убедил меня, что пора переносить его опыты на целую планету. Нас было много одержимых. Где они? Отвечаю — погибли здесь в первые месяцы. Я же остался, я старался выжить. Да, за первые месяцы у нас выбыло две трети людского состава: событие чрезвычайное. Но вернусь к Гленну.

До сих пор я помню этот массивный, словно глыба, череп гения-дурака, эти руки с десятью ловкими щупальцами, его взгляд.

Однажды я при нем просматривал журналы по хирургической селекции — тотальной селекции.

Гленн рассвирепел. Он сказал: «Острые селекционные подходы устарели. Весь организм, как осуществление тончайшей и целесообразнейшей связи огромного количества отдельных частей, не может быть индифферентным по своей сущности к разрушающему ее. Он сосредоточен на спасении прежней своей сущности. Это служит почти непреодолимым препятствием на пути селекции.

Нам нужна игра на точнейшей клавиатуре и скорее гармонизация готовых организмов, чем создание новых».

Вот это и привело нас сюда, на Люцифер. Но здесь я понял — это же работа на тысячу лет — или на миллион. А у меня их только сто.

И мы его подвели — ради спасения нашей жизни.

А сейчас жалеем о нем — ради спасения своей сущности человека. Это диалектика, Судья.

...Да, да, мы продали его за похлебку. Но не думайте, что мы чавкаем спокойно. Нет!

— Еще бы, — сказал я. — Еще бы. У тебя бывает изжога.

...Я побывал и у Штарка. Он спал в саркофаге из освинцованного стекла. Прятался! Свистел механизм, качал воздух, лицо Штарка было покойно и насмешливо.

Итак, завтра он обрушит ответный удар. Это и даст мне нужное знание.

...Полчаса назад Штарк экранировал себя и почти исчез. (Впрочем, две-три синие его искорки то и дело мелькают.) Я ишу. Я хожу и стучусь в комнаты. Вот четверо — опять карты и грибы. Они едят их, запивая апельсиновым соком.

Я приказываю им смотреть, на меня. Смотрят. Глаза сонные. Веки — красные ободки.

— Как Штарк...— спрашиваю я,— относился к колонистам?

Я наклоняюсь к ним.

— Он говорил, мы поставщики кирпичей для его, именно его, мира.

Лица их багровеют, подбородки выдвигаются, бицепсы напрягаются.

— Он нас презирает,— сообщает Курт.— Он презирает меня. Смее презирать. А я биолог, я лично нашел тринадцать новых видов. При Гленне я был человеком, а сейчас?

— Всех,— уверяет Шарги.— О, я его знаю. Он такой, он всех презирает. А попробовал бы расшифровать ген. Он просто дурак рядом со мной.

— Он сволочь,— говорит третий грибоед.— Изобретатель, практик, дрянь. Только мы, ученые, настоящие люди.

— Он убил Гленна,— рыдает четвертый.— Гленн был гений и умер, а я живу. Зачем?..

(Ага, искры, тень Штарка — он только что заходил к врачу.) Теперь мне нужен эскулап. Точнее, его робот-хирург.

Врач в кабинете. Человекоробот (в половину моего роста) лежит на кушетке с блаженной улыбкой на пластмассовых устах. Оказывается, идет испытание какого-то токсина.

Говорил со мной врач осторожно, шагая по комнате от банок с заформалиненными маленькими чудовищами до стеллажей с гербарием. (Все растения ядовиты. Так и написано — «яд». И косточки нарисованы.) По его рассказам я кое-что узнал о милой сердцу врача орхе.

Я притворился неверящим.

— Вы ее понюхайте,— советовал мне эскулап. «Он нанюхается испарений,— соображал он.— Погаснут его глаза, его напряженная воля, и я уйду — Хозяин ждет».

Черная орха живет у него в аквариуме, герметически прихлопнутая крышкой. Врач откручивает зажим. Я беру орху. Красива — черные бархатистые тона. Лепестки из всех пор извергают тонкий, сладкий запах. Он окутал мое лицо — молекулы его стремились войти в меня. Я видел их клубящийся полет.

Я вдохнул — и ощущение порочной неги охватило меня.

Я стал двойной — прежний «я», неплохой парень, млеет от сладости этого запаха. Другой — теперешний — видел движение молекул, их вхождение в кровоток, их попытки химически соединиться с гемоглобином.

Я сел в кресло, откинулся и притворился дремлющим (или в самом деле задремал?). Глаза я прикрыл, но сквозь веки глядел на врача.

Видел — д-р Дж. Гласс вышел. Я знал — Штарк ждет его в конце маленькой шахты. Там многоножка и робот-секретарь. Там и комната — освинцованная. (Она видна мне белым прямоугольником.)

Врач спешит. Сквозь камень пробиваются трески и

шуршание его мыслей. Я нюхаю орхидею. И наслаждаюсь тем, что могу делать это без опаски.

Итак, врач сказал Гленну о свойствах черной орхи. Колонисты бросили Гленна.

Штарк отобрал у него управление колонией.

Я — мститель.

Но Штарк уже наказал себя, дошел до точки.

Точку поставлю я. Я встал, воткнул цветок в кармашек жилета и пошел. Я видел все — штольни, ходы. Плато изгрызено штреками. Будто поднятая кора источенного насекомыми дерева.

И в последней ячее незыримый Штарк... делает что-то. Это «что-то» и будет моим вкладом в Знание Аргуса. Пойду-ка медленнее, пусть не торопится, пусть готовит свое дело.

Широкие тоннели сменялись узкими каменными трубами. Они шли вертикально (в них железные лестницы). Хрипят насосы, втягивая воздух с поверхности (и фильтруют, стерилизуют, сушат его). Потоки воздуха воют разными голосами в щелях... Пещеры-фабрики, отделенные листовым металлом. В одних роботы льют металл (брызги, снопы брызг), в других работают на станках, в третьих сваривают какие-то части. Отовсюду звяканье и стуки, шипение огня, хлопки взрывающегося газа. Иду ниже. Здесь естественные пещеры, маленькие, душные, пыльные, словно карманы в заношенном комбинезоне. Одни пещеры сухие, в других текут подземные воды с привкусом извести.

(Близка свинцовая комната.)

И вдруг я ощутил ужас, приближающийся ко мне. Он несся — спрессованный, выброшенный мозгом, страшный, словно заграв в прыжке.

Но это же врач, его мозговые волны! Я могу дать на отсечение свою голову (без шлема), что Штарк что-то выкинул новенькое. И впервые я ощутил усталость. Надоед мне он. Какой-то мертводушный, свирепый, с воспаленным мозгом.

...А на планете день, на плато — хороший воздух. Там гуляет и дышит Тим.

На плече его двуствольный старинный дробовик — он коллекционирует мелкое зверье, бьет его из ружья сыпучими зарядами.

На роже его блаженная ухмылка, в бороде — солнечное золото. Собаки бегут за ним в легких панцирях. Они снуют туда-сюда и все обнюхивают. Им хорошо — небо чистое, ни одной медузы!

Я позавидовал им (и моему прошлому).

...Врач вопил:

— Что-о он делает. Что он делает... У-у-у...

Я вышел навстречу ему — тот налетел и приклеился ко мне, будто присоска манты. Он трясся и всхлипывал, уткнув голову мне под мышку, мочил слезами мой уникальный бронезиждет.

Я ждал. Я погладил его жестковолосую голову и ощутил ладонью плоский затылок.

Врач хлюпал, рассказывая, что Штарк заставил, принудил дать ему экстракт орхи. Но ведь толком не проверено ее действие! Да, боль уходит, но куда? И что будет дальше?

Врач кричал — надо спешить, там готовится преступная операция. Его принуждали ассистировать, он же вырвался и сбежал.

Кричал — Штарк готов абсолютно довериться роботу-хирургу.

Кричал — сейчас Штарк перестанет быть человеком, его срастят с машиной. Он станет кибергом, и тогда с ним не сладишь.

(«Вот оно, Знание! Такого еще и не бывало, такого Аргусы не видели, не встречали».)

Гласс кричал:

— Надо бежать, надо спасти человека!

Дж. Гласс был прав — надо бежать. И мы побежали — это было совсем рядом.

У экранированной комнаты робот-секретарь обстре-

лял меня. От вспышки лазера брызгалась каменная порода, взлетали радужки паров.

Я поборол желание стать под удар и испытать себя. Я выстрелом смел секретаря (и расплавил породу). Пробежав по огненной жиже, сорвал свинцовую дверь, ворвался в помещение. И окаменел — за толстым стеклом начиналась операция.

На плоском и белом столе лежал Штарк, голый, как лягушка. Над ним нависла машина — пауком. Она перебирала руками, словно пряла. (Переделанная многоножка, к ней добавлено еще шесть рук.)

Она работала сразу несколькими руками. Пока что манипулировала склянками. Видимо, анестезировала Штарка. Но делала это с необычной скоростью. Это и было страшное — молниеносность происходящего.

Подоспел врач. Он задыхался, свистел легкими. Он сел на пол.

— Все, — сказал он, — не успели.

— А если войти и помешать? — спросил я.

— Тогда он мертв. И не войдете, предусмотрено... Смотрите, смотрите, что он делает! — вдруг закричал врач.

Робот, схватив белую коробочку, понес ее к телу, и туда же потянулась одна лапа со сверкающими ножницами и другая — с щипцами.

Пришлось идти напрямик.

Я вошел и остановил машину. Штарка похлопал по щеке. Тот очнулся. Потянувшись, зевнул и сел, свесив голые волосатые ноги.

Он кивнул мне и погрозил врачу пальцем. Встал. Медленно и тяжело прошел к кушетке: та вздыбилась.

Он прислонился спиной — кушетка выпустила руки, схватила его, стала опрокидываться. Загудело — Штарк медленно приподнимался и повис в воздухе.

Дезгравитатор... Это понятно, Штарку надо отдохнуть.

Он повис неподвижный и как бы окоченевший. Я положил цветок орхи ему в изголовье — пусть дремлет.

Я взял из робота пластину с программой, извлек мозговой блок и ушел, ведя доктора, абсолютно раскисшего от переживаний. Киберга из Штарка не вышло.

...Вечером я встретил Штарка, бродящего коридорами. Он ходил неторопливо, видимо, прощался. На все глядел, все трогал. На нем был странно огромный шлем. Я пошел за ним — он заторопился, пронесся словно на колесах.

— Стой! — крикнул я. Но фигура исчезла. Штарк уходил. Зачем? Куда? Убегал он вниз, но не шахтами, а естественными ходами (их прожгла лава). Там узкие щели и проходы, соединявшие небольшие пустоты (я видел их как белое ожерелье). Были кое-где и начатые штреки — ими Штарк рвался вглубь, к ядру планеты. Они виделись мне прямыми линиями. Я вызвал Ники — тот побежал следом за Штарком. Я шел наперерез.

...Опять пещера.

Услышал шум воды и пошел на него. Упал в ледяную воду, нырнул и проплыл. Ага, другая пещера. Берега ее поднимались круто. Я вскарабкался — одежда подсыхала на мне.

...Вошел в огромнейшую пещеру. Сейчас увижу Штарка (я уловил токи его спешившего тела).

Осмотрелся — необычная пещера. В одном ее углу ощущалась повышенная радиоактивность. Здесь припрятан микрореактор.

Я сел на камень. Ждал.

...Загремело. Послышался стук камней. Из узкого хода вынырнула белая фигура.

Она уверенно (без света!) прошла на середину пещеры. Там и остановилась. Это Штарк! Я не могу поймать его мысль, но вижу движения.

Что он там на себя повешал?..

Вот нагнулся, поднял камень и вынул микрореактор и как бы погружает его в себя.

— Теперь энергии мне лет на сто хватит,— сказал он и пошел в мою сторону. Но остановился, попятился.

— Аргус! — вскрикнул он.

Я промолчал, ощущая, как Штарк щекочет меня радиоволной. Что это? Локатор?

— Не отмалчивайтесь, Звездный! — прокричал он.— Вы же здесь.

Я молчал. Штарк шел ко мне, перепрыгивая через камни, плеща водой. Вот поднял камешек и швырнул в меня. Промახнулся (тот ударился рядом, разлетелся мелкой пылью и обжег мне щеку).

Такой бросок! А-а, он нацепил на себя механический скелет, это делает его сильным.

— Странно,— сказал Штарк (голос его разнесся).— Я его вижу, а он молчит. Быть может, мне это кажется? Может, приборы врут! Может быть, это самовнушение. Я же не человек, я... я почти супер, механика первоклассная, не хуже его штук.

Вот, могу перемещаться. (Он со свистом двигателя пронесся вдоль пещеры и не разбился о стену.)

Вот вижу гонящуюся за мной многоножку. Паршивый автомат! (Он погрозил кулаком.) А вот здесь Аргус сидит на камне.

Он стал подходить. Шел медленно и бормотал.

— Вот здесь, я его вижу. Разберемся. Во-первых, инфразрение: я вижу его светлым пятном с достаточно четкими очертаниями.

Во-вторых, излучение. Это, конечно, его жилет. К тому же он дышит, шевелится, мембраны улавливают это. А все же его здесь нет! Что бы я сделал на его месте? Я бы напугался, вскрикнул. Или бросился в борьбу.

Значит, не удалось. Оперироваться он мне не дал, кибергом стать не дал. Проклятый! А сам я ничего не могу, и приборы мне врут. Проверю-ка простейшим образом.

Он подбежал и протянул ко мне руку — потрогать. Я схватил руку и замкнул на ней браслет. И на время мы замерли.

Молчали, тяжело и горячо дыша.

Он было начал бороться, но я сжал его и почувствовал — смогу раздавить. Он понял это.

Снова молчим. И в тишине молчания слышна подземная жизнь — шорохи подземелья, голоса воды, стуки капель, кряхтенье камня. Затем возник слабый, дрожащий, двойной смех. Он родился и вырос, разнесся по пещере, усилился, загремел. Казалось, кто-то огромный захлебывается громовым хохотом в два огромных рта.

Это смеялись мы, смеялись вместе. Я держал руку на плече Штарка. Он не уйдет от меня, нет.

Я произнес формулу ареста. Дело кончено. Слова, тяжелые, как глыба, прижали его. А затем я, Судья и Аргус, вынесу приговор. Штáрк снова задрезжал смехом. Он сел рядом на камень, хлопнул меня рукой по колену.

— Знаете, Аргус,— сказал он.— Я так устал за часы общения с вами, что рад и браслетам. Все же конец. Почему вы меня не взяли сразу? Желали играть?

— Хотел видеть. Насмотрелся на двести лет вперед. Видел полукиберга, а это дано не многим. Видел человека, сгубившего гения.

— Аргус, моя просьба — ссылка на одинокую планету...

«На мертвую, мертвую»,— заговорили Голоса.

— А вы забыли про свои восемьдесят с хвостиком процентов воды? — спросил я его.

— Ну, с ней-то я разделаюсь.

— А тогда на ледяную планету,— сказал я.— В снега Арктаса.

Тут в пещеру ворвался Ники — загремел, залязгал, заморгал прожектором.

Пещера осветилась вся. Я даже вздрогнул — так хорошо было здесь. Я глядел будто из центра кристалла

с тысячью граней: стены искрились, всюду — гипсовая паутина. На полу — цветы: розы и прочее. Подземный сад: белая трава и в ней еще цветы, еще звезды.

Я встал, чтобы удобнее было смотреть.

Я не жалел, что была погоня.

Я пил глазами красоту подземелья, подмечая все новые ее детали. А они менялись при каждом движении прожектора (кто видел многоножку в покое?).

— Не правда ли, здесь, под землей, чудесно? — говорил мне Штарк. — Одиночество здесь полное. А звуковые феномены? О, я могу многое рассказать вам о подземельях. Я вырос в них, копил силы, вынашивал главную мысль. Идите, идите ко мне, Аргус. Вы ведь не сможете быть прежним, с тоски умрете, я вам верно говорю. Давайте, операция — и мы киберги, мы вместе. Всегда, тысячи лет. Жалко Люцифер? Найдем иное место. Давай врубим имена в историю. Кстати, о колонистах. Вы отнимете меня у них. Не боитесь? Я ведь им так много дал.

...Нас встречали колонисты и Тим с барбосами.

Я вел Штарка. Коридор таял в голубом свете. В нем — люди. Я шел, и лицо мое было — камень! Я так его и ощущал — камень.

Колонисты (сильно сдавшие, постаревшие этой ночью) встретили нас набором подбородков и пронзительных взглядов. И молчанием — ни слова Штарку!

На запястье его правой руки было изящной работы кольцо.

Оно отгородило Штарка, сделало его слабым и презираемым. Никто его не боялся, никто не испытывал к нему благодарности.

Вот оно, наказание!

— Ведут, — сказал кто-то. — А, Шарги...

— Достукался, — отозвался Прохазка. И все!

Мне было противно их равнодушие.

— Дорогу, дорогу,— говорил я. Времени было в обрез: нужно забрать костюм — уникальная штука. Нужно взять робота-хирурга. Отличная вещь! А еще я видел: «Персей» ходил вокруг планеты и ждал нас.

Я оставил Штарка в комнате с Тимофеем и собаками и ушел в рубку. Я связался с коммодором, увидел на экране его озабоченное лицо. Мы договорились об охране регалий Аргуса.

И с удовольствием я сказал себе, что сегодня, вечером, я избавлюсь от Штарка.

Я приказал закрыть шахты, прекратить работы и приготовить роботов к долгому хранению. Приказал колонистам готовиться к отъезду.

Они приходили ко мне. Пришел Мелоун. Он соглашался и на проживание в болотах. Говорил, что желает искупить вину — ведь это он привез Белый Дым. Уверял, что выловит их, подманивая собой.

Я отказал, а на болота с дымами послал роботов. Приказ: испарить их к чертям собачьим!

Приходила великолепная четверка — не оставил.

Но осталась Мод Гленн.

Остался врач — около своих орх, токсинов и слизней.

Оставил я и любителя механики — это был застарелый холостяк и никому не нужный брюзга.

Починенный «Алешка» сделал несколько рейсов к нашему дому и к старт-площадке. Сначала он перевез собак и Тима, затем роботов, затем Штарка, багаж и колонистов.

Эти ощущали себя побежденными. Угрюмые и хмурые, они сидели на вещах на краю старт-площадки и ждали ракетную шлюпку. Я же следил за ее траекторией.

Я видел — коммодор в парадной форме.

Я видел — два его космонавта вооружены. Они станут охраной Красного Ящика, и коммодор надолго потеряет власть над ними. Таков Закон.

Я видел — те члены команды «Персея», что дежури-

ли в звездолете, а не лежали в сне долгого анабиоза, взволнованно ждали.

Ждали Красный Ящик, ждали колонистов, ленивых и робких. Беспокойство вновь одолевало меня. Я не спал неделю, одежда много раз промокала и высыхала на мне. Но я не ощущал слабости.

Я топтался на площадке, сжигаемый нетерпением. И еще был Аргусом — при моем приближении колонисты отворачивались.

И Тим отворачивался. Но я видел его насквозь. Он ждал, когда я стану прежним. Тогда он возьмет свое. Он станет заботиться, нянчиться, покровительствовать мне.

Так и будет... Милый Тим, я соскучился и по твоей коротке, и по твоему упрямству.

...Колонисты?.. Повесили носы?..

«Слушайте,— внушал я.— Вы сытые и нежные, ленивые и жадные. Поднимите головы! (Подняли.) Держитесь! Примите наказание, долгое как жизнь, с достоинством».

...Штарк? Этот был желт (разлилась желчь) и презрителен.

Он все доставал и жевал свои шарики. Вот его мысль: «Твое время и сила кончаются». Пусть кончаются, многое кончается. И с удовольствием я думал, что пора риска для Тима и его собак тоже кончается — я забрал всех роботов-исследователей. Их множество — от больших (для сбора образцов) до крохотных соглядатаев. Одни могли сидеть на деревьях, другие парить в воздухе и проследживать жизнь любого зверя. Хорошие штуки! Ими Штарк исследовал планету (затем вынес ей приговор).

Я подмигнул Штарку.

— Вы думаете,— сказал я,— о побеге?

— Представьте себе, так. Но это же младенчество. Знаете, Аргус, я задумался не только о побеге, я думаю о себе. Раньше времени не хватало, а вот тут... Что я такое? Какова моя ценность? Понимаете, я не ста-

рый, всего семьдесят. А что сделано? Заметьте, безделья я не выношу, работаю как черт. Нет, тысяча чертей! Десять тысяч! Итак, семьдесят лет составляет шестьсот тысяч часов. Чем я их заполнял? Аргус, я расточитель. Двести тысяч часов я проспал, двести тысяч ушло на так называемую жизнь, на выполнение различных обязанностей. На образование, например. Еще сто тысяч я бросил на выполнение обязанностей гражданина Вселенной. Не ухмыляйтесь, это серьезно. До пятидесяти лет я был неумолимо серьезен.

Из оставшихся ста тысяч часов шестьдесят тысяч истратил на перемещения с места на место и лишь сорок тысяч на работу. А вы помешали мне.

Понимаете? Даже планету не переделал.

А сейчас поговорим о вас, мой бледнолицый красавец.

Не думайте, что победа ваша полная. Я дал хороший пинок этой планете, и она завертелась иначе. Поймите это. О, я бы и с вами справился, если бы не ваш проклятый темп.

И вдруг он посмотрел на меня с простым и наивным любопытством. Даже глаза вытаращил. Будто мы вот только что встретились, а Штарк узнал, что я Аргус. Его глаза обежали мое вооружение, но отчего-то снизу: пистолет, жилет, шлем.

Штарк оживился, разглядывая мою технику.

— А вы хорошо знакомы со всеми вашими игрушками? Шлем, жилет, пистолет? — спрашивал он.

— Немного.

— Шлем... Тут вы все знаете. Жилет? Здесь мое знание ограничено, но его цена раз в десять выше цены всего моего оборудования. Цените его. Пистолетик? Его цена — второй мой поселок. Сумасшедшие траты! Закон в Космосе — доро-о-гое удовольствие.

— Но в данном случае необходимое! — вставил я.

Штарк, словно не услышав моей реплики, продолжал:

— А пистолет — отличная вещь, моя конструкция. И не ешьте меня глазами, прошу вас. Ну хоть на прощание. Вам, я знаю, это игрушки, а мне тяжело, сердце жжет.

...Ах, Судья. Помню, когда рождалась у меня идея повертеть планеткой, то бродили в голове схватки, удары лучей и прочее. А на самом деле все оказалось предельно трудной работой, а вот теперь еще дурацкая лихорадка. Потрогайте руку. Горит? Это подземная лихорадка.

...Судья, вы ощущали такое состояние: мочь и не хотеть? Я ощущал. Не из лени, не из трусости — я не боюсь даже вас, Звездный, даже сейчас.

И не из боязни неудачи. Разве я мог добиться большего? Я был царем, маршалом двухсот сорока универсальных роботов. Я вспорол эту планету. Не-ет, я недурно провел время. И кибергом бы стал, и... планету переделал бы. Э-эх, пронюхали... Чертов Гро. Ведь он? Скажите — он?

Я молчал.

— А руку-то мне напрасно тогда жали. Вот, онемела и не отходит. Так вот, задумываюсь, в чем моя ошибка.

— Людей вы презираете, — сказал я ему.

Штарк вздернул плечи, вскинул свой клюв.

— Люди?.. При чем тут люди? Некоторых я весьма уважал. Себя, например. И ты был отличный мужик — пока в костюмчике.

И замкнулся в себе.

Стал покрапывать дождь, и Штарк съезжился. Он озяб.

...Я ходил и ходил по площадке. Сгущались тучи, в чаще поревывал моут, недалеко охотилась стая загравов. Хлынул ливень. Вода плясала на бетоне. Записал зуммер — ракетная шлюпка шла на посадку.

Сейчас все кончится. Сейчас я стану свободным, а Аргусы улетят. Это же хорошо, что всему бывает ко-

нец. Даже счастьем. Иначе бы стало невыносимо. А-а, Голоса... Прощайте, прощайте...

Прощайте, друзья! Где-то вы будете? Сколько сотен лет проведете во сне ожидания, пока вас призовут к новому делу?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БУДНИ ЛЮЦИФЕРА

1

Дневник Т. Мохова

Дня через два после окончания суматохи с Штарком я вспомнил совет Гленна поймать медузу. «Это,— записывал он,— раскроет загадку низкого удельного веса здешних организмов». Он предполагал, что в медузе антигравитационное вещество находится в несущем пузыре. Но я долго не решался ловить этот пузырь объемом в десятки ядовитых кубометров. Я посоветовался с доктором, тот сказал Аргусу. Георгий, конечно, загорелся. Привлек механика (тот пожалел о Штарке: «Немедля что-нибудь бы изобрел»). Он припомнил, что медуза была поймана Штарком, пошарил по кладовым и нашел мини-скарп, отделанный под медузу. В нем были и сеть, и гарпун, полый внутри, и насос. Затем Георгий в этом медузоскарпе с утра завис над убитым солнечником. Но только вечером приблизился довольно большой отряд медуз-титанов.

Я наблюдал за всем, болтаясь с д-ром Джи на полкилометра выше Георгия.

Сверху я видел красный шарик скарпа-обманки, видел неторопливо плывущих медуз и ощущал всю строгость момента, первого прикосновения к тайне. Георгий же похихатывал (по радио). Он уверял, будто одной

рукой скрутит медузу, что и сделал. Сетью как бы подчёрпнул ее, и мы камнем упали вниз, к нему.

И д-р Джи проколол гарпуном тугой радужный пузырь, включил мотор, и насос со свистом потянул в себя газ невесомости. Я видел, как пластиковый мешок фиолетово засветился... Когда мешок стал тугим, д-р Джи перекрыл вентиль, положил гарпун на дно скарпа, и мы отошли в сторону. Я увидел — Георгий вышел на крыло. Одной рукой он держал сеть с медузой, другой размахивал и кричал:

— Гляди, я держу эту гадину одной рукой, я еще силен, еще Аргус!

— Он просто идиот, — буркнул д-р Джи. — В медузе остается газ, сейчас он выйдет.

— Брось! — закричали мы. — Бросай сеть.

Но слизистая масса потянула, и Георгий упал. (Он говорил потом, что забыл разжать руки.) Он падал вниз, стремительно уменьшаясь. Джи выключил антиграв и перешел в свободное падение — он хотел перехватить Георгия. Я зажмурился. Но когда мы подлетели к Георгию, тот догадался отпустить сеть и летел на антиграве. Пояс с прибором сполз, Георгий плыл вверх ногами, рука его была в крови — сеть ободрала ладонь. Мы взяли его на борт.

Он говорил:

— Ну вот, я опять слабый человечешко!

В тот вечер он и заболел. И тогда же доктор сказал такую фразу, — сегодня мы-де взяли самое яркое на планете, а далее пойдет обыденная работа.

Я расхворался.

Началось, конечно, с болотной лихорадки. С нею Тим справился круто.

Затем к ноге прицепился фиолетовый настырный грибок — Тим сбил его излучателем. А там пришла и пред-

сказанная им слабость. Я, вялый и слабый, ничего не делал, а только лежал и спал.

Тим ликовал — он взял свое! Он лечил меня, то-тошкал, упрекал, припекал. И все это делал с сияющей мордой.

Собаки мне сочувствовали. Они проводывали меня, виляли хвостами, глядели ласковым взглядом.

Жил я так.

Просыпался к завтраку и видел: за столом сидит Тим, бодрый, умытый и причесанный. Завтракая, он рассказывал мне ночные новости: о нападении моута, о том, что ночники наконец-то откочевали.

Затем намечал вслух план на новый день и уходил. Я засыпал, просыпался, снова засыпал и просыпался. Кондиционер пел мне свою песенку, я то пил чай из термоса, то листал старомодные книги, зачитанные поколениями.

Или думал.

Прошедшее было для меня дивным сном, который вспоминаешь то с предельным ужасом, то с великой радостью.

Я вспоминал Штарка и колонистов... Теперь они мне не казались маленькими. Это были характеры и судьбы в своем роде поучительные.

Быстро уставал. Тогда, зажмурясь, смотрел сквозь веки на солнце или слушал, как Ники домовничал. Прибрав помещение, он готовил кормежку собакам и нам (кашу с мясом из слизья по имени «травяная курочка»). Затем кипятил чай, много чая, и уходил во двор.

День шел, солнце переходило из одного окна в другое, то лил, то обрывался дождь.

Или эффектно накатывала гроза — первобытная, тропическая. Она приходила так: в полдень ярилось солнце, к двум-трем часам собирались тучи. Темнело.

И тогда молниями, словно ногами, шагала к дому гроза. Гром ее шагов нарастал, ноги-молнии сливались и казались одной, непрерывно пляшущей.

И, прислушиваясь к раскатам громов, я прикидывал, как было бы хорошо не говорить формулу отречения, быть Аргусом всегда.

Я вспоминал: вот снимаю шлем — и слабеют глаза, и уходит Знание. Снимаю бронжилет — и кажусь себе таким голым и слабым. Отдаю пистолет — я окончательно беззащитен.

Отречение!.. Я лежал и с отчаянием, с горечью думал о силе слова. В прошлый раз слова обряда дали мне сверхсилу. Слова отречения отняли у меня ее.

И с подозрением я вдумывался в любые слова, искал в них истоки могущества. Например, такие — хлеб, любовь, кислород.

Или такие — товарищи, друзья, мы, они.

...Выдохшаяся гроза уходила, ворча, за горизонт.

Прилетал Тим. Гремел его голос, звенели панцири собак. Они ссорились между собой и, обиженные, визжали. Тим умывался, разбрызгивая воду и фыркая, и шел к столу — краснорожий, голодный, как зверь. Мы обедали вместе: он за столом, я лежа держал тарелку на груди.

Ники кормил на дворе собак — снова визги, ссоры и шумные примирения.

...Поев, собаки входили в дом и ложились на полу. Они отдыхали.

Тим рассказывал мне о работах сегодняшнего дня.

Он привозил с собою разных субъектов и мариновал их в банках прямо на нашем обеденном столе. (Как говорил, в истории Люцифера шел период собирательный.)

У нас появилась банка с Зеленой Пеной. В алмазной прочности посудине сидело дымное существо. (Ловил он его с д-ром Дж. Глассом и перекачал портативным насосом.)

Я слушал, смотрел. И временами все казалось мне продолжением сна, увиденного на обломке ракеты.

Я ведь попал на Люцифер «катастрофически» просто — метеорит разбил мою «Вегу». Мне еще повезло — я был в скафандре и ремонтировал выхлоп двигателя. И вдруг взрыв.

На оставшемся куске ракеты я понесся черт знает куда, и около меня торчал Ники с полным набором инструмента.

Когда я выдышал весь кислород и много дней провел без него, меня подобрал корабль Звездного Патруля. Собственно, я давно умер. То, что валяется в постели, ест, мечтает, думает, гладит собак, было мертвым... Я очнулся в корабельном госпитале на подлете к Люциферу. На планете был одинокий Тимофей (напарника его — Гаспара Ланжевена — проглотил муут). Я и остался на Люцифере — не мог сидеть в ракете. Мне было страшно. Я сжимался, я все время ждал удара метеорита.

На Люцифере я стал лаборантом Тима, немножко химиком, чуть-чуть биологом и страстным фотографом.

Главное, здесь был Тимофей, его собаки. И не было метеоритов.

...Тим. Он близко сошелся с врачом (хотя и ему не нравились токсикологические увлечения эскулапа).

Врач часто бывал у нас: осматривал меня, потом разглядывал коллекции, часами ковырялся в гербарии. Лечение мое он поручил Ники, переписав в него свои знания,— Дж. Гласс был горячий исследователь, но холодный врач. В чем и сам признавался.

Ники мне смертельно надоедал укрепляющими микстурами. К тому же он пристрастился лечить всех подряд (энергии было не занимать, всю ночь висел на проводе).

И теперь, начиная с меня и кончая щенками, все были в заплатах пластырей, налиты до самого горла микстурами и отварами.

Всем осточертела моя жизнь в постели да шезлонге. Особенно мне. Тим связался с врачебным центром Всесовета. Был консилиум, в нем участвовало полдюжины электронных эскулапов плюс д-р Дж. Гласс. Они и разработали новую схему лечения и решили, что мне нужно сменить климат. Обязательно! Но сама мысль о расставании с Тимом и собаками до слез расстроила меня. Я не хотел уезжать с Люцифера.

— Да нет же,— улыбнулся мне д-р Дж. Гласс.— Мы имеем в виду плато. Там и температура ниже, и влажность поменьше. В конце концов, там есть вполне комфортное подземелье. К тому же мой коллега (он поклонился Тиму) и я — мы давно хотим провести одно совместное исследование.

И было решено о нашем переезде на плато. Тим на «Алешке» перебрал сначала коллекции, затем имущество и собак. Последним отчаливал я.

Колонисты, сочувствуя, предлагали носилки, я же взял скарп Штарка. И когда повисла, словно капля, его серебристая машина, во мне все сжалось — тоскливо.

Штарк был отличный техник — в полете машины ощущалась чудесная мягкость.

Я повторял наш первый маршрут. Мы пронеслись на юг, слетали на место, где нас сбил Штарк. Никаких следов, словно и не было Штарка, ракет, нас.

Шатались слизни с красными бородавками. Они наползали на дерево, прижимая его к земле, и перетирали древесину роговыми зубами.

Вот болото с зелеными пузырями, вот место смерти Бэка и милой Квик:

Я испарил это болото, превратил его еще в одно облако. Сколько их плывет в небе — белых и чистых! Им хорошо то набухать, то проливаться дождем.

...Мы повисели и около плато, среди деревьев.

Затем нам открылось само плато. На посадочной площадке, заплывшей мхами, ковырялись две многоножки.

Синяя медуза планировала на них, брызгалась дымящейся жижей. Она, работая воздушными рулями, делала заход за заходом. Но роботы не смотрели вверх, их защищал пластик.

Я сбил медузу. Она упала, и роботы закопали ее в землю. Я жадно всматривался в плато.

Но прежнего волнения не было. Оно ушло, улетело со Штарком и Красным Ящиком на «Персее».

Где-то теперь они? В каких даях?..

Я повернул к расщелине. А там зала, многоножки...

Я вылез из скарга и пошел себе потихоньку. Ники плелся сзади.

В коридоре нас встретили собаки — кинулись ласкаться и повалили меня. И, понятно, обшлепали языками. На шум выскочил Тим — бородатое милое чудище. Следом вышел врач, посмеиваясь в узкую черную бороду.

Мы поговорили с ним, похлопали друг друга по плечам.

Врач сосчитал мне пульс: около ста ударов. Сто десять.

— Надо ходить, надо тренировать мускулы, — говорил мне врач.

— Вот, вот твоя комната, — суетился Тим.

Мы вошли и долго пили чай, ели вкусное печенье. Поговорили о плато, о медузах. Врач и Тим обсуждали мою внешность. Тим говорил, что я существенно постарел, в моих глазах появилась умудренность. Врач — что лицо мое потеряло прежнюю бледность Аргуса.

Затем обсуждали, какой метод был применен для

усиления моей личности. Тим упирал, что во мне это просвечивало и раньше.

Врач же считал все техникой, спрятанной в шлеме и жилете.

— Но вы же с ним не сталкивались,— возражал Тим.

Я, слушая их, незаметно задремал. Проснулся — врача нет, а Тим сидит и тоже спит, кивая мне бородой. Я встал и вышел в коридор.

Слабость... Она ощущалась мной как подшипники, вставленные в колени. Казалось, я подвернусь на них и упаду.

И умру — от слабости.

Но я не падал, не умирал, а шел себе дальше и дальше по огромному коридору. А ведь в камне вырублен. Циклопическая работа!

Я сходил в кабинет Штарка. Не мерцали экраны телевизоров, на все приборы тонко ложилась пыль.

Я сел в кресло Штарка, и тотчас все шевельнулось в кабинете. Повернулись шкафы-каталоги, заискрились экраны, приподнялась крышка стола. Под ней, ярко освещенная, поползла лента, испещренная знаками. И автомат сказал жестким голосом:

— Настою на своем...

Я встал и побрел на этаж переселенцев.

Зашел к работяге — космат, небрит. На столе разобранный механизм: совершенствует какой-то узел.

— Теперь мы, не отрываясь от всего, сделанного Отто Ивановичем,— говорил он,— пойдем по пути, намеченному нашим первым руководителем. Но какой ум был у Отто Ивановича! ...Мод Гленн (она руководит колонией) приняла меня хорошо. Мод была довольна своей первой ролью, она помягчала. Подала мне руку, угостила чаем и сообщила о своих планах. Во-первых, наконец-то занялась теми мелочами, до которых у мужчин руки не доходят. (Все на свете состоит из атомов, любое дело — из мелочей.)

Во-вторых, долой крайности, ну их!

Скажем «нет» чисто биологической цивилизации, но будем помнить, что и голый техницизм до добра не доводит. Тысячи примеров!

Она говорила, я слушал, и меня медленно и крепко брала в свои руки тоска, густая, словно зеленое желе, лежавшее на столе, в плоской тарелке.

Все здесь мне казалось серым. И как они хорошо приспособились, черт их побори!

Дама?.. Командует.

Тим?.. Хочет стать великим натуралистом.

Врач?.. Вынюхивает новые токсины.

И мне стало казаться, что я съел вредное, что насквозь отравлен и, яд пробирается по моим жилам все глубже и глубже.

Зачем так серо жить? Зачем мне вся эта преснятина? Не хочу!

Я ушел от руководящей дамы. Встал и, не прощаясь, направил стопы к двери.

Та распахнулась, выпустила меня. Я вышел, свернул куда-то и вздрогнул, увидев стоявших роботов. Они покрыты пленкой (мой приказ), поставлены на долгое хранение. Многорукие, недвижимые, в них даром пропадает мощь.

Но выскочил Джек, обнюхал крайнего робота и задрал лапу...

Я прогнал Джека, ушел к себе и лег в постель. Прибежал Ники и занялся моим телом.

Он тер мазью это слабое, ленивое тело. (Я как бы сверху смотрел на его работу.)

Он капал фиолетовые капли, он выпоил мне бутылку густой и противной жижи, дал новейшего выпуска снотворное.

Но спал я беспокойно, то холодел, то умирал от жары.

Или просыпался от грызущего типа болей. Утром же встал здоровый и бодрый, вот только ощущение в себе какой-то незаполняемой пустоты. Большой.

А на плато было хорошо и сухо. Бурно цвели деревья. Чтобы их цветы виделись дальше, они сбросили листья (а некоторые бесстыдники даже кору). И с утра и до позднего вечера в их ветвях гудели многоглавки и варавусы.

Дни шли отличные. Я много гулял. На ходу мне легко, мне свободно думалось. Я частенько размышлял о Гленне — манила профессия селекционера (не взлеты ее, а рядовая работа). Я уже собирался просить Тима ввести в меня знания, но чего-то стеснялся.

...Вокруг меня бежали собаки. За нами гроыхал Ники — медузам нравились здешние деревья, низкие и редкие, — добыча сверху была хорошо видна. Обрызгав какого-нибудь несчастного слизня, они опускались и жрали его.

Ники следил за воздухом. Появление медузы наша компания обычно замечала по грохоту его ракетного ружья.

Оно гремело — бух! — затем свист, и высоко над нами лопалась граната — блоп! — и на землю падали цветные клочья. Собаки пятились от них, а Ники немедленно сжигал медузины останки.

Я думал — вот бы отгородить плато от медуз. Ну еще изобрести что-нибудь. Я представил себе Штарка (который несся в звездолете «Персей».) Он сейчас в пассажирских камерах, спит в персональной ячее среди дымка клубящегося мороза. Люто холодно. Мерцают шкалы, следя за работой сердца. Он спит.

Лицо Штарка покойно. Нет, оно улыбается, хитро и презрительно. В криогенном сне он видит свой мир, выстроенный из железа. Он бредет по нему кибергом и упивается своим величием.

В тот вечер я заметил: медуза, парившая над коралловым лесом, упала. Меня охватило любопытство. Я пошел, мы все туда пошли — гурьбой.

Я снял с плеча ружье Тима, очень хорошее, честное,

без новомодных штучек, ставящих человека в роль абсолютного господина, сохраняющее риск и для стрелка.

Мы прошли лес — красный, зеленый и синий.

Вот скалы и болотца. Они кисли среди камней. Мы прошли в глубь этого интересного местечка и увидели хозяев его. Это были орхи.

Собаки, почуяв их, стали. Далее мы шли с Ники. Я впервые увидел орх на свободе, не запертыми в аквариум.

Цветы услышали наши шаги. Они, только что сжатые в черные кулачки, легкими подрагивающими движениями распускались в черные крестики с белой точкой посредине. Затем стали поворачиваться в нашу сторону. Повернулись. Я увидел миллион пристальных глаз: цветы глядели на меня. Аромат ощущался слабо, но на всякий случай я зашел с наветренной стороны (цветы опять повернулись). В рисунке лепестков, пожалуй, можно заметить как бы лица бородатых и очень сердитых людей. А чьи эти лежащие в воде бурые костяки?

Я сел на камень.

Я сидел на ласково теплом камне и чувствовал себя удивительно безопасно — вся летучая нечисть обтекала это место. Можно было отметить и ширину воздушного столба, насыщенного ароматом орх: метров сто пятьдесят — сто семьдесят в диаметре.

Так вот где их берет д-р Дж. Гласс.

Я осмотрелся, ища его следы. Например, потерянную им вещь. И ничего не увидел.

Но так свободно, легко пошли воспоминания — Красный Ящик, поход, Штарк... А вот родина, вот мать и отец. Умерли, бедные. Жена, ее необыкновенное лицо, когда она увидела Джека, разбитого взрывом двигателя. Она кричала мне:

— Не летай, не летай... Я уйду! Уйду! Уйду!

В моей памяти снова взлетела ракета, тосковало и плакало ее железо. Тоска схватила меня. Не о жене — она далеко. Не о родителях — пусть спят.

Сидя здесь, около болота с ядовитыми цветами, я видел себя букашкой, проползавшей по внешней скорлупе явлений.

Возмущение охватило меня. Это жестоко — дать на время силу и знание Аргусов. Вдвойне жестоко, дав их, отнять.

Эх, закричать бы так, чтобы вздрогнуло плато:

— Хочу силу! Хочу знание! Хочу взгляд Аргуса, проникающий в суть каждой вещи! (А цветы перемещались в мою сторону, выползали на берег в виде черного вздувшегося кружева.)

Сильнее их запах, наглее взгляд белых глаз.

...Моя горечь дошла до верхней точки и там сломалась. Переломившись, она упала вниз, к нулю. Я снова ощущал все хорошее и простое. Я снова почувствовал доброту здешнего солнца, вспоминал Тима, его собак. Росла и росла эта сладость. Наконец она стала нестерпимой, а солнце — беспощадно ярким.

Я жмурился на это солнце. По розовым векам бегал серебряный узор. Веки темнеют. В этой темноте горят хищные глаза орх. Что?.. Я отравлен вами?..

Э-э, нет, не выйдет, вам не получить меня.

— Ники,— позвал я.— Ники.

Я рванулся, вставая, и упал, и снова рванулся.

Вот что-то шлепает по воде. Меня схватили, меня тянут за голову. Оторвут ее. Смешно — если без головы. Кто меня держит?

Ники, схватив, волок меня по камням.

...Очнулся. Около сидели собаки. Они смотрели на меня и молотили хвостами. Ники, растопырив щупальца и прикрыв меня, стрелял по налетающим каким-то черным полоскам.

Одна за другой в небе рвутся гранаты: блоп, блоп, блоп...

Несколько цветков, смятых и умерших, лежат рядом. Сердце мое едва бьется. И низко над землей, буд-

то титаническая медуза, наплывает скарп. Он загородил закатное небо.

Тимофей высунулся из него по пояс и кричал.

— Дурень! — кричал мне Тим. — Зачем тебя сюда понесло? Как я без тебя буду жить! Дурень! Сюда доктор приходит в маске!

4

Я лежал в постели. Под головой куча подушек.

Вокруг меня с вытянутыми рожам сидели колонисты. Они принесли мне вкусные вещи. Начальница — засахаренных мокриц. Механик — цветы из теста. Сладкие, пахнущие машинным маслом.

Врач — светящуюся наливку (ее выпил Тим).

Наконец разошлись.

Остался я, Тим и собаки.

Мы по-братски поделили и съели всех мокриц, все печенье и все цветы. Снова наша компания в сборе. Тим посмотрел на меня.

— Выкладывай-ка все, — приказал он. Я сказал о медузе, о работе моей памяти, о моей тоске. Выслушав, он зажмурился на минуту.

— Ты — грешник, — заговорил он, открывая глаза. — В чем твой грех? Ты не думаешь о других (обо мне, например), и тебе нужно величественное.

Но и не виновен... Многогрешен человек. Нападал на себя и на других. На животных, к примеру. Поработил их, то спасал, то губил. А ты знаешь, что стоит за спиной его поступков? Части его поступков? Твое желание быть мощным, желание Штарка творить, подобно природе. Проследи-ка историю... Человек вылез из воды. Затем мутация, эволюция мозга. С этого момента начинается его путь к Науке и Закону. Взять Штарка... Человек хочет быть персональным творцом мира и снисхождения не просит. Он, видите ли, не одобрил найденное здесь, он решил все делать по-своему, абсолютно

все. Уничтожить бывшее, сделать новое. Это и преступно, но это же и стремление к мощи. А твое преследование Штарка. Почему стал Аргусом именно ты? Это не случайность. Узнав о Штарке, ты бы пошел сам, но погиб, тебе сообща помогли Аргусы, ваше удивительное содружество слуг Справедливости. Сколько тысячелетий человек учился объединять все силы, это нашло выражение, в частности, и в Аргусах.

...Аргусы... Это, по-моему, свойство людей стремиться к справедливости, чтобы жить коллективно... Ты прости, я взволнован и говорю путано, но в тебе есть стремление к каре Зла.

Ну, я заболтался, я пошел. Спокойной ночи!

Тим ушел. Подземелье стихло. Вот гавкнула собака, вот пророкотал обвал, и все.

Тишина. Я лежал в холодной, свежей постели. У двери замер в виде спящего паука мой Ники. Светился его глаз.

Ум мой предельно ясен, черные орхи словно прополоскали мозг.

Мир снова раскрылся передо мной.

Я увидел глубины Космоса, ощутил движение земных пластов.

Я увидел дорожку света на звездчатом снегу Арктуса — ледяной планеты.

Но чу!.. Что это? Словно звон или шепот, неясные слова. О-о, я узнаю их.

Это вы, братья Аргусы, говорите со мной из глубин Космоса, вы не оставили меня одного. Спасибо!

И Аргусы говорили: «Мы преследуем Зло, и до тех пор, пока не исчезнут последние крупинцы его, ты пребудешь с нами. Ибо тот, кто победил Зло хоть раз, всегда с нами. Мы вместе, мы всегда с тобой, дар Аргуса в тебе».

...Я был счастлив. Из глубины подземелья я снова видел звезды, слышал топтание моута в болоте, звон роботов, бродивших в джунглях, шепот Дж. Гласса в лаборатории.

Письмо Т. М. Мохову

Дорогой коллега! Мы рассмотрели полученные от Вас материалы и приняли постановление. Оно будет изложено ниже. Сейчас же позвольте мне сказать несколько слов о тоне Ваших сообщений. Не думаю, чтобы в наше время на долю одного человека мог выпасть такой урожай открытий, поэтому призываю Вас с максимальным скептицизмом относиться к своим выводам. Помните, наука не имеет ничего общего с личным честолюбием. Признаю, что Вам повезло в, так сказать, пожинании ярких фактов. Для осмысления их нужны теоретики. Сообщаю Вам решение Всесовета:

1. Считаю необходимым направить на Люцифер комплексную экспедицию ученых всех профилей.

2. Объявить планету генетическим заказником.

3. Назначить Т. М. Мохова заместителем начальника экспедиции Т. М. Бэра-Михайлевича.

4. Учитывая особенное значение работы экспедиции, предоставить в распоряжение Т. М. Бэра-Михайлевича звездолет «Одиссей». Постскриптум: Вам будет приятно узнать, что Г. Краснов (Аргус-12) прошел курс лечения, спасен от отравления растительным токсином и включен в состав экспедиции. Он пользуется уважением коллег, их общей любовью и доверием.

По поручению XVII Отдела Всесовета

Т. М. Бэр-Михайлевич.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЛИКАЯ ОХОТА

ИСКАТЕЛЬ

(1-е предисловие составителя)

Спасительно размышление... Передавая Издателю собранные материалы, я спохватился, подумал... и решил предварить пояснением записки клана охотников — Коновых.

Описывая труды отдельных кланов в многовековой истории покорения космоса и прослеживая их направленную в столетиях работу (планетная инженерия, систематизация и т. д.), я и натолкнулся на записи Коновых.

Они были найдены мною в архивах Всесовета. Я пораился длительному замалчиванию донесения Конова-Искателя (отдел непроверенных донесений, полка 454567, гнездо КО 5241, кристалл № 2454567245679). А уже затем мною были затребованы кристаллы, переданные в архив Коновыми — Охотником и Изобретателем. Прошло немало времени. Я читал Конова совсем молодым человеком (46 лет), а возвратился к истории Коновых лет через шестьдесят.

Мною уже были закончены хроники клана Сафаровых-Музыкантов и клана Савиных-Целителей.

И тогда пришло время Коновых. Хотя и сказал мне Главный Архивариус Всесовета:

— Коновы?.. Эти под сомнением; помешались на по-

исках Первичного Ила. Учти, их никогда не принимали всерьез.

Возвращаюсь к донесению Конова-Искателя. Впервые человек (в лице Конова) обнаружил изначальное вещество жизни.

Я утверждаю: лишь особенные свойства гравитационных сил в том звездном секторе могли удержать планету вполне готовой к зарождению, но безжизненной.

Лишь гравикон смог укрыть ее поверхность от падения биологически активных аккреций и посещений звездолетов-роботов.

И только своеобразие физических условий планеты Фантомов помогло Изобретателю переделать ее в планету Великой Охоты (если верить его потомкам, мечтавшим воссоздать где-нибудь ту землю, на которой их предки охотились).

О планете Фантомов, как все называют ее, мы имеем записи разных людей клана: Изобретателя, Искателя, неукротимого Охотника. А также сообщения экспедиции «Надежды».

Коновы первыми столкнулись с планетой Фантомов. Они не просто открыли ее, изменили! Мы не всегда можем доверять им фактически, но эмоционально они правдивы: за свою правду они платили жизнью.

Воспроизведение их записей будет сопровождаться в нужных местах пояснениями и примечаниями.

Первыми я представляю записки Константина Д. Конова, Искателя. Его кристалл найден в ракетном зонде, он является единственным документом, проливающим тусклый свет на таинственную гибель экипажа «Нервы». В нем впервые упомянуты планета Фантомов и Первичный Ил.

«Звездолет «Нерва» 2256 года Земного летосчисления, 23 июля. 14 часов.

...Он стоит и ждет. Я знаю, он видит и слышит то,

что не дано видеть мне. Например, далекое тепловое излучение. Зато я могу приказывать. Как только мы развили скорость диссипации и оторвались от планеты, я разрушил блок запретов, и робот (серии 12 12/III) стал моей судьбой.

Он сделает все, что я прикажу. Пока что он не пускает ко мне Тех: его лучемер нацелен на дверь.

Трубы воздушного обмена я перекрыл.

О, я не глуп! Если те захотят усыпить меня, они не смогут впустить газ. А когда я кончу запись, робот откроет мне другую дверь. Ту, за которой космос с невыносимым горением звезд. Это мой приказ. И когда легкие мои лопнут, а я умру, он пустит ракету, маленький снаряд. (Я вложу в него кристалл.)

Итак, впереди шесть часов, у моей судьбы плоское полированное лицо. (Те все колотятся за дверью. У-у, проклятые! Ненавижу...)

...Надо спешить, нужно записать, иначе мне не поверят. Я сам не верю себе!

Итак, мечта всех Коновых осуществилась, я открыл Первичный Ил, нагнулся и поднял комок. Глина? Нет, странно тугая слизь. С нею я ушел на станцию (на планете, пока роботы чинили ракету, я жил на станции).

Я миновал шлюз и положил комок на стол. Разделся, и, когда жар ушел из тела (отопление скафандра опять разладилось), я опробовал на комке слизи действие электрического разряда, кислот, щелочей. Спектрография!.. Химический анализ!.. Да, оно живое по составу!.. Слизь может ожить, в ней все двадцать аминокислот.

Это действительно Первичный Ил (и конец моего пути Искателя). Теперь нужно узнать, на какую глубину пропитывает планету этот студень? Почему здесь нет вулканов? Гроз? Отчего так много закиси азота в воздухе — 70 процентов?

А Те?.. Что-то затихли... Однажды и я ломился к ним. Они только что выбрались из земли и вошли в ракету. Заперлись.

В скафандре я подбежал к ракете и ударил по ее костылю. Гул прошел по ракете. Затем я попытался высадить люк. Я бил молотом, и удары оставляли вмятины. Смирило меня такое соображение: «Ракета должна улететь, унести весть о находке...»

Да, ракета должна увезти все, что я собрал здесь, даже Тех, чего бы мне это ни стоило.

Опять стуки!.. Они работают?..

Подумать только, я здесь схожу с ума, а они стучат! Ничего, я еще скажу, кто они такие. Такими словами:

«Не я превратил мертвецов в живых людей, это сделал Первичный Ил. В горе я закопал убитых друзей. Хоронил, желая, чтобы они воскресли. А теперь я то рад, то страшусь, то хочу их истребить, то увезти. Откуда я знаю, кто они теперь? Они — это мои друзья?.. Не уверен».

О проклятая планета!.. Клеточные матрицы их тел, информация ДНК задали программу Первичному Илу... Как обрадуются ему все наши! Кончились их скитания!

...Я сижу в кресле и наблюдаю в иллюминатор. Во-первых, звезды: их на планете я не видел. Даже свет не мог пробить гравикокон.

Сколько горючего сожрала эта гравитационная западня! Но не зря я сидел на планете, не впустую работали мои роботы: мы поставили котел и вырабатывали плутоний. Затем шла другая реакция: пока амазоний не будет накоплен, мы не разорвем гравикокон.

А Те?.. Открыли люк и снова вышли в космос. Они заглядывают ко мне в иллюминатор, они стучатся, зовут.

С ума сойти! Неужели они так ничего и не поняли? Даже когда вылезали из рыжей грязи?

...Как это началось? Так — я положил лопату, с ненавистью разглядывал ржавую поверхность (еще не зная, что здесь Ил). Планета была до отвращения глад-

кой и ржавой. А друзья мои по долгому путешествию лежали. Грязь, что попала на их лица, была ржавого цвета.

Погибшие друзья... Я должен хоронить их. Все же земля. Роботы вынесли всех четверых. Теперь я готовился зарыть их.

Я копал — ржавого цвета Ил резался лопатой, как застывшее желе. Он истекал солоноватой влагой.

Плоть моих друзей войдет в это сусло и растворится в нем.

Я сел и смотрел на них.

Мы всегда были рядом, только на подходе к планете, к ее солнцу, вдруг вынырнувшему из черноты, я оказался в лаборатории, а они — в рубке. Ее-то и разбил осколок планеты, громадный камень.

Одно меня утешало — умерли они мгновенно. Но чего бы я только не дал, чтобы видеть их снова веселыми и бодрыми.

...Когда яма стала мне по плечо, я похоронил их и ушел к ракете: она стояла на перекошенных костылях, роботы с магнитами ползали по ней, занимаясь ремонтом.

Я приказал — роботы выволокли мне станцию и поставили в отдалении. Я вошел и без сил, в полном отчаянье, рухнул на пол и так лежал. Тоска!.. Я зажмурился, но лишь отчетливее видел края пробоины, солнце, планету.

Будьте вы прокляты, убийцы! И впервые я, профессиональный Искатель новых планет, почувствовал желание убить.

Я убил бы планету, если смог! Тогда, еще не зная о Первичном Иле.

Тоска... А роботы стучали. Если не удастся починить ракету, я умру на этой планете. Найти нас не смогут — радиосигналом из этой ловушки не пробиться, а мы не успели скинуть предупреждающий буй.

Я не знал еще, что ждет меня.

Я не знал, что случится здесь. Кроме одного: нужен

месяц работы атомного котла. Тогда я смогу пробить гравикокон, пустив в ход всю мощность звездолета, чтобы унести добытое знание.

...Я не познал еще сладкий, сжимающий сердце ужас. А незнание, если верить древним мудрецам,— основа человеческого счастья. Выходит, тогда я был счастлив.

...Меня даже не радовало открытие Первичного Ила. Хотя мы, Коновы, уже лет двести искали его для планетарных генетических работ. Но все же именно я, Конов, нашел Первичный Ил. Тот, что миллионы лет ждет семена жизни.

Все, все отрицали Первичный Ил, но мы, Коновы, предвидели эту находку.

Искали повсюду.

На любой ракете, уходившей в неисследованный сектор, был Конов — в любой должности, командор или повар.

Или, как я, Искатель.

...Так случилось, я ушел в лабораторию. Там прочитывал очередной кристалл моей карманной библиотеки: охота на львов. Но взревел аварийный сигнал, и меня бросило на переборки. Однако кресло успело схватить и удержать меня.

И тогда я увидел гравикокон.

Я видел то, что еще не было дано увидеть никому: из черноты медленно выходило солнце. Бронестекло было притемнено светофильтром, я увидел, что солнце выходит узким серпиком. А затем удар — ледовый экран распался, мы летели без защиты. Затем снова удар — осколок планеты...

Но автоматы уже выводили ракету на орбиту. Она вращалась вокруг солнца, пока я не пришел в себя. Тогда влез в скафандр и проковылял в рубку: зияла пробоина, свет проклятого солнца пробегал по стенам, а в креслах сидели четверо мертвых друзей.

Роботы сделали то, что полагалось делать согласно Инструкции при Встрече с Неизвестным Космическим Объектом. Они зарегистрировали эту солнечную систему, вдруг вынырнувшую из тьмы. Затем посадка...

Я надел кислородную маску и вышел искать место для могилы. Под ногами чавкала студенистая грязь.

Я шел по землистому киселю, не подозревая, что здесь, в гравитационной ловушке, скрыт девственно чистый Первичный Ил.

В нем я и похоронил друзей, в нем они ожили, нагнав на меня непреодолимый ужас.

Теперь они страшны мне, а меня считают безумным.

...Наконец-то звездолет порвал сеть гравитационных волн, мы в космосе. Те — живут!.. Я слежу за ними, всюду мной наставлены телекамеры.

Они — люди. Хотя я и видел их, вылезавших из земли (озирались, долго кашляли, обирая с себя липкую грязь).

Они живые, но я не верю им. Мне кажется, они лишь спрятали свою непонятную сущность, та в любой момент может проступить сквозь человеческую маску. Предположим, Ил взял информацию их тел. Но как он мог воссоздать память?.. Мозг?.. Нет, это фантомы.

...Есть и другой выход: ракетная шлюпка. Я могу сбежать от них. Но куда? Зачем? Пусть робот откроет люк — я выйду в космос как есть. Мы разминемся навсегда, я и экипаж звездолета. Они полетят на землю, я же — мертвым — поплыву в глубинах космоса.

...Они ломятся ко мне, они бьют в дверь, а я не решаюсь приказать роботу применить луч. Срочно готовлю ракету.

...Они вошли, прячусь в аварийном отсеке. Я закрыл отсек изнутри, но слышу их голоса: они зовут, окликают меня. Но теперь я точно знаю: у них чужие лица.

Пушу ракету сам — они блокировали робота».

Радиограмма: Всесовет — звездолет «Нерва». «В приступе депрессии хотел покончить жизнь самоубийством К. Д. Конов. Теперь он выздоравливает. Все переданное им просим не принимать всерьез. Он долго находился в неменяемом состоянии. Не верьте ему, не верьте! Мы люди, а не фантомы.

Даутри, командир.

Антон Подорыки, штурман.

Михаил Совский, Роберт Кукла (команда)».

Радиограмма: Всесовету — звездолет второго класса «Тайга». «Встречена дрейфующая без экипажа «Нерва». Судя по всему, покинута в спешке, перед взрывом двигательной установки. Спасательные шлюпки на своих местах, аварийный запас пищи и баллоны кислорода не тронуты. Командир Веселов».

Из письма Конова-Изобретателя: «Я думаю, мне нужно будет **обязательно принять** (подчеркнуто дважды) во внимание способность Первичного Ила к полнотерии, то есть созданию материальных фантомов».

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

(2-е предисловие составителя)

Есть семьи с направленным действием. Тому примером Музыканты и Целители. Иногда случается такое в Науке. Мы можем отметить способности, передаваемые по наследству: интуиция, особенности устройства слухового аппарата и т. д.

Или страсть. Пример — Коновы-Охотники.

Их клан связал свою деятельность с космосом. Он имел ряд качеств Охотников: хладнокровие, быструю сообразительность, твердую решимость, особенную зоркость. Поэтому они и добились успеха в поисках Первичного Ила.

Все мы приходим от Древних Охотников. Но Коновы вкладывали страсть к охоте во все. Коновы охотились за планетами, космическими тайнами, своей мечтой, преследуя Недостижимое, как редкостного зверя.

Они столкнулись с планетой Фантомов. Дальнейшая история их рода тесно увязалась с этой планетой.

Второе — в истории покорения космоса трудно что-либо понять, если мы не рассмотрим фигуру Изобретателя.

Ракету создал Изобретатель, генетические химеры — тоже (они-то и помогли человеку освоить планеты).

Говоря о Коновых, мы должны отметить существование в недрах клана не только Исследователей и Ученых, но Изобретателей.

На планету Фантомов попал Конов-Изобретатель. Он прочитал кристалл предка и осуществил мечту клана: воссоздал непонятным еще способом земную жизнь. Но особенную жизнь.

Чтобы Первичный Ил вступил в первую фазу эволюции (конечная есть создание мыслящего организма), он должен быть живым. То есть потреблять химические продукты, для пополнения энергии питаться.

Он должен дышать, удалять вредные продукты, образующиеся в результате химических превращений в организме, заниматься самовоспроизводством, расти, увеличивая не только объем, но и усложняя себя.

Он должен двигаться, это увеличивает возможности жить, чувствовать, реагировать и т. д.

Первичный Ил имел (в составе) цепи аминокислот. Ему не хватало нуклеиновых кислот и ферментов. Предполагаю, Изобретатель ввел в него матрицы, которые

стали формировать нуклеиновые кислоты и ферменты. Они-то и создавали организмы.

Но, быть может, было нужно только дать намек, зацепку Первичному Илу, насытить атмосферу кислородом. Тайны, тайны, тайны...

Возможно, Изобретатель расшевелил Первичный Ил, бросив в него генетические бомбы. Но тогда был нужен феноменально точный расчет.

Быть может, Изобретатель, в душе и охотник, и любитель зверей, создал планету Великой Охоты такой, чтобы охота (то есть звери) жила вечно. Он знал: охотники будут всегда — и для них создана им планета Охоты.

Он умер — остался сухой перечень работ по уточнению состава атмосферы, обнаружению громадного процента закиси азота и ксенона, державших Первичный Ил в состоянии ксеноно-азотистого наркоза. Первым его шагом было решение изменить атмосферу. А вот отрывок записи, показавший ход его мысли:

Земля времен Великой Охоты?..

...«Но это же потребует миллионы лет, организация жизни, подобной земной,— времен Великой Охоты. Придется использовать политерию и...»

Умер он внезапно, его кристаллы были переданы Всесовету. Потом нашелся еще один кристалл, письмо к матери:

«Мамочка, не беспокойся! Мне нужно побыть на планете не более года. Тогда я бы все успел (ты понимаешь что).

Когда мы ворвались в эти скрученные коконом грависилы, нас продирало с песочком. Я удивился, как удалось старому корыту предка вырваться отсюда. Затем ошеломляющее явление солнца из черноты.

Но я уверен, предок не врал. В сумке у меня были прихвачены нужные материалы. И мечта, гнавшая наш род к генетическому изобретательству, к восстановлению всего зверья Земли эпохи Великой Охоты (до

1900 года новой эры), близка к осуществлению: я на планете Фантомов.

Невиданная работа! На Земле делали пробы, выращивали в автоклавах зверей. Но не было материала, Первичного Ила, настолько изобильного, чтобы он включился в оборот веществ планеты. Жизнь — двойной процесс (и симбиоз). У меня еще идея, даже ты ее не знаешь.

До встречи! Целую ту щеку, которая моя, не Наташкина».

(3-е предисловие составителя)

Теперь лишь мы понимаем, что Конов-Изобретатель был гений. Он полностью попадал под определение — гений может сделать все, что захочет. Он создал вариант жизни на планете, но свой, коновский.

ОХОТНИК

Ладно! Начну! Взрывчатка взорвалась, а в яму вполз робот-зонд.

Я подождал немного, затем вошел в просверленный им туннель.

Земля дрожала под моими ногами, урчал зонд, пламя его светилось. А вокруг остекленная стена, потеки, лопающиеся пузыри, оплавленная порода.

Это опасно — так идти, но я шел. Скафандр повышенной защиты не облегчал моих движений. Потом робот взорвался.

Мы шли с ним вглубь — я дал задание сверлить не прямо, а наискосок — угол 30 градусов, — чтобы обойти скальные породы.

Но всюду был гранит, изрытый узкими ходами. Слово планету ели черви. Даже оплавленный, он не скрыл от меня эти ходы.

В них прорывалась магма. Она кипела, проявляла все признаки магматической жизни.

Мы шли... До ракетной иглы оставалось примерно километров пять, когда взорвался зонд. И пора, он хорошо поработал, я считал часы его работы, мимоходом взглядывая на циферблат.

Зонд взорвался — все дрогнуло вокруг. Пронесся огненный вихрь. Я упал от его удара и лежал на спине. Струи огня пронеслись, стало горячо ногам, а губы мои вздулись. (Пламя было синим, около тысячи четырехсот градусов.)

Роботы-гномы стали поднимать меня. Неприятнейшее ощущение! Их железные лапы... Они поднимали меня, а стенки туннеля пузырились и просачивались магмой. Шевелились. Подумалось о смерти — они сблизятся и замуруют меня.

Не боюсь! Я охотник и убил самую великолепную дичь в мире. Другой такой мне не найти, а жить без охоты я не могу.

Но туннель не сомкнулся, я спустился к зонду.

Бедняга! Сопла раскиданы взрывом, два из них впились в стену туннеля. Но охладитель еще работал.

Гномы повернули огневой щит, который нес зонд. Порода крошилась под ударами лучеметов, пары уходили по туннелю вверх. А вентиляторы гудели и гнали сюда воздух планеты. Дымы, принимавшие облики разных живых существ, чаще птиц, порхали в свете магмы и исчезали, уносились вверх. Наконец щит задвигался. Спины гномов отсвечивали красным. А игла?

Я отозвал Эрика: темнели его глаза, расположенные поверху короткого безголового туловища.

— Начинай пробивать окружность радиусом в три километра.

— Хорошо, — сказал он.

— Торопитесь!

— Породы полужидкие.

Я приказал и ушел. Поднимался вверх против твердого потока воздуха. Рядом ползли дымные волокна.

Я попытался поймать одно — не удалось! И мне хотелось знать, что я скажу всем тем, кто скоро будет здесь?

Я вышел — пустынно, желто. И дым из шахты валит тоже желтый. Поглядел на газовый анализатор — состав атмосферы быстро менялся. Газовая оболочка будто удалилась от планеты. Это походило на последние вздохи больного... Ил?.. Я нагнулся и взял ком глинистой слизи. Всегда он был приятный и упругий. Теперь же покорно мялся в руках.

Это уже глина. Скоро она высохнет и будет мертвой пылью. Зато я мог видеть мелкие отверстия, уходящие вглубь. Раз, два... Да их здесь миллионы! Но... живой он или мертвый?.. Я должен узнать это.

Я мял Ил, отрезал куски его. Унес на станцию. Ил размещал в пробирки.

Что же случилось, в конце концов? Что могла повредить ракетная игла? В тысячный раз я пробовал воздействовать электричеством, щелочами, кислотами — Ил не реагировал.

Быть может, он умер только здесь?

Но я слежу за датчиками, раскиданными по всей планете,— всюду то же самое.

Что еще? Новое землетрясение в южном секторе, пылевые бури на экваторе. Дальнейшее снижение кислорода приостановилось, зато так и прет закись азота.

Что там гномы?.. Ага, они подходят к игле, они уже рядом с ней, продвигают щит. Они зовут. Иду, иду! Я снова надеваю скафандр повышенной защиты. Словно рак-отшельник вползаю в его скорлупу.

Ну ладно, я стрелял и должен стрелять, пока есть хоть какая-нибудь дичь.

Я охотник, это в моих генах. Точно так же, как у Изобретателя был талант гениального инженера. Научиться можно всему, даже растить пшеницу и вести ракету, но страсть, талант... С ними рождаются.

Такая усталость... Нет, не пойду к гномам, пусть выкручиваются сами. Я разделся и сел в кресло.

В иллюминаторе темнело небо. Ночь?.. Так быстро?.. Я поглядел на часы и убедился, что пробыл под землей семьдесят два земных часа, двое здешних суток. А не заметил.

Что же дальше? А вот что: я не записывал, только наслаждался. Теперь нужно сделать запись и послать ее Всесовету. Там, конечно, поднимутся на дыбы — проворонить такую планету! И родичи мои взбесятся. Хорошо!

Да, в клане я паршивая овца, а всему виной моя страсть к охоте. Я преступил их — Коновых — закон, они признают эту страсть лишь у старшего в роду, ему передают права (и оружие, библиотеку).

Что делать?.. Возьму-ка ружье, заряджу его и выстрелю в сердце, глупое и страстное. Роботы похоронят меня. Я сольюсь с этой планетой, подарившей мне высшие радости.

Нет! Лучше не думать!

Я напрягся, пытаюсь сделать мозг тугим мертвым куском,— заболели надбровья. Теперь мозг действовал как плохонькая, разбитая ударом ЭВМ. Я установил связь с гномами, снова положил кусок Первичного Ила в анализатор. Тот же ответ, тысяча триста шестьдесят пятое подтверждение, что он мертвый.

А датчики?

Я ходил от прибора к прибору: мертво, мертво, мертво... Я убил, а виновата охота.

Любовь к ней у меня в крови. Охота!.. Когда я вспоминаю долгий ряд своих предков, то вижу их уходящими во тьму лесов (их звали странным словом «тайга»). Предки были русскими, они всегда охотились.

Примешалась к нам только кровь бабки Мод, саксонки с золотистыми волосами. Но руки ее предков тоже в звериной крови; они охотились в Африке, Индии, по всему свету.

И в душе бабки не умирало стремление к охоте. Именно из-за Мод нас изгнали с Цезарины. Мод сняла ружье со стены и прикончила одним выстрелом всем осточертевшего филартика, шатавшегося по окрестностям, нарушавшего покой, грабившего сады.

Я могу себе представить его перевоплощение в смерти! — из зверя в сплетение зеленых и желтых нитей, искривших электрическими разрядами.

Никто на свете не знал этого — до выстрела моей бабки. Кажалось, должны были сказать спасибо.

А что получилось?.. Филартика увезли в Институт, бабу и деда вышвырнули на Глан: убит запретный зверь!

Дед поселился в том месте, откуда хорошо был виден Гавриил Шаров, высеченный из целой горы каким-то сумасшедшим.

Великий астронавт смотрел на дом, на равнину, сам из красного выветривающегося песчаника.

Под его взглядом я бил фиглей из рогатки и мечтал быть великим охотником.

Да, руки мои в крови той дичи, что так скупно водилась на Глане. Этим они походили на сильные руки предков, бывших великими охотниками: один охотился на китов с ручным гарпуном. А другой?

Сначала он добывал слоновую кость, потом стал хранителем африканского заповедника. А если я поднимаю древнюю память (мучительнейшая процедура, рождающая тяжелые головные боли), то вижу других, на костре обжигавших концы копий, чтобы охотиться успешно, с упоением и сладостью.

Или погибнуть на охоте.

И уж конечно, я знал о мечте клана. Судьба же меня гнала в сторону от охоты. И хотя я вопил, что буду, буду, буду охотником и поеду на планету Фантомов, я кончил сельскохозяйственный институт. И если сейчас вы едите сытный хлеб, розовый и с немного странным вкусом, значит, в нем есть зерно так называемых «ша-

гающих» пшениц. Те, что слоняются всюду, где есть хоть крупинка жирной земли, а ко времени обмолота приходят обратно.

Я был счастлив только с ружьем в руках. Но охотились теперь лишь на вновь достигнутых планетах.

Кровь предков гоняла меня по диким планетам, пока я не попал на Маб и там не встретился с Сергеевым. Он был мне дальним родственником и врачом. Он знал решение и законы клана. И даже брался вывести страсть к охоте из меня простейшей операцией. Мы спорили, так как я не соглашался.

Это было неплохое время: Сергеев сидел у камина в том минимуме одежды, который разрешала носить жена. На его груди рыжая шерсть горела в отсветах камина. Надежда колдовала с кастрюлями, пытаюсь соорудить нам приличный ужин, я глядел на стену, которую Сергеев увешал древним оружием. У него было даже пулевое ружье!..

А потом Сергеев умер и завещал это ружье мне.

И тогда-то я доказал, что цепь охотников шла ко мне, что она замыкалась только мною, вспыльчивым, небрежно одетым агрономом, человеком с покатым лбом мечтателя, который нигде не приживался, не заводил семьи, мотаясь от одной пограничной планеты к другой.

Я добился, чтобы меня послали на планету Фантомов наблюдателем.

Трава — высокая — прикрывала зверя своей тенью. Но когда зверь двинулся, я удивился, что не заметил его. От травы была в нем только полосатость.

Тигр шел ко мне... Ближе, ближе... Я кричу, а на меня с дерева глядит обезьяна.

Это огромная белая обезьяна. Вокруг снег, шерсть обезьяны заледенела, волосы торчат козырьком над круглыми голубыми глазами.

Почему крадущегося тигра сменила эта обезьяна?

А вот я на каре повышенной проходимости. Прыжок через пропасть! Кар завис в прыжке, колеса его медленно вращаются. Впереди же белые, черные, рыжие ящерицы. Они образуют тесный, слитый боками узор.

Я бегу, бегу от них аллеей, усыпанной листьями, красными, бурными и желтыми, на меня глядит каменный космонавт Шаров, и варгус поднимает крылья, заслонив тучи. В моих руках ракетное тяжелое ружье. Я прищелкиваю к нему магазин, вскидываю — ствол его гнется.

— А-а-а!

— Ну, браток,— говорит, склоняясь ко мне, бортрадист, курносый Альберт.— И спишь же ты.

— Сплю?..

— Спишь ты слишком шумно.

Значит, сплю... Я прихожу в себя и определяю свое место. Теснота. Серые баллоны — это кислород. Подвесные койки. Откидной стол.

Я в тесной ракете, в каюте на двоих, куда пришлось всунуть третьего — меня. Остальное место в ракете занимает аппаратура в ящиках, роботы, которые со мной будут обследовать планету.

— Весь день спишь. Ужинать пора.

Звонят часы: «Ужин!»

И мы едим из хлебных стаканчиков морковное пюре и жареную котлету. Съедаем стаканчики и запиваем соком. Ребята теперь сыты и начинают бурно жалеть меня. Более жалостливых людей я еще не видел, им бы идти в похоронщики.

— Свинство посылать на такую планету одного человека!

— Я бы отказывался.

— Сам хотел.

— И глуп же ты, парень!

— Считаю, твоя жена вдова.

— Не увидишь детей!

Ни о чем другом они говорить не в состоянии: семья, жена, дети. Это работяги космоса, и словарь их прост.

— Нету там, парень, воздуха.

— Куда же делся?

— Был, да вышел,— смеются они.— Не было его, закись азота. Ну, в кресла — сейчас гравикокон.

Вот карта, которая дается только пилотам. Я вижу на ней очень ровную поверхность: рек нет и леса тоже. Карту делал мой предок — Изобретатель, она точная.

— По лощи там что-то вроде мелких болот,— вздыхает пилот.— Такие дела. Костыли увязнут, перерасходуетса горючее,— ворчит он.

Мне абсолютно плевать на огорчения пилота.

— Конов! Ты будешь третьим на планете, вон навигационный справочник, читай!

Лощия не врала — всюду топкие болотца с тонким слоем воды и студенистым илом. Кислород есть, но слишком много закиси азота. И до черта ксенона, гелия, криптона. Вот и станция Изобретателя. Чертов жец! Где здесь охота?

Мы разобрали ящики, и роботы встали, все. Вернее, стояло семеро, маленькие коренастые роботы-гномы.

А два робота, те лежали. Один был шар, его я должен пускать на аэростате, другой — зонд для бурения.

Дали мне небольшую ракету: пейзаж планеты обогатился.

Мы починили домик типа глубинной батисферы, стоящей на трех ногах. Затем пилоты жали мне руки.

Смущенные, они говорили, чтобы я не психовал, что каждый год поблизости будет проходить космический зонд и забирать собранную мною информацию. Если я заболею, он возьмет и меня.

Затем они (с облегчением) влезли в свою ракету. Люк захлопнулся, ракета ушла.

И лишь тогда я отчетливо понял, что обманут предком. С этим ничего не поделаешь. Поделом мне, слишком доверчивому!

Я стоял в мокроступах и легком скафандре. Мимо на тележке проехали роботы-гномы, ставить наблюдательные станции. Ладно, тогда работа! Я утыкаю планету датчиками.

Гномы, мчавшиеся на тележке в бурунах желтого ила и воды, вернуться через несколько дней. Другие станции я поставлю сам. Согласен, попался...

Следующие несколько недель я много работал, мотаясь по планете, и ставил датчики для наблюдений. И всюду видел одно и то же: Первичный Ил в глинистых ячейках, под тонкой пленкой соленой воды. Сделал анализы. Она как моя кровь, в ней все, кроме белых и красных кровяных телец. Ил тоже содержал полный набор аминокислот.

Отчего нет жизни на такой планете? Все здесь подготовлено к ее появлению.

Или споры жизни, что несутся во вселенной, задержал гравикокон? Конечно, охотиться здесь не придется. Но что мешает потренироваться в стрельбе?

Я взял ружье, обоймы, банки из лаборатории предка и долго стрелял навскидку.

Приятное занятие! Робот швыряет банку, и ракета уходит за ней, пускает легкий дымок. Взрыв! Банка с наклейкой (буква М) — вдребезги, все прокисшие от времени химикаты разлетаются к чертям!..

Одно меня огорчало: ракеты самонаводящиеся, и кто попал в цель, я или они, понять было мудрено. Я соорудил и стальной арбалет: были инструменты, станок, металлы... Я нарисовал на бумаге голову оленя и стрелял в нее.

Я поражал мишень, а робот бегал за моими стрелами и приносил их мне.

Как-то я обрабатывал дневные данные. И не поверил себе — кислород! А закись? Ее совсем мало.

Чудеса?.. Или мне врут приборы?..

Я надел скафандр и вышел. Ночь, дует ветер. Я обернулся от него и щелкнул зажигалкой. Помню, в день приезда я долго щелкал ею, но пламя не держалось. Сегодня фитиль горел. Я нашел в кармане бумагу и поджег ее — она сгорела весело и быстро.

Итак, кислорода двадцать процентов, как на Земле. Но маску снять я все же не решился и, входя в шлюз, выдул весь здешний воздух. Ну, спать, спать.

Я разделся и подошел к иллюминатору. Постучал в него (зачем?). И вдруг с той стороны к нему прислонилась рука. Она долго царапала бронестекло, затем стала манить меня пальцем. Или угрожать?

Я находился в самом дурацком положении — снаружи этот предмет, а здесь я — и волосы дыбом. Схожу с ума? Быть может, некий токсин (закись азота?) меняет химию моего мозга, внушая галлюцинации? Это легко проверить. Я включил наружный свет и выключил внутренний. И долго всматривался в иллюминатор. Ничего!

Выходит, галлюцинация...

Я нашел аптечку и список лекарств. Так, так, антигалл, номер тридцать девять. Я сжевал таблетку. Но спать мне не хотелось, и я съел недельный запас сладкого, чтобы напитать мозг. Затем лег, бормоча:

— Ничего нет.

Но что-то во мне ужасалось и ликовало.

Я не спал. Взошла луна. Красноватый свет скользнул по шторе. Слышались мерный плеск воды и шаги. Я выглянул в иллюминатор — ходит робот, берет пробы грунта.

Я задернул шторку и ухмыльнулся.

Утром я бросился к иллюминатору. Отдернул шторку и увидел ящера. Он рассматривал, не моргая, мою станцию. Затем стал чесаться о круглый домик: я схватился за стол. Почесавшись, ящер исчез.

Вот только что он был здесь, во всем безобразии, с чешуями и бородавками, и вдруг исчез.

Я попытался вспомнить подробнее, все припомнить, как встал и подбежал к иллюминатору. Для этого разделся и лег. Потянулся, сел в постели. Увидел свет в зашторенном иллюминаторе, подбежал.

Отдернув шторку, я опять увидел ящера, земного, из рода Нотос. Это переводится с греческого так — ублюдок. Туша тонн в двадцать весом. Огромнейшая пасть! Глаза выпученные!

О великий космос, у моей галлюцинации есть хвост, а кожа складчатая. На голове, боках и лапах роговые, цвета мозолей выступы.

Перед ящером папоротники, раковина и лежит чей-то костяк. И необычайно резкий, сухой рисунок всего. Словно это нарисовано тушью на бумаге. Еще похоже на старую гравюру. Да это ожившая гравюра! Та самая, что висела у меня в доме, когда впервые я узнавал о предках и мечтал охотиться даже на ящеров.

В конце концов я расстрелял ее из самодельного арбалета.

С наслаждением я всаживал стрелы в безобразнейшее существо. Затем мой отец, приверженец древних методов воспитания, выдрал меня ремнем. Я успел сунуть в штаны сложенное полотенце, и пятьдесят процентов стараний моего почтенного родителя пошли прахом. Да и он, подозреваю, не особенно старался.

Пермотрюас Нотос погиб... на бумаге и воскрес здесь (дом опять всколыхнулся). Я схватил ружье и выскочил в шлюз, из него наружу.

И... ничего!

Зато увидел под иллюминатором вздутые Ила, тугую выпученную массу, похожую на резиновую перчатку. Вспомнил, здесь я до крови оцарапал руку.

Это же рука — фантом!.. Да, сойти с ума здесь легко. А ящер?.. Я поискал и нашел следы в Иле. Тогда, озираясь, я стал пятиться к дому, пока не нащупал ногой ступеньку. Шагнул на нее.

Я поднялся задом, выставив ружье. Желтая равни-

на блестела водой. Кое-где выступали складчатые островки Ила. Где ящер?

Что-то коснулось моей спины — я вскрикнул и обернулся, чуть не нажав спуск. Но это была дверь станции, выпуклая стальная дверь. Такую и сто ящеров не выломают. Это хорошо.

...Весь день я сидел дома. Закрыв шторы и сидел. И хотелось мне говорить, посоветоваться. Но с кем? Одиночество... Человек будет искать друга. А одиночество планет? Чувствуют они его?

Да что это со мной? Я приписываю чувство каменному шару? Надо бы составить подробнейшую карту планеты. Вот будет работы! Вся дурь из головы повыскочит.

Ящер не приходил, и полгода я усердно работал: карта была составлена с самыми мелкими подробностями. Горы все же нашлись, небольшие базальтовые образования.

И был очень любопытен микрорельеф планеты.

Глубина илистых луж, заключенных в твердо-упругие, будто хрящевые, ячейки, всюду была одинакова — от десяти до тридцати сантиметров. Правда, иногда попадались глубокие колодцы, полные густой жижи. Достичь их дна было трудно. То ли колодцы были изогнуты, то ли полны Ила.

К сожалению, пока что другие исследования были всего лишь царапинами на поверхности явлений. Господствовали ветры западного направления, среднесуточная температура плюс 19, влажность 70—80 процентов, давление — 52! Освещенность 20 люменов.

Но что здесь делать охотнику?

Ура! Кончилось мое одиночество. Да здравствует Изобретатель!..

Однажды я сидел на лестнице (кислороду было достаточно, закиси немного, я ходил без маски).

Я грелся на солнце и с отвращением глядел на плоскую безжизненную равнину. Ах! Если бы охота! Я остался бы на этой планете вечно. И со злобой подумал о предке, сыгравшем со мною такую шутку.

Паршивое было настроение. Я прикидывал, когда закончу работу, если предельно ускорю ее.

Да, задерживаться на планете я не собирался.

Хватит! Баста! Из-за любви к охоте я влез в эту историю.

Я охотник с рождения и всегда мечтал об охоте. Мало оставалось книг на свете, не прочитанных мной, если их писали охотники.

Но охота кончалась — Землю пришлось делать зоосадом и спасать даже насекомых. Никто там не смел тронуть живую тварь.

Да, земная охота кончилась навсегда. Оставались лишь сладкая память да охотники, наши легенды, мечты...

А космос?.. Планеты типа Земля были редкостью, их называли Алмаз, Изумруд и т. д. А уж тронуть не позволялось ничего. Триксы и мазукары могли спокойно делать что хотят, а вы облизывались, глядя на них.

Охотились теперь лишь на диких планетах, на странных животных. Неприятных.

А ведь в охоте не только выстрел, не простое убийство зверя. В ней и любовь к нему. Человек родился охотником. Погоня за знанием — тоже охота.

Но Великая Охота, бывшая только на Земле, однажды ушла. А была как сон! Человек бил слонов, тигров, бизонов, китов... Я это знаю лучше других, мой род всегда бил родом Охотников.

Конечно, были и есть в нем паршивые овцы — ученые, путешественники, агрономы. Но взять прапрапрадеда: он плавал на парусных китобоях и ручным гарпунном бил китов. Такое счастье дано немногим.

Настоящая Великая Охота была только на Земле, и она не повторится. Мой клан это понимал. Поэтому он вел поиски Первичного Ила и землеподобной планеты.

Я — в мечтах — бродил со своими предками, бил слонов из ружей 600-го калибра, ударявших пулей так сильно, что атакующий слон даже садился на задние ноги.

Я предавался изящной охоте на болотных куликов, нырял в глубины океана и нашаривал острой таящихся в подводных расщелинах осьминогов.

Я крался к пасущимся дрофам, манил зимних голодных волков визгом поросенка и караулил бурых медведей, сосущих ночами овес; ходил на ягуара с ножом, обернув левую руку своей курткой.

...Было 19 часов. Близился закат. Дышалось легко. (К сладковатому привкусу здешнего воздуха я давно привык.)

Так помянем же Великую Охоту!

Я нашел заветную бутылку коньяка и выпил за охоту и предков, зверей и птиц. Вышел на крыльцо. Сел. По-видимому, я опьянел.

Во всяком случае, заговорил вслух, орал Илу, что мне опротивела эта рыжая слизь. Лучше жить в пустыне: барханы, зной...

И ахнул. Пустыня лежала предо мной! По ней ходили миражи, и даже торчала пальма. Бред какой-то.

Я встал и пошел к пальме. Впереди меня — по песку! — бежало животное. Собаковидное.

Шакал?.. Он самый. Зверь сел и начал чесаться. По-видимому, пустыня или что там еще (я лягнул песок) не спасает от блох.

Зверь чесался долго, постанывая от наслаждения. Вырванные когтями шерстинки падали на зернистый красноватый песок.

У пальмы заревел лев.

Его глухое, утробное рычание пронеслось над песком.

Лев рычал, а я ухмылялся: отличный бред! Но опомнился. Был ящер, теперь вот лев, а я без ружья.

И побежал за ружьем к станции, неуклюже загребая ногами, не понимая, отчего мне так неудобно бежать. Пока не догадался, что мешает песок.

Песок!.. С мелкими камешками!.. Нагретый солнцем!.. Я споткнулся и упал. От меня пробежала ящерица, узенькая и серая. А рядом с локтем пошевелилось то, что мне казалось галькой. Откуда здесь галька?

Она приподнялась. Над песком оказалась голова змеи, к тому же с рожками.

О великий космос, рогатая гадюка! Такие водились в африканских пустынях.

Змея потянула по песку тугое плетеное тело. И перед нею, наискосок от меня, пронеслась стайка кистехвостых тушканчиков. Крохотных. Желтых.

Они скакали торчком, на задних лапках, с быстротой низко пролетающих мелких птичек.

...Лев подошел к станции. Он ходил вокруг, нюхал и царапал стальную дверь. Бил ее лапой.

А с другой стороны двери сидел я — на полу и с пустой бутылкой в руке, пьяный в дым, с вставшими дыбом волосами.

Мы так и проснулись утром — я у двери, с тяжелым, затекшим телом. Лев спал с удобствами — лежал в песке, грива его растрепалась.

Но я проснулся раньше его, успел открыть дверь, увидеть и снова прикрыть ее: лев спал. Громадный... Цвет он имел не желтый, как я читал, а рыжеватый. Грива была черная и спутанная.

Я взял бластер и вышел.

Я гнал себя вперед по лестнице, а не мог оторваться от двери. Шагах в десяти от меня поднимался с песка лев. Вел он себя мирно — встряхнул шкуру, сел и зевнул, стукнув зубами. И заметил меня. Глаза... В них появились острые точки.

Он сидел — и вдруг красная вспышка. Лев прыгнул, летя прямо на меня. Как ракетный снаряд.

Я нажал спуск: удар бластера далеко осветил местность, а лев погас и упал на ступени, смяв нижнюю. Остыл песок через час (который понадобился мне на сходжение с пяти ступенек вниз). Я обошел горелую тушу льва, потрогал, растер в пальцах опаленные волосы и понюхал пепел. Лизнул его.

Будь я вполне трезв, я бы, наверное, сошел с ума и бегал по пескам, визжа, как ополоумевшая обезьяна (у которой случайно я убил детеныша и она свихнулась с горя).

Но с непробиваемым самодовольством пьяного я освидетельствовал останки льва и даже попытался раздавить каблуком чрезвычайно твердого скорпиона.

После чего прошел к оазису. С идиотской ухмылкой (так я и чувствовал ее лицом — идиотская!) я потрогал пальму и вымыл руки в родничке. Но пить из него не решился, ушел.

И вот, завтракая, сидя в обществе кружки чая и баночки тушеной свинины, я задумался. Что делать? Вокруг пустыня, я должен быть готов к приходу других львов. Они — дичь. Изничтожить их бластером свинство!

Итак, есть великолепная дичь и ружье, пулевое. Желательно иметь ружье с дробовыми зарядами на случай прилета разных птиц. Какие птицы жили в африканских пустынях?

Позавтракав, я занялся отливкой свинцовых пуль. Хотя и мог бы поручить это роботам. Но я их делал сам, весело присвистывая при этом. Плавил свинец, снимал пенки гари.

Я лил пули, не веря ни льву, ни пальме, ни себе.

К вечеру у меня было не только старое, но отлично сохраненное ружье предков, но и десяток зарядов к нему. И к вечеру же стая шакалов основательно обработала горелого льва. Даже череп разгрызли.

Затем пустыня исчезла. Ночью.

Так все произошло — набежали тучи, пошел дождь, казавшийся нескончаемым. В шорохе и плеске его зазвучали голоса и шаги. Чудилось — пролетали гуси, огромные их стаи. Затем мимо станции бежали какие-то крупные животные, должно быть, антилопы — оробы, еланды, топи, импалы, газели... Поревывали охотящиеся львы.

Затем остался только водяной плеск.

Я прислушивался, но не выходил. Сидел, перебирая кристаллы охотничьей библиотеки.

Меня интересовала пустыня. Пришлось свериться с геоландшафтами, просмотреть справочники, отвечать на вопросы возбужденного мозга.

Скрывать не буду, просмотрел и литературу о психозах. Но Панков, Вайс, Кумира молчали о материальных феноменах. Ничего? Так, так... И до самого конца я не мог отместить соображение, что все охоты — моя роскошная галлюцинация. Такая превосходная, что я видел в ней и льва, и кости его, даже песчинки.

...Утром я снова увидел Ил да лужи. Охотничий мираж окончился. Пошли пустые дни — один за другим, но я ждал — каждую минуту — нового чуда.

Всю ночь меня баюкал плеск воды. Гудел отопитель, струя теплого воздуха колыхала занавеску и шуршала бумагами, разложенными на столе. Потому мне снились мыши, занимающиеся своими ночными делами. Как только сон отпустил меня, я рванулся к двери.

Открыл и скис — все мокрое, желтое, прежнее. Следующую ночь я опять плохо спал и услышал плеск. На этот раз я победил сон: сел и долго сидел в постели, медленно приходя в себя. Затем встал, выпил стакан воды. И окончательно проснулся.

Теперь уже ясно услышал тяжелый плеск, шедший отовсюду. Казалось, что дом плывет прямо по морю. Держа руки под мышками (было свежо), я подошел к иллюминатору.

Сдвинул занавеску и увидел отражение комнаты в

полированном стекле. Оно, затемненное снаружи ночью, стало скверным черным зеркалом. Чтобы увидеть то, что снаружи, нужно выключить мой свет.

Но... я боялся выключать его. Тогда случится плохое. А плохого я себе еще не хотел.

Ну, посмотрим!.. Я выключил свет и одновременно нажал на кнопку прожектора. Подпрыгнул — станция стояла на берегу моря.

Угловатая луна неровно освещала скалы или что там было на самом деле. Вода беспокойная. По ней пробегает лунная дорожка. Вокруг синеватой луны, висящей над морем, резко вычерчен галлос. Ровно, будто циркулем.

Лунный свет блестел на каменных гранях, омываемых водой, настолько правдоподобно, что я вышел (на случай неожиданности прихватив бластер, теперь всегда висевший у двери). Я стоял в дверях шлюза: ничего не менялось. Плескалась вода, что-то беловатое карабкалось на третью от дома скалу.

Море дышало холодом. По воде плыли льдины.

Волна подходила близко к станции, даже заплескивалась на ступени. Потрогав их, я мог вполне убедиться, что это вода, и к тому же ледяная вода.

Вот, замерз до крупной дрожи.

Это северное холодное море. На таком охотились мои предки, охотники-поморы. Они били тюленей.

И тут лишь я ощутил, как сильно замерз. Ух, холодно! Или кажется?.. Посветил фонариком на термометр — плюс десять.

Я сходил за стаканом, бегом вернулся и зачерпнул воду. Унес к себе, поставил на стол и сел в кресло.

Подумать только — море! Я принял таблетку, выглянул — море оставалось. И ветер, и сырой холод. Даже пришлось усилить подогрев станции.

...Утром я нашел в стакане морскую воду, а показания термометра записанными на ленту. Но вот моря не было, а только желтый Ил, как всегда.

Следующей ночью плыли айсберги, и толпа пингвинов, крича, слонялась возле станции.

Тогда я пустил спутник, то есть роботы его запустили.

Он обошел планету и показал странное — море было только около станции, имело радиус семьдесят километров. Но как понять такой феномен — сброшенный мною буй-эхолот показал глубину в пятьсот метров?

После еще одной смены (было однажды тропическое море в бурю) планета выбрала определенный режим: утром я нашел северное море со скалами и островками, надолго обосновавшееся около станции.

Пингвины исчезли. Туда-сюда летали чайки, белые и розовые, а к воде подбегали звери породы собаковых по названию голубые песцы.

Они ели дохлую рыбу, выброшенную волной на берег.

Я взял одну такую рыбину, унес и определил ее по справочнику. Это была мойва. А галька-то на берегу вся обкатанная, и море серое. Пахнет оно водорослями.

Вскоре явились киты. Они со свистом дышали, фыркавая, выпускали водяной пар. Киты! Ну если это бред, то прекрасный бред.

...Китов было несколько: бухта им понравилась, они ныряли за какой-то китячьей пищей, играли. Я же сплел лески и устроил себе замечательную рыбалку на донные удочки. На приманку я употребил дохлую рыбу, валившуюся на берегу.

Клевала треска, сильная, бодрая, стройная рыба, при подсечке выскакивающая из воды как бы в слое жидкого стекла. Я наловил много. Но есть не решился.

Море... Теперь часто я сидел у воды: волна набегала и уходила, помогая мечтать. Плескались киты. Я глядел на них. Не скоро я пришел к убеждению, что надо построить судно, что-нибудь вроде струга с квадратным парусом, чтобы, плавая на нем, получить дополнительное удовольствие от моря, рыб, чаек, китов.

И много позднее мне пришла идея об охоте на китов: долго я не мог думать о них как о добыче. Не смел.

Да и к чему мне кит? Охотник не просто охотится, он преследует нужную добычу.

Кит?.. Что с ним делать?.. Есть его?..

Но почему, спрашивается, мне попадалась именно та дичь, за которой гонялись мои предки? Изобретатель... Что он такое сделал с планетой?

Потом, когда было слишком поздно, планетологи предположили, что Изобретателем планета была сделана живой насквозь, что он связал все процессы, шедшие и в плазменных озерцах, и в глубинах шара. Связал, внося во все нашу родовую память. Но как?.. Сильны Коновы! Ничего не скажешь...

У меня образовалась превосходная коллекция ружей. Благо были и металл, и отличные помощники.

Бывало, изобрету что-нибудь для определенной охоты, разработаю конструкцию, дам заказ — вечером! — утром нахожу готовое оружие.

Ну, здесь все понятно. А вот что мне хотелось бы знать: откуда брались охотничьи собаки?

И еще — отчего я не пугался фантомов? Как предок?

Мне полагалось испугаться и дать сигнал Всесовету.

Или я доверился работе Изобретателя? Он ведь Конов, он не мог сделать вредное человеку.

...Любимым ружьем в конце концов стала бескурковка двадцать восьмого калибра. Смешно это звучит — двадцать восьмой калибр!

Предки-оружейники додумались делить фунт свинца на двадцать восемь частей. Из каждой они делали круглую пулю диаметром 14,8 миллиметра. Это и было калибром ружейного ствола.

Отличное ружьецо! Я бил из него бекасов влет и без промаха.

Придумывал это ружье я сам, следуя внешнему

образцу по фото, на котором один мой предок снят с таким ружьем.

Предок, гласило семейное предание, успешно сочетал два тонких занятия — охоту и хирургию. Но его погубило пристрастие к оружию малого калибра: он охотился на кабана и ранил его. А пуля-то была мала. И траурная фотография (предок с ружьем в руках) повисла на стене, врезанная в натуральную деревянную подставку.

А теперь о бекасах... Когда морю вздумалось стать мелким болотом, поросшим осокой, камышом и пушицей, на нем изобильно расселась некрупная птица: дупеля, гаршнепы, бекасы.

Те самые, что летали (на Земле) с огромнейшей быстротой и к тому же зигзагами. И рассчитать встречу 25 граммов дроби, летящей со скоростью 300 метров в секунду, с вертлявой птицей было трудно.

Поразившим меня открытием была красота болот. Они, травяные и мелкие, были фантастично хороши.

Я бродил в их мелкой теплой воде, держа ружье на изготовку, отодвинув его от себя, чтобы стрелять немедленно.

Плескалась вода, шуршала осока. В душе тлела топочка, горячий уголек, надежда подстрелить бекаса. Убитый, он исчезал, стоило мне отвернуться. Это делало охоту радостной.

И ружье теряло вес. Оно было такое удобное (уж и повозились гномы с прикладом), будто мы с ним и родились и выросли вместе.

На стволы его гномы пустили сталь-нержавейку, расплавив запасной костыль станции; колодку ружья сделали из металла помягче. Приклад был пистолетного типа, отделан под дерево, спусковой курок один на оба ствола.

Я сделал запас нитроклетчатки и дроби.

На другие охоты я брал иное ружье. Постепенно у меня появились сети, два арбалета и даже лук со стре-

лами. Было шесть дробовиков, один восьмого калибра, с резиновым наплечником.

Тяжелое, мощное ружье. Оно подымало заряд дробы в 67 граммов. Из него я бил гусей. Но после того как планета (или что там, не знаю) пошутила надо мной, я стал делать все оружие с обязательным ракетным стволом.

Скажем так — два ствола дробовых, а в третьем — ракета.

Шутка была такого рода — я разнежился на утиной охоте.

Это приятно — стрелять влет уток, крикв и чирят. Страсть моя, сытая, нежилась, а телу была приятна усталость охоты. Мозг дремал.

В блеске солнца я заметил нечто округлое и большое, лежавшее на воде, среди камышей. Гусь?.. Подстрелю! (Голова моя была полна птицами.) Но поднялся из воды плеозавр — шея словно колонна!

Если бы охотники каменели от испуга, записок моих не было бы. Я думаю, у прапрадеда, бывшего слонов из ружья калибра 600, было немало возможностей окаменеть и быть растоптанным.

Он убежал.

Я не сразу понял, что произошло и отчего я полетел кувыркком, а затем побежал. И лишь около дома увидел — оторвана пола охотничьей куртки, кожа висела треугольными лоскутами. Понял — ящер меня чуть-чуть не поймал. По-видимому, хватая, он так неловко ударил меня носом, что придал мне ускорение.

Ящер на болоте? Вот это дичь!

Я схватил ракетное ружье и примчался обратно. Но либо спугал место, либо чудище исчезло.

Я просидел весь вечер на болоте, ожидая явления зверя, и не дождался его.

А такой случай: погнавшийся за мной кабан-боро-

давочник вдруг стал черным носорогом, полным желания растоптать меня. И снова я принимал все как чудо... опасное чудо, сотворенное моим предком и Первичным Илом.

Предок... Он любил пошутить. Пшеницы, бродящие повсюду, выведены им еще в юности. Мы их только совершенствовали.

Убитые птицы падали. Я не брал их — так быстро они становились слизистыми комками. Я даже старался не думать, откуда явилась ко мне собака, о которой я мечтал, черный пойнтер высокой крови.

Но он встал передо мной в стойке по бекасу. Замер. И блестяще отработал его.

Не знаю, где ночевала, что ела собака-фантом. По утрам она встречала меня и вечером провожала в дом помахиваньем хвоста.

Она походила на черного пойнтера моего отца. И если бы я сам не хоронил Цезаря, то думал бы, что это он. Когда же я стал охотиться в лесу, явилась шумливая стая такс, фокстерьеров и гончих.

Иногда я подглядывал за ними. Глядел долго. И смутно мне было, а в душе поднималась тяжелая, как ящер, злоба.

Я смотрел... и ненавидел это, мне абсолютно непонятное. И хотелось ударить его, обидеть, чтобы и Оно, Непонятное, чувствовало и знало меня.

В последнюю Великую Земную Войну один мой предок попал в плен. Он бежал и сражался в чужих землях с той же странной и непонятной силой — фашизмом, — с которой воевала моя страна.

Но кончилась война. И предок вернулся.

Почему-то пришлось ему возвращаться на родину медленным кружным путем. Я думаю, потянула его таким путем охота.

Он добывал ею средства к жизни (древние были

времена!). Семейная легенда донесла, что был он ловцом кайманов в Бразилии, охотился с сетями за ящерами острова Комодо, ловил рыбу-латимерию для музеев и добывал тропических рыбок, которых в те времена принуждения многие держали в аквариумах.

Я делал то же самое. В лодке моей лежали приспособления. Фонарь, чтобы высветить глаза таящихся в воде кайманов, сачок для рыбок: аквариум занимал половину станции.

Я перестал бояться здешней ночи.

Лодку мою по воде гнал робот-гном (другому полагалось защищать меня).

Робот ловко работал веслом. Я же опускал руку в воду, теплую и густую. Не верилось, что под нами всего несколько сантиметров глубины. Часто с каким-то вызовом я опускал весло и не доставал дна. Было ощущение, что некая упругая сила сгибает весло.

Но блеснули огни глаз каймана! Я давал знак роботу и готовился к прыжку в воду. И мне было уже все равно, ухвачу я каймана длиной в полтора метра или ящера в пятнадцать.

Кстати, о ящерах... Неужели родовая память хранит их в себе?.. Разве мы, Коновы, были их современниками?.. Или где-то ящеры еще долго жили после общего вымирания на Земле.

...Днем я нырял в море (акваланг сделал сам). Плавал с гарпунным ружьем. Иногда акула выгоняла меня из воды. Я отталкивал ее стволом, так и не рискуя подпустить к себе.

Но долго я не решался охотиться за китами, очень долго. На тигра хаживал, слонов бил, а китов не трогал.

И был счастлив. Если бы мне сказали: «Конов! Умри мучительной смертью путем медленного сжигания, и ты попадешь в такой рай», я бы завопил: «Жгите!»

Чудное житье! Охота утром, днем, в снах. Нескончаемая охота: были снова львы, желтого цвета велика-

ны (черногривых я больше не видел), ходили туры, быки южнорусских степей.

Всякое было. Однажды что-то шелкнуло в незримом механизме, и на меня кинулся муравей ростом с большую собаку, тарантул гнался за мной, огромный.

Не забыть мне мерцание его глаз!

...Несколько недель подряд планета производила муравьев. Робот, облетев планету, показал ее всю, покрытую насекомыми — громадными муравьями и термитами, потом странной помесью их. И вдруг мне померещилось лицо Изобретателя — покаты́й лоб, усмешливые глаза, редкая борода.

Я мог бы охотиться на китов современным методом. Так и подмывало употребить самонаводящуюся торпеду или ракетный гарпун. Я даже сделал механизм и взорвал медлительно проплывающую акулу. Белую, полярную.

Это было эффектно и громко. Я смоделировал все стадии охоты на кита с торпедой и... отложил ее. Мне хотелось плыть самому, в лодке. Гномы вполне могли выйти на охоту со мной. Они и будут гребцами.

Но где счастливые перемигивания? Общий вздох ужаса, когда кит рядом и, бесконечный, скользит мимо лодки?.. Нет, охота на кита не для одного человека. Нужны люди. Где остальные Коновы? Почему не летят сюда? Чего ждут?

И, приготовив все для охоты, я отказался от нее. От чего-то меня схватила тоска. Лютая.

Волны тоски снова шли и шли. Однажды я оставил забытым на ночь кристалл (ему диктовал очередное донесение моих датчиков).

Утром прослушал его.

Оказалось, ночью, сонный, я вел диспут с Коновым-

Изобретателем. Темы? Одиночество, человек, вселенная, Первичный Ил...

В диспуте я был слишком болтлив. Это мне не понравилось.

Пришли осенние дни, грустные, тихие. Щелкая черенками, падали с берез листья. Всюду бегали зайцы, беляки, русаки, даже песчаные толаи.

Роскошные лисы гоняли их.

Я устроил охоту на лис. Сначала мудрил над чем-то вроде механической лошади, не гоняться же за лисами на вездеходе.

Я проникал в строение лошадиного тела (скелет, мышцы, нервы), пока не убедился — не выйдет! Скакать мне на палочке верхом! Отлично! Тогда на ракетной палочке.

Я соорудил одну и крепко ушибся, налетев на станцию. Врезался, можно сказать.

Отлеживаясь, я думал о лошади, мечтал о лошади, видел сны о лошадях. И прибежала лошадь-фантом каурой масти.

Она встала, мотая головой и всхрапывая, у двери станции.

Отличная лошадь! Я любовался ею (а в сердце была тоскливая, ноющая жуть).

Седла мне пришлось изобретать самому, зато послушание фантома было отменным. И после нескольких пробных охот на зайцев с нагайкой (догнав, я убивал зайцев ударом) взялся за лис.

Охотился целыми днями.

Однажды свора гончих с ревом гнала лису. Я скакал зади, не зная, что ждет меня. Не станет ли моя лошадь динозавром?.. кенгуру?.. птицей?..

Но пришел азарт: лиса бежала, гончие летели, я орал и блаженствовал. Хорошо!

И вдруг на крики мои со всех сторон повыскакива-

ли всадники — все на каурых конях, все я сам: те же куртки, шапки, сапоги.

Я окостенел, впелся в гриву. Страшно!.. Мгновение — и я уже не знал, где и кто я сам. Но охота продолжилась — с дьявольской решительностью.

Мы неслись за лисой через овраги, сквозь редкий лес. Гончие ревели дикую песню погони, а впереди них, словно огонек, парила лисица. Я начал отставать. И вдруг что-то замедлилось в стремительном накате лошадей. Я видел — всадники красиво плыли среди желтых берез, а те приподнялись, как мираж в знойный полдень, и под каждой было ее отражение.

Словно дерево стояло в луже. И тут же все исчезло — звери, люди, собаки (и моя лошадь).

Я упал в грязь. И был один на желтой равнине. Один... Проклятие!

Мне хотелось кататься, бить кулаками, кричать обидное. Я прибежал на станцию, схватил ракетное ружье и расстрелял обойму в мокрую желтизну.

Я был готов ударить по ней чем угодно, чтобы желтой равнине стало больно, как и мне! Потом долго не выходил из станции и даже в иллюминатор не смотрел.

На этот раз было северное тусклое море, синее у горизонта. Дул ветер, бежали к берегу волны с барашками.

А среди камней возился и что-то делал я сам — один, второй... Фантомы!.. Все!.. Не страшно.

Я подошел к ним и спросил, коего черта они здесь делают?

Не отвечая, они готовили лодку к охоте. Лишь один махнул рукой на воду — там сопели киты, блаженно кормясь. Они пускали вверх столбы-фонтаны. Бедняги, толстые увальни! Их так быстро перебили на Земле.

Один близко подошел к берегу, он распахнул пластичатый рот. И вдруг дыхла его расширились и за-

блестели, он пустил вверх столб воды, смешанной с паром дыхания.

Фонтан обрушился на меня. Душный, пропахший рыбой.

Я выскочил из-под этого мерзкого душа, а фантомы смеялись. Как один они смотрели на меня. Указывая пальцами, хохотали.

Позади них было хмурое небо и скалы.

И одно мое «я» вдруг высоко подняло гарпун. Огромный! Его мне давно сделали роботы. К концу гарпуна привинчена заостренная тяжелая граната.

Значит, охота? На кита?.. Не испугаюсь! Я влез в лодку, и мы отошли от берега. Ветер вздул мою рубашку, и я поежился. Холодно.

Я взял весло и стал греться усиленной греблей.

Мы налегли на весла, и крепко налегли — вместе.

Но почему я готовил двенадцать пар весел?.. А, не все ли равно в конце концов! Набегали волны. Наяву?.. Во сне?..

Киты неторопливо отходили от берега, поплескивая хвостами. Их была здесь семья — папаша и очень толстая мама с коротким толстым китенком. Они плыли, то скрываясь в воде, то появляясь. Вода, журча, стекала с усов, с шипеньем взлетали фонтаны.

Ладно! Я буду на вас охотиться, как мой предок. Я убрал гранату и привинтил наконечник. И кто-то из команды аккуратно сложил трос — круглой бухтой — на носу лодки.

Мы шли к китам. Ближе и ближе... Вот они, рядом с лодкой! Кит-отец нырнул и стал всплывать. Моя команда подняла весла вверх. Глядели на меня.

Я встал с гарпуном. Не такой уж я силяч, чтобы метнуть его. Но гарпун сделан из титана, он немного весит.

Кит всплывал. Вот он как тень, вот округлилась спина. Растолкав воду, она близилась к лодке.

Я кинул гарпун. Он как-то слишком уж легко и мяг-

ко вошел в широченную спину. Впился с легким и странным треском, будто проткнув материал.

Кит плеснулся и пошел вон из бухты. Брызги и водяная пена летели от хвоста в стороны.

Попался! Мы напряженно молчали: гарпун попал неудачно, в легкое, а не в сердце — фонтан окрашен кровью. Трос разматывался, бежал в воду. Он задел и обжег мне руку. Мы были на привязи у кита. А станция?.. Она — белая точка.

...Кит не уставал. Мы связали тросы и вытравили их, чтобы, ныряя, он не утянул нас на дно. «Как же так? — думалось мне. — Здесь от силы по колено, а кит ныряет?»

Ветер поднимал гребни и бросал в нас брызги. Мне было жарко и в одной рубашке. Моя команда... Когда я осторожно косился на них, то видел мертвенность в лицах. Она-то и пугала Исследователя. Но когда я передавал им что-нибудь или случайно задевал, то натывался на живую, теплую руку. А что там кит?.. Он не хочет быть добычей?.. Я пришел в ярость. Ругая гребцов, заставлял их подогнать лодку ближе, еще ближе. Опасность? Пускай!

— Второй гарпун!..

В конце концов мне удалось кинуть запасной гарпун. Удачно: кит лег на воде. Он умирал, надо ему помочь.

Лодка подошла к киту. Мне подали длинное копьё, и я пытался нащупать им бьющееся огромное сердце кита.

Я втыкал копьё за грудным плавником, глубже, глубже: оно вздрогнуло в руках, кит ударил хвостом и умер. Все, кончилось...

— Ура! Наш!

Я вопил от радости:

— Убил кита!.. Уби-ил кита!..

Лодка кружила вокруг кита — мы торжествовали. Затем мы привязались к нему и, гребя, потянули к бе-

регу. Но к крови, что широко расходилась в воде, приплыли касатки. Их спинные плавники, поднимаясь в мой рост, прорезали воду.

Огромные!.. Вот одна — черная, блестящая — на мгновение высунулась. Она оперлась на грудные плавники, посмотрела на нас и нырнула.

Их стая напала на кита. Сначала они вырвали его свесившийся в воду серый язык.

Затем стали рвать его тело. Мою добычу? Проклятые!.. Ружье мне! Но его нет в лодке. Я проклял себя, свою забывчивость.

Лодка закачалась — подошли другие касатки.

Я приказал перерубить трос, и мы отошли в сторону. Долго смотрели в кипение воды вокруг кита. Он же медленно тонул, уходил в воду.

Затем набежали мелкие акулы, и все исчезло.

...Когда мы вытащили лодку на берег, был вечер, красный к завтрашнему ветреному дню. Те разгрузили лодку, понимая друг друга без слов, я ушел на станцию. Я смотрел в иллюминатор на людей. Долго, пока не пришла беззвездная ночь.

В ночи они и исчезли. Бесследно. Хорошо сделали — мне было тяжело с ними, убийственно тяжело.

Всему бывает конец, счастью тоже. Ракетный зонд пришел и, ходя на орбите, взял собранную информацию. Мне передал радиограмму. Я прочитал ее несколько раз подряд: она ошеломляла.

«Всесовет — Конову. Ожидайте «Надежду», класс А супер. Посадочный вес десять тысяч тонн. Готовьте посадочную площадку, прибывает комплексная экспедиция. Прилет ожидайте в июле месяце земного календаря».

Экспедиция! Ее-то мне и не хватало!

Ракета несет не экспедицию — мое наказание. Я уже не смогу быть один с планетой. (Хороший охотник —

одинокий.) А планета?.. Не изменит ли мне? Так я все возьму у нее, все, есть еще девяносто дней.

Моих дней, черт побери!

И началась сумасшедшая охота. Я даже ловил варанов, стрелял голубей и дроздов.

И ничего не успел.

Я не поохотился за птицами-агами, гоня их верхом на лошади и кидая лассо.

Не побывал траппером, не ставил ловушки и капканы. Не ловил пернатую мелочь на птичий клей, не бил тропических бабочек из водоструйного ружья.

Мне не пришлось охотиться на куликов-турухтанов и сходить с рогатиной на бурого медведя.

Хуже! Я не охотился на исполинского оленя, и лохматый мамонт так и не стал моей добычей. Даже белого медведя не убил. Не успел — так быстры дни.

Миллионы упущенных охот! Навсегда, невозвратно потерянных мною. Допускаю, что поохотился я здесь так, как не снилось самому древнему и удачливому предку. Но и терял я больше их всех, вместе взятых.

Я не отдам планету! В конце концов Великую Охоту возродил здесь Конов, мой предок.

Она — мое наследие.

Что же делать? Что сделать? И мне пришла мысль, непостижимо простая. Она пришла, и я наскоро прощупал этот удивительный спокойный шар.

Поразительная картина! Все его силы, все напряжения — коры, напор магмы, движения ядра — сбалансированы.

Магма была на глубине 1—5 километров. Первичный Ил уходил на глубину двадцати метров. Он лежал на граните, имея хрящеватое основание с включением разного рода конкреций, в основном состоящих из кремне-

зема. Но было много железистых и марганцевых конкреций. Мысль же была такая — все охоты, все звери — в планете, в густом Иле. Убей его — и поохотишься сразу на всех зверей (испытать следует и горечь всех возможных охот).

Так, так, силы планеты сбалансированы? Отлично! А если баланс нарушить? Дать толчок одной из сил — напряжению магмы?.. Баланс пойдет прахом. А двум силам!.. Трем!..

Вот что сделаю — ударю по гранитам, что держат магму. Что будет? А вот что будет — сейсмическая волна пробежит под всей поверхностью и встряхнет Первичный Ил, он перемешается и... сдохнет.

Затем надо прорвать гранитный слой и влить энергию в полусонную магму. Она взиграет, начнутся извержения и так далее.

Я это сделаю — пока «Надежда» далеко. Я обману их всех!

И два месяца атомный котел буквально кипел.

Все это время гномы делали мне ракетную иглу — конусный снаряд длиной в пятнадцать метров. В сверкающее жало я вложил плутоний, в расширенный конец — запасной двигатель.

И поднял снаряд на ракете вверх, на орбиту.

Я долго ходил вокруг планеты, сверял координаты. («Надежда» приближалась, неделя-вторая, и она будет здесь.)

Я не решался пускать снаряд: там мои охоты. Все!.. Но сверху планета представлялась мне простым диском без неровностей. Она стала безликой. Но все во мне плакало, словно я убивал собаку!

Я выстрелил и прильнул к иллюминатору.

Ждал долго. Лишь на другой день увидел — Ил подернулся рябью. Пятна пробегали по нему, окраска Ила быстро менялась от полюсов к экватору. Приземлился.

Шел к станции уже по мертвому Илу. Подошел и увидел съезженные фигуры, еще хранившие форму моих собак. Вот Цезарь, гончие... Бедные! Они пришли ко мне, ждали меня, хотели охотиться.

Я потрогал их — растеклись. Это потрясло меня.

Пусть теперь берут планету, пусть! Не нужна мне она. я убил ее... Убил?.. Великий космос, я убил...

Я заплакал. Потом кинулся вытаскивать проклятую иглу, но даже гномы не смогли вынуть ее.

...Еще шесть месяцев я провел на планете: мой вопрос разбирался на Всесовете. Были даны показания. Затем ледяной мир Арктуса и работа в глубинном руднике — по просьбе всех Коновых (и моей тоже).

Но человек живет всюду. На Арктусе я женился, там родились мои дети, они считают его своей родиной. Любят, кажется...

Как это ни странно, я не умер, а живу, как все на Арктусе. И мне кажется сном все, что было на планете Последней Великой Охоты. Я даже не верю себе. Был сон. Тогда выхожу на поверхность этой промерзшей насквозь планеты. Звезды в небе, звезды во льдах. Они бросают в меня колючие лучи, а пар дыхания туманит окошко скафандра.

Пусто, морозно... Как в моей душе. Затем я иду, иду, иду, по снегу. Иду, проклятый самим собой. Но все же, черт возьми, я самый великий охотник из всех Коновых и всех людей. Кто еще убивал такую крупную дичь?

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

(Послесловие составителя)

Из-за нехватки кристаллов публикация воспоминаний Коновых была отложена. Но нет худа без добра — отсрочка пошла на благо моей работе.

Я много понял и узнал.

Клан родил Изобретателя, создавшего Великую Охоту на планете Фантомов. (Хотя до сих пор неясно, как

он смог достигнуть такого мощного и своеобразного эффекта политерии.)

Клан же родил Конова-Охотника, убийцу этой Великой Охоты, которую мы вправе считать уже последней в истории человека.

Я благодарен прошедшим годам — накопилась новая информация. Она-то и позволила мне яснее увидеть лучшие черты охотников.

История рода Коновых и планеты Фантомов шла далее вместе, получив название «Семейное дело». Так первым назвал отношение Коновых к планете Генри М. Конов. Он требовал не публиковать записки Охотника, чем и обратил общее внимание на то, что они уж слишком залежались в отделе Воспоминаний, и косвенно помог мне.

Итак, Конов-Исследователь обнаружил на планете явление материальных фантомов, Конов-Изобретатель, по-видимому, осеменял Первичный Ил матрицами всех животных времен Великой Земной Охоты. А также усовершенствовал способность Первичного Ила к явлениям эффекта политерии.

Конов-Охотник в безумии своем нанес атомный удар планете как раз перед прибытием комплексной экспедиции звездолета «Надежда». Но Всесовет срочно бросил к планете корабль Службы спасения. (С тех пор каждые пять лет на планету прибывают грузовые звездолеты, привозя необходимые материалы.)

Служба СПП (Спасение погубленных планет) отправила к планете Фантомов суперзвездолет «Фрам-5» с грузом необходимых материалов и специалистами различного профиля. Большинство их, как показала проверка списков, были Коновыми. И очень быстро этот клан охотников целиком переместился на планету, хотя условия жизни там прескверные.

Они спасают планету Фантомов.

Работы по воссозданию первоначального облика планеты ведутся ими уже вторую сотню лет. Удалось кое-

чего добиться: Коновы восстановили прежнюю атмосферу, обнаружили и тщательно охраняют несколько квадратных километров Первичного Ила.

Но работы еще очень, очень много. И едва ли клан справится с нею за следующие двести земных лет. Но вызывает почтительное удивление самоотверженность клана, желание загладить преступление отдаленного предка (или всех предков?).

Не все шло гладко. Несколько членов клана погибли, один сбежал.

Это был единственный случай дезертирства: прочие Коновы лихорадочно работают.

Сменились поколения. Повышенное тяготение сделало Коновых приземистыми, сухощавыми, жилистыми людьми с очень быстрой реакцией.

Героическая работа клана стала известна всем. На помощь к ним прибывают и прибывают с разных планет родственники. А если судить по переписке Отдела Оживления, то Коновы уверены в восстановлении планеты в том виде, в каком ее застал Конов-Охотник.

Всесовет очень внимателен к Коновым. Накладные только за последний год показывают, что запрошенный ими биостимулятор для обработки кремнеземов и уран (120 тонн) для освежения ядра планеты были немедленно отпущены.

А на планету прибывают и прибывают добровольцы, потомки охотников других кланов, желающие восстановлением планеты Фантомов искупить прегрешения своих родов перед животными Земли.

Да сопутствует им удача!

Александр Сельгин.

Год 2702-й, месяца генваря 25-го.

Благодарю максимально помогавшее мне в работе САУВ (Считывающее Архивное Устройство Всесовета),

ПРОЗРАЧНИК

Таня села в постели.

— Что же произошло? — разбиралась она. — Да, случилось что-то странное и милое. Да, милое, милое...

Она приложила пальцы к глазам — помочь им вытрясти сонный песок. Ресницы затрепыхались под пальцами, и сами пальцы дрожали радостно. Эта радость побежала вниз и зашевелила ноги.

А радоваться-то было нечему — все Танины последние дни были отвратные: Вовка слишком материально посмотрел на жизнь. И вчера и позавчера ей тошновато было. А сейчас даже радовалась чему-то.

Что же такое случилось?.. Да, прилетела ночная широкая птица и крикнула ей с подоконника. Потом был сон.

Нет, сон был до птицы.

Так, птица ей прокричала часа в три, когда Таня, всплакнув, уходила в сон, а до рассвета оставалась капля темного времени.

— Фу, глупая, — сказала Таня птице.

Вначале шло мелькание, какая-то беглая рябь — лица, лица, лица... Потом громко ударило, раскатилось, и в небе прорезалась алая стрела, повисло светящееся облачко... Так, стрела перевернулась облачком, а оно стало юношей с гордым лицом. Инопланетчиком.

Лицо юноши было строгое и прозрачное. Оно про-

свечивало насквозь. В таком все дурное разом увидишь. И не может быть в нем дурного, нет... Приятный сон оборвался вскриком ночной птицы. Птица закричала совсем рядом, близко.

Призрачная жуть была в птичьем крике. Таня обернулась к проему открытого окна и быстро прикрылась одеялом — птица, сидя на подоконнике, смотрела на нее горящими глазами. В них бегали оранжевые искорки.

— Убирайся! — приказала Таня. — Пошла вон!

— Бу-у! — крикнула птица Вовкиным басом и поднялась в полет.

Она пустила крыльями ветер в комнату, сдув все со стола на пол, и исчезла в темноте.

В лапах птица несла большую змею.

Об этом Таня узнала по злобному шипению.

Опору телу змея вернула, схватив метавшимся хвостом лапу птицы.

Лапа была твердая. Она была нужна только на миг — не более. И в этот самый миг гадюка отвердела — вся! — и ударила в птицу концом морды. Ударила в перья, жало заблудилось в них. Змея почувствовала бесполезность своего удара и опять зашипела, выдыхая отчаяние. Неясыть же метнулась в резком испуге и не заметила электрических проводов. Задела их.

Провода загремели страшным гудом и выхватили змею из ее лап.

Та повисла и закачалась на проводах перед вернувшейся гневной птицей. Еще покачалась — игривой черной тенью — и упала в кусты.

Земля была мягкая, ласковая сыростью и щекотливым касанием упавших листов. Под ними ползли большие червяки в виде лиловых зигзагов, ходила мышь, светясь теплом своего тела.

Она виделась змее розовым катящимся шариком. Язык желал коснуться этого шарика. Телу хотелось того же.

Змея хотела есть эту мышь, ощутить ее частью себя.

Но в ней прошло тихое гудение. Оборвалось. Резкая су-дорога толкнула змею на дорожку.

Она позабыла мышь. Она ползла дорожкой, ползла открыто, ощущая жажду встречи.

Первые зорьные огоньки сели на ее глаза.

— Проклятая ползучая гадина,— сказала ей из ок-на Таня.

Она высунулась — належке, с припухшими глазами.

Говорила со змеей сквозь зубы, угрожала ей бровями.

— Я бы убила тебя щеткой,— говорила Таня.— Но и тебе жить надо. Уползай, змея.

В раме окна колыхалась Танина фигурка. По ней пробежали мигания утренних светов, стекавших вниз, на подоконник, на колкие шиповники, на землю.

...Снова гуденье. Что-то оторвалось и ушло.

Змее вдруг стало страшно и пусто. Страх!.. Страх!.. Она торопливо ушла в траву.

— Сигурд... Сигурд... Перехожу на прием...

Владимир Корот дежурил эту кончающуюся ночь в машинном отделении на пятисотом этаже. (Чтобы не заснуть, он пил крепкий кофе.) Прислушался — молча-ние... Сказал на всякий случай:

— Я плохо вас слышу, Сигурд, измените направлен-ность на десять градусов. Перехожу на прием...

И вновь прислушался: Корот знал, голос Сигурда нужно искать долго, с китайским терпением. Только шеф брал Сигурда легко, просто, сам.

В наушниках заворочался голос, короткими мелкими движениями. Будто насекомое.

— ...Говорит Сигурд... угол изменил... передач не бу-дет... нахожусь в тепловых рецепторах гадюки... от транспортации в Хамаган отказываюсь...

Это вышло ясно и твердо: «отказываюсь».

— Но, Сигурд! — вскрикнул Корот и прихватил ру-кой спадающие наушники.— Тогда наши планы рушат-ся. Что скажет шеф? А моя диссертация?

— Подробности... не дам... они выматывают... я вам... не ходячая электростанция...

— Сергей, послушай... Сережа! Сигурд!

Молчание. Корот поднялся. В расстройстве он даже кулаком ударил по столу. Черт бы побрал этих фокусников!

Он потянулся к телефону: сообщить, пожаловаться шефу. И опомнился. Светало, но в зашторенном кабинете шефа еще, конечно, ночь.

— Нет,— заворчал Корот.— Не могу же я поднимать старика ночью. Но каков свин этот Сигурд!

Встав, Таня решила: этот ее день будет холодный и синий.

Таня стала одеваться соответственно цвету дня. И хотя еще душевые холодные змейки, ползая по спине, шептали ей про шорты и белую свободную блузу, она решила: синее, и никаких!

И накинула синее платье.

Чутким глазам этот цвет говорил. Он скажет, что Таня несчастна и холодна, а с Вовкой покончено.

Цвет обязывал. Завтракая, Таня ела чуть-чуть. (Братишки-двойняшечки так и мели со стола тартинки и вареные яйца.)

Таня ела бутерброд и медленно выпила стакан чая с лимоном.

Выпивая чай, Таня глядела в солнечное окно и слушала, как шумно вздыхала бабушка — вместе с самоваром.

В сирени у окна возились серые мухоловки. Между веток виделась автострада — утренняя, розовая. В конце ее — город, в нем Танина работа. «Хорошенькая секретаришечка,— спрашивал шеф.— Что нового в печатном мире?» (Миров у старика, как и у отца, было множество: печатный, городской, телевизионный, Танин и т. д. Наверное, земной круглый мир представлялся

шефу похожим на слоеный пирог. Оттого сбор журнальной и газетной информации был нелегким делом.)

Таня прикидывала свой день.

Про явившуюся утром гадюку: надо вызвать отловителей, пусть уберут зверя. Проблема Вовки... Бабушку полностью успокоит синее платье. С мамой хуже, с ней придется говорить словами. Не прямо (таким словам мама не верит и, слушая их, щекочет пальцем кончик Таниного носа). Маме нужны слова косвенные.

— Какое небо...— сказала Таня.— В нем есть что-то арктическое.

— Ты так думаешь? — Мама взглянула на Таню.

— Да, облака — айсберги... Помнишь наш круиз?.. Остров Врангеля, июль, пароход, льды, любопытные нерпичьи головы, торчащие прямо из воды. Какие у них были прекрасные глаза!

— Да, да, их глаза удивительно похожи на глаза дочек Поленц. Я так сразу и сказала: Танюша, они похожи на дочек Поленц.

— Марина! — сказала бабушка.— Оставь в покое своих ближних.

— Но они же ходят...

— Марина!.. Повторяю, оставь своих ближних, человек еще не животное. Сейчас все на зверях свихнулись, вон зятек от мяса отказывается.

— Хотелось бы мне знать,— проговорила мама сквозь зубы,— когда здесь меня будут считать взрослой и разрешат иметь свое мнение хотя бы о глазах дочерей Поленц? Да,— говорила она,— я все сношу, все.

— Марина, не занимайся саморекламой,— раздраженно заметила бабушка.

Таня покосилась на папу. Тот молчал. Он ел, глядя куда-то в свои мысленные конструкции. Тане часто хотелось увидеть их глазами отца.

Он — тихий человек — любил придумывать шумные двигатели и трудился в ракетном центре. Там все ревели, гремело, взрывалось.

Пора идти... Таня вышла, поцеловав папину макушку и потрогав братиков за уши. Они отмахнулись головами.

«Уже превращаются в мужчин»,— грустно думала она и остановилась у калитки.

Вьюнки, оплетавшие все, зашелестев, протянули к ней фиолетовые грамофончики, что было как-то странно. Таня обернулась к дому. (Уходя, она всегда прощалась с ним взглядом.) Ей всегда было хорошо и покойно здесь, до этого несчастного Вовки.

Посмотрела, но что-то прошло перед ней. Будто подули дымом. Дом закачался, исчез и появился снова. «Что это? Я плачу, дуреха?» — спросила Таня себя. Она потрогала глаза — слез не было.

Такие сухие, жаркие глаза...

Таня села в рейсовый ветробус. Она не знала, что с первым рывком машины вступает в полосу странных дней и пестрых событий, что жизнь ее пойдет в зависимости от них.

Садясь, увидела котенка.

Котенок был сер и лохмат. Глаза тоже серые. Из лап высовывались серые крючочки, впившиеся в пиджак кошковладельца. Они и держали зверька.

Котенок смотрел в глаза Тани. Взгляд его был вдумчив и пристален. Он явно делал наблюдения. Таня решила: лет через тысячу, когда животные страшно поумнеют, они будут смотреть именно так. Они станут менять нехороших хозяев. Про достойного человека будут говорить: «Его и кошки любят».

«Годилась бы я в хозяйки?.. Что можно сказать обо мне хорошего?.. Двадцать лет, год секретарю. Говорят, красивая (а умна ли?). И тьма недостатков».

— Кися,— сказала Таня, чтобы устранить натянутость.— Кисик мой хороший.

Сказала и вспыхнула жаром. А котенок до конца

пути смотрел на нее. В глазах его бегали светящиеся мурашки, как у ночной птицы.

...Автодактиль, треща крыльями, поднял ее на площадку пятисотого этажа. Сел, Таня, поколебавшись, вышла — ее пугала высота города. И земля слишком уж далеко: туман скрывал ее. А если и обнаруживалась в нем дырочка, то земля походила на обрывок карты.

Таня вошла в институтские двери. Здесь все нормально — дорожки и двери, двери, двери... Кабинет шефа. Таня вошла. Приоткрыла окна и, стараясь не взглянуть вниз, опустила жалюзи.

Пошла к себе.

На столе в плоской вазе была роза. Цветок ее черный, с багровыми прожилками. Маленький, сжавшийся, будто кулачок негритенка. Отличный цветок!

Интересно, кто его принес? Таня, поставив зеркальце, поправила волосы, прижимая где надо ладошками. Вздохнула, убрала зеркало. Снова посмотрела на розу: та на ее глазах раздвигала лепестки. Они расходились и один за другим становились в положенный порядок.

Центр розы был красный, с большой водяной линзой. Она сверкнула и скатилась вниз, на полировку стола. Таня стерла водяную каплю пальцем, лизнула — так, пресная вода, Н₂O.

— Работай, работай,— велела она себе. Но не выходили из головы юноша из сна, наглая птица, змея, котенок. В них был какой-то общий смысл. Но какой?

Таня вообразила себя шефом. Нахмурилась, занялась журналами. Быстро пробежала статьи, вода пальцем по колонкам. Заманчивое для шефа отмечала вставкой бумажных закладок — красных, синих и зеленых. Отчеркивала статьи для микрофильмов.

В двенадцать дня пришел шеф. Он был сердит. Но глазом это не замечалось.

— Никодим Никодимыч,— спросила она,— правду говорят, что наша машина принимает мысли на расстоянии?

Шеф остановился — боком. Он покосился на нее, прищурив ближний к Тане глаз (тот был с красной жилкой).

— Случается. А что?

— Я бы могла с ней потелепатировать?

Шеф растянул свой рот до самых ушей: обиднее Тане за всю ее жизнь не улыбались.

— Я сказала глупое?

— Отнюдь. Но даю вам совет — телепатлируйте, телепатлируйте, но... но только молодым людям. «Чем нас прельщает девушка? Своими кудрями, своими синими глазами, своими стройными ногами...» Так, кажется? Но есть, есть еще молодые люди, которые отдают свой пыл исканию научных истин. Их, их оставляйте в покое! Их!

Шеф погрозил Тане пальцем и грохнул дверь. Гул прошел между стен и родил четыре эха. Каждое родило еще четыре. И звуки спутались, сплюсовались в тихий голос.

— Не огорчайтесь, Таня, — сказал этот голос. — Старик прав, но по-своему. Будет и у нас все самое лучшее...

Дверь тотчас раскинула створки.

Шеф влетел.

Остановился.

— Ага, здесь! — крикнул он. — Здесь! Приманила! Сигурд, отзовись! Приказываю! Прошу-у-у... — Шеф склонил голову, прислушиваясь.

— Это пришелец? — спросила Таня.

— Хуже, гораздо хуже. Объясню — физики нащупывают новое состояние материи. Фантастичное! Его овеществляет в себе один, только один человек. Кудесник! Гений! Монополист! И вот институт, я, работа — все зависит от него... Эх! — Шеф махнул рукой и ушел к себе, оставив в дверях щелочку. Он ходил, вздыхая за дверь, и временами страческое ухо прижималось к щели. И Тане было жаль шефа, особенно его седое ухо.

...А в обеденный перерыв роза исчезла. Должно быть, ее стащили.

Остаток этого месяца не принес Тане ни радости, ни

печали. После общего психоза с каким-то Сигурдом в институте установилось спокойствие с привкусом безнадежности. Многие сотрудники ушли в отпуск, остальные бестолково сутились, бегали растерянно.

У Тани были свои тревоги. В ней проявился магнетизм. Например, в саду к ней тянулось все — травы, цветы, ветки...

Таня сначала пугалась. Привыкнув, ставила вполне научные опыты. Например, держала руку над полежней в дождь травой, и та поднималась, шевеля длинные зеленые тельца. Даже цветы распускались в ее присутствии.

Но не всегда было такое. Иногда Таня простирала руку и велела: «поднимайся, трава» или «расцветайте, маки», но трава оставалась полегшей, а маки нераспустившимися зелеными кулачками.

Приятнее всего было вечерами, в сумерки.

Белели звезды пахучих табаков. Древесные кусты пухли, заполняли собой весь сад.

Все растительное пахло так сильно, что у папы начались мигрени. Теперь, пообедав, он уезжал в городской пансионат, расположенный на самом верху, в облаках.

Там, поставив маленький телескоп, он вечерами созерцал пригороды, ночью — звезды...

Мама, подходя и садясь на скамью рядом с Таней, говорила:

— Танечка, маленькая, я так понимаю: аромат — это речь цветов. Они говорят тебе. Ты слушай их, они плохого не скажут. Надо жить нараспашку, простым сердцем, как живут цветы. Ты удалась мне, маленькая, ты мой цветок, ты моя красулька.

Таня слушала, и ей стало казаться — она ширится и все берет в себя — и слова, и запахи, звезды табаков и те звезды, что так далеки в небе; и высотные папины самолеты.

...Темнело. Загорелись окна. За десять домов от них гоготал, изображая веселье, Владимир.

— Фу-у,— корила она себя.— Я становлюсь мечтательницей. И словно жду чего.

Но ей было очень хорошо в такие вечера, и сон казался потерянным временем.

Затем пришел час встречи.

Таня не поехала домой, пообедала в кафе. А там спустилась на лифте вниз и пошла в театр смотреть «Планету Астру». Театр был в парке и походил на древнегреческий.

Актеры работали до седьмого пота. Они преображались прямо на сцене, летали на «воздушных подошвах» и т. д. и т. п. Но декораций не было, планету приходилось воображать.

Очень интересно, только болела голова.

После театра хотелось поболтать. Но Таня была одна, до последнего ветробуса оставалось часа полтора, можно было и не спешить. Таня пошла в парк — ценители лунных эффектов бродили по его дорожкам.

Таня шла по своей тени, как по коврику. Думала о Вовке. Сегодня в машинной она слышала скандальный разговор. (Ассистентские тенора и басы доносились явно. Шеф же прослушивался в промежутках голосовых взрывов.)

Таня приложила ухо к двери, запретной для нее.

По слухам, странная машина за этой обжелезенной дверью подманивала пришельцев. Наверное, в ней что-то не ладилось.

— Затраты сил, затраты средств! — Это кричал рыжий Боневич, родившийся со счетами вместо человеческой головы. Он всегда небрит и взлохмачен, и странно, что его любит жена.

Вдруг уши Тани загорелись — сквозь дверь шел Вовкин голос. Он уверенно, твердо выговаривал слова, будто нарезал их ножиком.

— Мы... вложили... слишком... много... средств... Сергей... забыл... что... является... только... ча-

стью... системы... только зондом... в наших... руках. Мы не можем без него, это верно, но и он без нас ничто! Кто его будет транспортировать? Тратить мегаватты? Что он для других? Давайте частично вернем прежние методы (вдруг в крике спутались все голоса).— Таня, угадав общий выход, прошла на свое место. Села, уставилась на стопку журналов.

«Ладно, разберемся,— думала она на ходу.— Вовка... Противный голос, самоуверенность, шуточки его плосколобы. Силен, бицепсы, трицепсы! Он заработал их, скача по спортплощадкам. Не зря шеф говорит, что мозговые Вовкины структуры пленочного характера. Зато внешнее оформление на уровне. Блеск! Треск».

Сигурд сел на скамью — нога на ногу.

Место ему определено нравилось. Бузина подняла лапистые ветки. Он протянул было руку, чтобы щипнуть лист, но спохватился. Он думал в ожидании Тани, думал, что еще свободен, что перед ним лежат два пути, прежний и новый.

Под кустами шатались коты. Двойные огни их глаз мерцали повсюду. Это был народ, выдавший разные виды. Такой именно кот и вскочил на скамью. Он был громаден и неряшлив и носил только половину хвоста.

Сигурд махнул рукой, но кот не обратил внимания и прошел сквозь него.

— Проклятое животное,— засмеялся Сигурд.— Не путает сущности с видимостью. Пугнуть его? Пугну.

Он напрягся и стал светиться ламповым светом. Коты шарахнулись, но послышались человечьи шаги. Шаркающие. Сигурд понял — человек идет сюда. Он стар и потерял гибкость психики. Уйти?.. Но сюда идет Таня. Оставался короткий выбор. Сигурд напрягся и стал пожилым человеком с морщинами и одышкой.

Он хрипло закашлялся.

— Добрый вечер,— сказал ему старик в черном,— Разрешите присесть?

— Располагайтесь.— Сигурд кашлянул еще раз. Потом объяснил свой кашель ночной прохладой.

— Что там прохлада, все старость проклятая,— задрезжал старец.— Ранее никакие кашли не вязались. Одно я одобряю в этой проклятой старости — женщины не беспокоят. Ранее то влюблен, то разведен, то тебя бросают, то сам кого-нибудь бросаешь. Такая у меня сейчас и мысль в голове: старость — проклятая штука. А раньше и подумать было некогда.

Старик ковырнул палкой маленький лопушок.

— Хоть бы мысли людей видеть в старости,— вздохнул он.

— Верно заметили,— захрипел Сигурд.— А вы как думаете, стоит видеть мысли людей?

— Со временем, я полагаю, мы получим это развлечение.

— Скучные будут времена,— сказал Сигурд. Он и сейчас видел человеческие мысли. Не их суть — это было скрыто — он видел цвет мыслей.

Они могли быть синими, зелеными, серыми, красными и даже черными.

Между кустами мелькнули силуэты гуляющих. Их мысли были как вспышки. Иные люди пыхали золотыми лучиками идей, кто-то просиял розовым. У одного гражданина мысли были льдисто-синие, полярные.

Молодежь пылала зеленым — семафорным — цветом.

А вот в черепе старика лежат черноватые угольки. Так, малая пригоршня. Сигурд поверил, что дед женился и разводился. Любовные тревоги взяли его досуг, он остался с неразвитым мозгом и скудным запасом мыслей. «Ведь урожай их закладывался в молодости. Надо думать, спешить думать... Но какая это чепуха — мысли... Старик прав, надо много любить и много страдать.

Кстати, много любить — не значит любить многих».

(В него вошли волны чужой мысли: шеф звал его.)

«Они счастливые,— думал Сигурд.— Они гуляют, на-

слаждаются, страдают — и в этом самое большое их богатство. Я же вечно привязан, и нет мне свободы».

Шеф нудил:

«Сигурд, вы можете понять старого человека? Мои дни уходят, мне некогда. Отзовитесь! Перехожу на прием». (Сейчас он вслушивается, сжимая руками свой череп.)

«...Сигурд... Сигурд... Сигурд...» (Это машина.)
«Я жду... я жду... я жду...» Эти волны шли прямо в мозг щекочущей вибрацией.

«Не хочу! — твердил Сигурд. — Я устану, страшно устану, а мне надо быть свежим и бодрым... Я оборву волну... отброшу волну. Вон! Пошла!»

Борясь с волнами, Сигурд ощутил Таню. Она подошла к скамье. Между ними еще лежал промежуток времени, наполненный работой. Первое — обрыв волны. Второе — изгнание старикашки. Сигурд сделал это разом: напрягся, отбрасывая волну и сжимая волю до тех пор, пока его свечение не вырисовало все жилы на листовных пластинках бузины, сделав ее ржаво-тяжелой.

Старичок вскочил, закричал:

— Эй, эй! Гражданин!

Пиджак его расстегнулся. Старик производил тростью дрожащие фехтовальные движения.

— Эй, ты, вы, бросьте!.. Вы, ты не смеете!.. У меня будет спазм, вот увидите...

Старичок ткнул тростью прямо в грудь Сигурда и «утопил» ее в кусте, росшем позади. Он издал междометие, выдернул трость и побежал. Сигурд, глядя вслед, ощутил мозговой покой. Это ощущение оборвалось следующим: «Она — рядом». Он увидел высокую фигуру Тани. Его посетило двойственное желание. Ему хотелось быть здесь и далеко отсюда, в Амазонии. Там гущина, джунгли, лягушачьи дикие вскрики, болотные огни. Этот период колебаний сделал его расплывчатым, продолговатым пятном.

Таня заколебалась у входа в приятную беседку. Показалось, там есть кто-то. Сверкнула догадка о Вовке — прячется. Он способен. Кажется, его шевелюра маячила в переднем ряду.

Таня выбрала самый сердитый голос. Спросила:

— Занято?

Молчание.

Заглянула — никого. Таня вошла и села на скамью. Она вздохнула, положила сумочку на колени, зажмурилась. И все заговорило с ней своими ароматами.

Говорила влажная земля — испарениями: «Я добрая, я питательная. Пока ты здесь, я кормлю тебя, перестанешь быть — успокою».

Заговорили бузиновые кусты. Они рассказывали Тане, какие у них листья — послушные и обильные, пахнущие так же, как лесные травы, если их долго разминать в пальцах.

Кусты шептали ей о горьковатой серой коре, обтягивающей стволы, рассказывали о корнях: те обреченно сидят в земляной темноте, чтобы все остальное могло свободно пить солнце.

Потом ветки потянулись и обняли ее, щекоча.

— Какая я фантазерка! — воскликнула Таня, опомнившись, и села прямо, положила руки на колени.

Ей было хорошо. Она даже не обиделась на прилетающих комаров — пусть! Но комары ее отрезвили. Она стала махать на них руками, отталкивать лезущие к ней листья бузины.

— Здесь нет удивительного даже на мизинчик. Все движется, в растениях совершаются процессы движения, — рассуждала ученая Таня. — Цветы раскрываются утром и зажимают свои лепестки на ночь.

Таня вспомнила розу и прижмурилась на минуточку, воображая водяной глаз. И ей стало отчего-то стыдно. Ах, фантазии! Лучше припомнить пьесу. Она старая, ее помнят и мама, и бабушка. Может, вспомнит папа. Они спросят ее.

— Так,— сказала Таня и снова зажмурилась.— Основная мысль этой пьесы...

Тут она раскрыла глаза и ахнула — рядом с ней сидел молодой человек. Это был не Вовка, а чужой молодой человек.

Таня резко поднялась. Незнакомец остался сидеть, но сжался.

— Не сердитесь, пожалуйста,— попросил он Таню.— Я немного посижу и пойду себе.

Таня рассматривала его. Странно, но и в темноте он был ясно заметен. А рубашка его снежно мерцающая. Новая синтетика? Примешали светящееся?

От рубашки падал свет на его лицо. Оно было ничего себе, хотя простоватое, недалекое какое-то. Безопасное.

— Я понимаю,— сразу догадался сжавшийся человек.— Мое лицо вам не нравится? Да?.. Если хотите, я сделаю его другим. Понимаете, я хотел представиться вам натуральным, чтобы без обмана.

— Я буду вам очень обязана, если вы освободите скамейку.

— Пожалуйста.

Молодой человек был покладист. Он взлетел в воздух. Его башмаки находились теперь на уровне Таниной головы.

— Мое лицо отчего-то вообще не нравится женщинам,— сообщил он сверху.— Я его сейчас улучшу. Хотите, будет испанское, с бачками? Или лицо экваториального негра, человека с жадным аппетитом к жизни? (Он подождал ответа.) Лицо Байрона? Наполеона?..

Таня села на скамью и коснулась затылком ветки.

— Понимаю, вы мой сон,— сказала Таня.— Я устала на спектакле, пришла отдохнуть и заснула на воздухе. Или я еще в театре?

— Глупости. Вокруг вас кусты, в них моционят кошки. Видите их глаза? Вон там... Еще... еще... А по дорожкам бродят любители свежего воздуха.

Таня слушала молодого человека и повертывалась в

разные стороны. Было все, о чем говорил ей этот человек, было и многое другое, творившее рельефную летнюю ночь.

Коты жестоко дрались в близких кустах, трещали ими. Но кончили драку, красиво запели в четыре подобранных голоса, переплетая их. С пением они кинулись вон отсюда. Их голоса быстро убегали.

В небе неслись, перевывая, тройные самолетные огни.

В телефоне, лежащем в Таниной сумочке, гудел мамин голос.

— Таня... Таня... (Мама звала из сумочки.) Ты скоро? Мы заждались, не опоздай на последний ветробус.

— Не-а...— сказала ей Таня.— Я счас.— Она зажмурилась и прижала глаза пальцами, твердя: — Сон... сон...

— Пусть будет сон,— прошелестел голос.

Таня раскрыла глаза — она была одна. Но в ней все дрожало — радостно.

— Я же знала, это только сон,— сказала она.— Только сон.

И прижала ладонью рот, чтобы не вскрикнуть,— он был здесь. Юноша сидел с ней рядом. «Значит, это не сон, не сон...»

— Простите,— сказал он и нахмурил брови.— Я все-таки не могу без вас. Не могу, и все!

— Чепуха!

Таня страшно рассердилась. Но рот ее улыбался, пальцы сжимались и разжимались.

— Вы, мужчины, ужасные нахалы,— добавила она.

Упрек поразил странного юношу. Он схватился за голову, вскочил, сел обратно.

— Знаете,— сказал он.— Договоримся сразу. Я не буду вам говорить избитости вроде того, что вы красивы. Здесь другое: я должен видеть вас. Смотреть!.. Смотреть!.. Глядите, глядите на меня внимательно. Не бойтесь, придвиньтесь ближе. Еще, еще... Возьмите фонарик из сумочки. Так, верно. А теперь придвиньте эту дурацкую штуку мне за спину. Видите?

— Вы прозрачны! — воскликнула Таня в ужасе.

— Бесплотен! И вот люблю вас. Не правда ли, странно?

Тане казалось, он расплывается, уйдет. И все кончится.

— Ужасно, ужасно... — твердила Таня. — Он любит меня.

— Люблю, — кивнул тот. — Я себя проверил, можете не сомневаться. И не спешил — мне это не к лицу.

Таня помахала на себя ладонями. Щеки ее горели.

— Давайте будем рассуждать, хладнокровно рассуждать, — говорила она.

— Рассуждайте, — предложил он. — А меня увольте, я не могу. Если хладнокровно рассуждать, я сейчас должен быть совсем в другом месте.

— Рассудим... Первое — вас не должно быть здесь, вас нет вообще, вы сон!..

Таня с торжеством посмотрела на молодого человека. Но он был здесь, высокий и тонкий.

Таня поразмышляла еще:

— Ага, догадалась, вы гипноз?

Таня развила идею:

— Вы полюбили меня (человек так и потянулся к ней) и решили меня гипнотизировать. Правильно? Вы не здесь, вы в другом месте, я вижу ваш мысленный образ.

Установилось молчание. На скамью ложилась ночная роса.

— Из-за вас я не высплюсь сегодня, — пожаловалась Таня. — А теперь уйдите. Гипноз кончился, я сочувствую вам, но полюбить не смогу. Никогда. Вы так далеки от меня.

— Гипноз?.. Это мысль, я мог это сделать, — заговорил юноша. — Прежде чем... Я как-то не подумал, простите... Нет, я хочу быть тем, что я есть. Я Сигурд. Сергей. И. Гурдин. Вспомните — наш институт, шеф, ассистенты, машина... Это для меня, а я для них. Я единст-

венный в мире человек-уникум, проникаю в тайну живого, а не могу обнять вас.

Уныние пришло на лицо Сигурда.

— Уходите,— сказала она.— Стойте, розу вы принесли?

Но Сигурд исчез мгновенно. Некоторое время еще подержалось облачко не то на скамье, не то в памяти и рассеялось. Тане стало страшно. Она поднялась и побежала дорожкой.

Котенок дремал на плече впереди сидящего гражданина, клевавшего носом. Плечо человека было огромное, котенок лежал на нем косматой лепешкой. Коготки его цепко держали сукно. Это был тот — знакомый котенок.

Он подрос и похудел, но был именно тот.

— Кись-кись,— сказала Таня. Гражданин, клевавший носом, вздрогнул и обернулся. Лицо у него было пожилое и широкое, типа поднос. Небритый. Свисала изжеванная нижняя губа. Ворот рубашки расстегнут. Голос тонкий, будто в дудочку.

— Вот они, люди. Попросят животное — и отказываются,— желчно пропищал он. И сморщился, собрав в морщины необъятное лицо.

— Нехорошо,— отозвалась Таня. «Бедный, должно быть, вдовый»,— жалела она.

— Гнусно!.. Котенок пачкает, котенок необразован, котенок испортил ковер.

Сосед становился багровым и даже страшным.

— Человек, гомо сапиенс, овладевает горшком только на второй год своей жизни и то несовершенно, а котенку всего был месяц! Он и сейчас еще молочный, этот котенок.

— Сосет?

— Лакает... Да еще и полакал из чьей-то там чашки! А животное это самое чистое. Я с удовольствием выпью после кошки и остерегусь сделать это после од-

ного знакомого человека. По секрету: живет такой двуногий, после которого ни одна уважающая себя муха есть не будет... А теперь изволь опять искать желающего.— Он вздохнул, как насос.

— Отдайте его мне.— попросила Таня.

— Решено! — воскликнул человек.

Он снял лепешку с плеча и передал ее Тане. Котенок был сонный и горячий. Он позевывал, жмуря глаза, и язык его выставлялся в виде узкой красной стружки.

— Кисик, кисик,— говорила ему Таня.

Котенок заснул у нее на коленях.

...Калитка подавалась туго. Таня сразу поняла — это к дождям. У них всех были приметы — такая метеорологическая семейка.

Бабушка следила за своим прострелом, папа — за переменами настроения, мама — за облаками накануне дождя, близнецы — за клевом мелкой рыбешки, проживающей в верховодье их пруда.

Самые верные приметы были у Тани и бабушки. Когда они совпадали, дождь был просто неизбежен, как приход ночи или наступление утра.

Таня не стала захлопывать разбухшую калитку: в доме спали. На веранде горела ночная лампа. Свет ее падал на кусты.

В саду — прозрачный туман.

В небе — хоровод нетопырей. Они резвились, близко, смело налетали на Таню. Ей показалось — хотят вцепиться в волосы или сесть на ее белое платье.

Она заторопилась на веранду. Прикрыла дверь и пустила котенка на пол. Тот вздел хвост и стал ходить, знакомясь с мебелью.

Обошел все, приласкался к каждому стулу и сел, тихо мяукнув.

Таня осмотрела тарелки на столе. В одной лежал зеленый салат, в другой немного фруктов — персики, груша, два кислых на вид яблока. Их бабушка находила полезными для Таниных зубов.

В тарелке, прикрытой газетой, было холодное мясо.
— Ты, плотоядный хищник, иди-ка сюда,— сказала
Таня.

Котенок подошел и стал урчать.

— А еще молокосос,— сказала Таня и отдала мя-
со. Сама съела персик. Он был приятно кисл и горек.

Сигурд телепатировал. Исключительное напряжение делало его синим. Он мерцал, вздрагивал внешним очерком фигуры.

— Я — Сигурд... Сигурд... Вы меня слышите, шеф?..
Слышите?.. Я согласен, согласен.

Старик проснулся и сел на постели. Коснулся бо-
выми ступнями пола, вздрогнул и поджал их, скрючив
пальцы.

— Голос, я слышу голос.

Он вскочил и побежал к столу. Сел за него, при-
крыл лицо руками. Посидел, боря дремоту. Затем про-
глотил таблетку.

— Да, да, да, милый Сережа,— кивал он.— Я слы-
шу, все слышу.

— Проверку комплекса хищник — жертва отложим.
Не вышло. Работу тепловых рецепторов гадюки я доис-
следую потом,— говорил Сигурд.— Сегодня займусь вне
графика нетопырем... Согласны? Да?

— Да, да, все, все, что хочешь.

— Спасибо...

Растянулись круглые огоньки, искры мошек сошлись
в слепящую дымку. Нетопырь бросил себя в эту маня-
щую дымку.

Крылья зашевелила вибрация. Он услышал тонкое
гудение своих перепонки и растопырил коготки лап.
Сквозь пальцы со свистом прошли рассеченные воздуш-
ные струи.

От восторга поднялись все шерстинки.

Нетопырь ликовал. Он кувыркался в промежутках

проводов, вильнул у светящегося изолятора, прошел над верхушками деревьев.

Всходила луна.

Она была светозарна. Нетопырь давно видел ее отсветы за горизонтом. Но луна взошла очень поздно, она долго лежала, долго зрела за брошенными на землю черными лесами. Но взошла — огромная на коричневом небе. На ней были тени лунных гор.

Нетопырь осветился ею. Он с писком кинулся вниз — во тьму, в деревья.

Здесь было глухо и темно, была путаница: ветки тополей, черемух, лип... Ниже их — дома. Здесь глаза лишние, они лгали. Нетопырь велел им плотно зажмуриться. Он закричал сверляще-тонко:

— ...Пи... пи... пи...

Звуки улетали, ударялись и, отскакивая, возвращались обратно, градом стучали в перепонки.

Стучались все звуки, что, ударяясь, отскакивали от веток и листьев, от столбов и насекомых. И Сигурд отметил, что крыльям древесные ветки казались гуще и косматее, чем были на самом деле.

Он видел — крыльями — рой ночных мошек и ощущал перемещения их. Видел — крыльями — прерывистые трассы хрущей и лохматые клубки ночных бабочек. (И хватал их, и пожирал на лету.)

— Пи-пи... пи-пи... пи-пи-пи... — кричал он, шмыгнув мимо плясавших мошек. Он несся к луне.

Она казалась ему светящимся отверстием, его несло в ее горячий рот. Он видел луну собой, ощущал ее всем хрупким сооружением тела. Она звала к себе, но зов ее был двойным: нетопырь ощущал спиной подъем серой лунной радуги. Он летел выше, выше...

Луна звала его, манила, осыпая звездчатым дождем световых корпускул. Сухим листиком нетопырь заметался в холодных высотных течениях, среди темных и незнаемых еще ночных птиц. И снова кинулся вниз, в отсветы фонарей, в красные лунные тени.

Таня отпросилась домой и стала помогать в кухне. Но все у нее валилось из рук. Бабушка прогнала ее, Таня ушла в сад. Перед дождем (а начиналось погодное безобразие — шли ежедневные дожди) все население их сада шумно ворочалось в травах и листьях.

Летали рыжие комары, гудели синие мухи, перелетывали травяные моли. Жуки ползали по дюралевым косякам окон.

При таком насекомьем изобилии в сад налетели ласточки-касатки с черными хвостовыми вилочками. Они, проделывая воздушную акробатику, вылавливали мошек.

Особенно красиво работала одна. Она вскрикивала, налетала близко, показывая Тане то белый жилетик, то красное пятнышко. Она безотчетно нравилась Тане. Думалось: было бы счастьем летать вот так.

Устав, ласточка присела на косяк и глядела на Таню. Малюсенькая, но так хитро, так ловко устроенный летательный аппарат. И клюв маленький, и краснотца на щеках — следы небесных зорь.

— У, малюня,— сказала ей Таня и протянула вперед губы.— Моя славенькая, маленькая!

И вдруг догадалась: он!..

И стала наливать жаром. Под ладонями раскалялся оконный косяк.

— Сейчас же уходите, Сигурд! — велела она.

Ласточка смотрела. Глаза ее — черные пятнышки — слишком пристальны для дикой птицы.

— Уходите! Чтобы я вас больше не видела. Безобразие быть таким прилипчивым.

Ласточка взлетела, загнула в воздухе сложную кривую и скрылась из глаз. Совсем.

— Сигурд! — крикнула Таня вслед.— Вернись! Ой, что я наделала...— Она схватилась за щеки.

«Обиделся, обиделся. Пришел, а я его выгнала. Летал, устал, а взяли и выгнали, взяли и выгнали. Так ему и надо. Пусть летит, пусть другую найдет. Только помнит, что та не полюбит его таким...» Опять налетели

ласточки, но другие, городского типа. Кричали стрижи; вечер шел своим чередом, пустой и ненужный.

И чтобы наказать улетевшего Сигурда, Таня поговорила по телефону с подругами (советы о прическах). Приготовила салат к ужину. Особенный салат — из яблок, капусты, лука и белой смородины. Папа долго рассматривал его, нацепив очки, и взял одну только ложку. Мама глядела на Таню с любопытством. Погрозила пальцем.

— В тебе я сегодня чувствую что-то грозное. Знаешь, снежные тучи, а в них спрятанные молнии,— сказала мама.— В теперешнем настроении бойся себя.

— Марина, не говори глупости,— сказала бабушка.— У девочки возрастное, а ты говоришь, бог знает что! Оставь ее в покое, пей чай.

Мама обиделась и ядовито спросила:

— Могу ли я заняться воспитанием собственной дочери?

— Тебя саму еще нужно воспитывать. Как ты подавала сегодня гренки? Они были зажарены только с одной стороны. Твое счастье — в тихом характере Бориса.

— Ах, опять эти пошлости!.. Выбери другой пример.

— Тысячу! Ты пренебрегаешь маринованными медузами, а они полезны моей щитовидке...

Поужинав, Таня ушла к себе. Свернулась в кресле, накрылась пледом. Почувствовала себя такой усталой, одинокой, некрасивой. Все, все врут о ее красоте.

Ей захотелось умереть и лежать во всем белом. Будто невеста (в волосах бант, оборочки кружевные). Сигурд прилетит к ней — ласточкой — и сядет на край гроба.

Вообразив себя, гроб и Сигурда, Таня заплакала.

Она плакала долго, обильно, она захлебывалась слезами. Они были особенные, таких она еще не знала. И вообще раньше она ничего не понимала, жила дура душой. А вот теперь знает, а что проку — все кончилось.

— Про-гна-ла...— шептала она.— Про-гна-ла...

Устав от слез, Таня заснула. И сном ее горе кончилось.

Придя на работу, Таня все смотрела на порожнюю вазу. Никто не ставил ей цветов. Таня несколько загрустила и подумала о мужской черствости. «Он как дым, этот Сигурд,— думала она.— А если его поцеловать? Как это почувствуется?» Идея поцеловать Сигурда была столь же странной, как целовать журнал или самого шефа. Она застеснялась робея, но лукаво почувствовала свою женскую командную силу.

Такое щекочущее, такое сладкое ощущение.

«Он как туман»,— думалось ей. И она тянула и тянула губы. Целовать туман смешно, но что бы он сказал при этом? Где он сейчас?

Она даже не уверена, что все это правда. Было или не было?.. Непонятно. Но отчего-то все мужчины теперь казались такими мясистыми, такими щетинистыми. «Было, было...» Она капризно вытянула губы.

— Поцелуй! — приказала она.

Подождала — ничего.

— А ну! Целуй! Сейчас же! — требовала она.

И странное ощущение посетило Таню. Показалось — воздушный поток вентиляторов скрутился в воронку и стал прижиматься к ее губам. Пришло и ощущение мелкого электрического шипанья. Микроразряды щекотали ее губы. Таня полузакрыла глаза.

— О-ох! — вздохнула она. Откинулась на спинку стула — в вазе раскрывалась свежая астра. Лепестки ее еще продолжали свое движение — резкими толчками.

А в приоткрытую дверь на нее глядел шеф. Он припустил очки на нос и смотрел на Таню поверх оптики. Его лобные морщинки сбились в гармошку.

Таня под взглядом шефа налилась краской. Шеф молча закрыл дверь и стал за ней возиться. Через минуту он вышел в пиджаке и галстуке. Торжественно ступая, шеф подошел к Тане. Она выпрямилась. Но шеф не смотрел на нее.

Он в лупу стал рассматривать цветок. По его лицу туда и сюда ходили желваки и красные пятна.

— Это я принесла,— стала объяснять Таня.

Шеф и не взглянул. Он сунул лупу в карман, кашлянул, потрогал пальцами галстук.

— Сигурд,— сказал шеф астре.— Я всегда считал себя вашим другом. Больше того — вы мне как сын. Откроюсь до конца — вы мне дороже сына.

Астра молчала. По ней ползала оса цвета анодированного алюминия. Шеф взорвался.

— Черт возьми! — закричал он.— Ты можешь прикидываться сколько тебе вздумается. Но что будем делать мы? Прикажешь разогнать институт? На тебе держится план и график. Оставь свои штучки! Каждый упущенный час — это потерянное знание.

— Мне бы хотелось кое-что решить самому,— сказала астра. Тихий звук разошелся по комнате. Или собрался?

— Я понимаю тебя, понимаю.— Шеф покраснел.— Но что нам делать? Мы завалили теплоресепторы змей, ахнули тему симбиоза хищников и жертв. Мединститут передал нам изучение спинальных нервов. Сам знаешь, для этого им не хватает ни кошек, ни крыс. Сотнями губят. Тысячами! У нас целая очередь на тебя. И вот Кимов запорол диссертацию. А что будет с Коротом? А?

— Пусть,— упрямылась астра.

— Перечисляю: ты не поехал в Хамаган! Нетопыря недонаблюдал. Была работа по действию гипофиза жирафы, а что сделал ты? Фьюить! Исчез! Знаешь, чем это кончилось? Они взяли отличную жирафу и... и отправили ее к чертовой матери. Чучело они сделали из нее, вот чем все это кончилось! Ты не нас, ты зверье пожалей!

— К черту всех жираф на свете! — раздражительно произнес цветок.— Имею я право жить для себя или нет?

— Но как?

— То есть?

— Вы же бесплотны в этом состоянии, мой молодой друг. Житейски бесплотны.

— Перейду в другое.

Шеф расстроился окончательно.

— Сигурд! Не говори глупости! Это неизвестно как... Тогда все рухнет! Сигурд, я... я старик. Я скоро умру. Понимаете? Мне так ценно время, а я ничего не успеваю. Ничего. А нужно так немного: нетопыря и его реакции. Термоглаз змей. Подземная ориентация крота. Кое-что еще. Это ведь и твои, и мои работы, и наши, и всех.

Расстроенный шеф сел на стул, свесил руки, короткие и толстые. На кончике его носа повисла капля пота.

— Жизнь впустую,— бормотал он.— Впустую...

Таня разглядывала шефа словно впервые. Пальцы, сжимавшие платок, были толстые, волосатые, с короткими ногтями. Стариковская толстота была рыхла, она содержала в себе не менее ста кило той плоти, от которой добровольно отказывался Сигурд. Такой милый... Но вот зашевелились морщины, задвигались веки старика. Таня знала, так в шефе проступает таинственный процесс думанья.

— Сигурд,— начал он.— Ты извини, я погорячился.

— Принимаю,— произнес голос, но из пространства. Астра обвисла всеми лепестками. Сигурд принес ее («Значит, не так уж он бесплотен»,— догадалась Таня), а сам витал где-то в комнате. Должно быть, у открытого окна.

«Как бы шеф не закрыл его»,— забеспокоилась Таня (она перехватила его косой взгляд).

И пронесся торжествующий голос Сигурда:

— А я на подоконнике... Сижу и свесил ноги. Черным цветом вы подумали, шеф, черным. Но поздно.

— Я думал об этом с самого начала,— обиженно пробормотал шеф.— Но что это могло дать?

— Правильно. Ничего!

— Поэтому я приглашаю вас серьезно говорить со мной, Сигурд. Она тоже будет, она может спорить со мной. Вы согласны, Таня?

Она кивнула.

— Сигурд, вы и сейчас единственны и долго будете единственны. Вы — главная исследовательская сила нашего института.

— Это говорит старая лиса.

— Так говорили мне физики и психофизиологи, и вы знаете это. Раз! Второе — мы связаны, мы две стороны одного дела — науки познания. Третье — сейчас ей кажется, что она любит вас или собирается полюбить. Поверьте мне, в ней говорит молодость, пышущая хорошими намерениями, молодость, стремящаяся к необычному. А что может быть необычнее вас? Космонавты приелись. Инопланетные?.. Где они? И вдруг такой человек! Молодой! Совершающий путь в непознаваемое! В глубины! Всякая влюбится. Но, возвратясь в обычное состояние, вы станете как все. И она найдет людей интереснее вас, потому что вы человек увлеченный. А женщины недолго любят витающих мужчин, поверьте мне. Мы часто шутим на популярные темы, но женщина (простите меня, Таня) — это земля, прекрасная, дающая жизнь земле.

— Никодим Никодимыч! — воскликнула Таня.

— И сам знаю, что я Никодим Никодимыч! — отмахнулся шеф. — Сигурд, верь мне. Уйдя из всепроникающего состояния, ты будешь несчастен, станешь томиться, поедом есть жену и детей. Почему? Да потому, что твоя жизнь — это искусство, приключение, сокровище. Ты не простишь ни себе, ни ей, что потерял его. Кроме того, ты ведь... Помни — машина... она ждет.

— Я могу сказать одно, — вмешалась Таня. — Сигурд, вы мне нравитесь именно таким.

— Спасибо. — Голос Сигурда приобрел холодный оттенок. И шеф обидно ухмыльнулся, моргнув ей веком левого глаза.

— Сами видите, Сигурд, у этой особы любовь к вам сидит не в сердце, а в голове. Сердце — алогичная штука, ей-ей...

Таня вспыхнула. Ей вдруг стало так совестно, так совестно. Она откинулась лицом в руки, и в темноте сжатых глаз, вдруг расцветившейся узорами, она поняла — их разговор был недостойный.. Шеф коснулся ее сердца. «Этими толстыми руками, волосатыми пальцами!.. И вообще, что это все мужчины вдруг заговорили о любви? Что они понимают?»

Когда Таня отняла руки от лица, шеф осторожно прикрывал окно. Он опускал створку, придерживая ее рукой. Выглядел заботливым толстым папашей.

— Вы можете простудиться, здесь сильный сквозняк,— говорил он, не глядя на Таню.— Мы обо всем с ним договорились... мысленно. Я поднапрягся и понял его, вполне. Я дал ему две недели отпуска на устройство и так далее.. Одним словом, не сердитесь на меня, я защищал достоинство нашего коллектива, а вы — только свое. Мой совет: защищайтесь! Боритесь! А лучше бросьте-ка все это. Право, бросьте!.. А?.. Я как отец...— И он пошел, тяжело потянул за собой ноги.

Таня увидела, что при всей официальнойности его черного пиджака и черной бабочки обут он был в домашние туфли в форме ржаных лепешек. И цвет их тот же.

Из ушей его торчали одинокие седые волосики.

Она проснулась глубокой ночью, и потянулась сладко, и зевнула, говоря: «А-а-а...»

В кресле, напротив, сидел Сигурд и смотрел на нее. В позе его было что-то от рабского поклонения.

— Пришел... Пришел-таки,— заговорила Таня.— Вы мне снились приятно синим, сходящим из туч, весь в молниях. Тучи, молния, гром...

— Космос...— молния, тучи...— повторил Сигурд.— Эффектно. А синим я могу стать, если хотите.

И он стал вполне синим, расцветкой похожим на Танино шерстяное платье. Правда, в его синеве проглядывал фосфор, легкое и все время перебегающее мерца-

ние. Оно рождалось в груди и бежало к голове, к плечам.

— Годится расцветка? — спросил он.— Если не устраивает, могу принять любую другую. Что хотите — оранжевый?.. зеленый? Весь спектр в вашем распоряжении. Заказывайте.

Таня произвела опыт с оранжевым цветом и напугалась. Пришлось пить холодную воду.

— Как вы это делаете? — спросила она.— Расскажите.

(«Я, наверно, ужасно растрепана»,— подумала она.)

— Делаю?.. А знаете, я могу проникнуть во все, могу стать видимостью всего. Не могу стать вами, этого мне не дано. А если нужен цветок, зверь или еще кто-нибудь, то приказывайте, исполню.

— Станьте пионом,— попросила Таня.

— Пион, этот распутный, с нехорошими желаниями цветок? Пожалуйста!

И в кресле засветился розовый пион. Он был приклонен к ручке кресла и покачивался слегка. Таня протянула руку, но отдернула ее.

— И все же с какой вы планеты? — интересовалась Таня.— И отчего не было сообщения о вашем прибытии?

— Вот,— сказал Сигурд и выпятил губу.— Свихнулись на космосе. Им проще предположить, что я с другой планеты, чем заинтересоваться, как стать таким. Или гипноз, или планета, два варианта. Шеф очень неглупый человек, но знали бы вы, какую чепуху он говорил при первом нашем знакомстве. Мы посмеялись... Но он удивительно быстро опомнился, а хватка у него, скажу вам, железная. То, что не для себя делает, придает ему дополнительную цепкость.

Сигурд встал и ходил по комнате беззвучной походкой. Ворчал:

— Давай им планеты!.. А что творится на Земле, еще толком не знают. Мир растений и мир животных —

тоже планеты, малоизвестные. Это чужие планеты. Их мириады — руку протяни. Как так можно? Сначала нужно узнать свое, узнать Землю и лишь потом браться за остальное. Узнать... Вы спросите: «Как?» Ведь наше проникновение в эти миры убивает их. Положим, беру мир жука, ползающего по коре, или мир жука, обитающего в ней, мертвой и разрыхленной. Эти миры — соседи, но различные... Впрочем, я болтаю, а у меня нет времени. Работа! Сегодня я лечу в Хамаган.

— В Сибирь? — спросила Таня.

— В тропики.

— Вылетаете самолетом?

— Мой самолет — транспортация направленными волнами. Это, сообщу вам, сомнительное удовольствие. Видели машину? На крыше гнутые зеркала? Блестят?

— Параболические?

— Это и есть мой аэропорт. Швырнут — словно электросваркой ошпарят. И прибываешь в самое неожиданное место. Вообразите, очутился я однажды верхом на тапире. Бедняга чуть не умер от разрыва сердца... Да, в Хамаган... А пока позвольте мне присесть рядом с вами. Из-за своей газообразной консистенции я безопасен для хорошеньких девушек. Абсолютно! Даже ваша уважаемая бабушка не придерется.

— При чем здесь бабушка?

Но Сигурд не стал отвечать на вопрос. Он спешил.

— Я уезжаю, я долго-долго вас не увижу. А когда вернусь, то узнаю, что вы замужем. Тогда я стану целым букетом — сразу. Вы любите сирень?

— Очень.

— Значит, стану букетом сирени, приготовьте вазу. Ах, муж рассердится.

— Мужа не будет, — сказала Таня.

Как-то неладно повела себя голова. Она ничего не понимала, она болела от усилия понять. Таня пошарила на столе и нашла коробочку с лекарством. Она вытрясла таблетку на ладонь и проглотила ее. И начала счи-

тать: «Раз, два, три, четыре...» Реклама не врала, при счете «тридцать» в нее вошла бодрость. Таня села, подобрала ноги. Ей было любопытно и странно. Котенок вспрыгнул и устроился рядом. Он не боялся Сигурда. Наоборот, поворачиваясь к нему, котик заводил песенку.

— Вот так и получается,— повторил Сигурд.— В Хамаган.

— Ваше поведение говорит о вашем благородстве.

— Благородстве? Давайте не будем,— умоляюще сказал Сигурд.— Помолчим. Перед отъездом принято сидеть и молчать.

Таня затихла и только взглядывала. Со стороны виделись взметывания ее ресниц. Все так странно, так странно. «Бедный, он меня любит, но в его положении... Или это и есть высшая любовь?»

Тане было грустно и хорошо.

...Светало. Кричали воробьи. Сигурд был интересен. Какие глаза, но почти прозрачны. (Таня неожиданно для себя усмехнулась и замерла — была уверена, что Сигурд обидится.) Тут только она заметила его руку, гладившую котенка. Молчание становилось невыносимым. Таня потрогала котенка: от него шло электричество. Таня решила — это походит на пульсацию слабых токов. «Все пульсирует во Вселенной,— думала ученая Таня.— Пульсируют туманности, пульсирует кровь в моих жилах... Сигурд. В нем тоже разнообразные вибрации. Он хороший, а не знает этого. Смешно... Мог бы и не сидеть истуканчиком. А ток идет от него, даже сердце сжимает».

Таня вообразила, чтобы Сигурд не только поцеловал ее, но и крепко обнял. Это будет настоящее прощание. Это будет научно. Никто еще не обнимался с Сигурдом. «Ну чего он застыл? — думала Таня.— Пусть посмеет только...»

Его рука придвигалась ближе и ближе. Они соприкоснулись пальцами и отдернули их.

— Пять утра,— сказала Таня сломанным голосом.

Она посмотрела в окно — по шоссе неслась, подпрыгивала точка первого ветробуса.

— Тебе пора...

— Может, сказать обо всем вашим?

— Иди, ступай в свой противный Хамаган.

— Нам нужно поговорить.

Но Таня брала себя в руки. Хотелось спать. Голову стягивало тугой невидимой шапочкой.

— Ладно,— сказала она.— В последний раз приходи, сегодня, в двадцать четыре часа... Жду. А сейчас я буду переодеваться.

«Что я говорю? — ужасалась Таня.— Какой последний раз? Зачем последний?.. Глупости, мне так хорошо».

Она следила: Сигурд уходил от нее. Он стал притуманиваться, будто отпотевающее от дыхания стекло. Ветерок заколебал занавески, и его не стало. Таня вскрикнула и покрылась пупырышками, словно от холода.

С этого дня и пошла новая жизнь Тани.

Так, вчера она была одна, потом Сигурд построил мост разговора, и по нему пришла ее новая жизнь. Возможно, о ней знала бабушка, догадывалась мама.

Таня не хотела выяснять. Остерегалась, боялась притронуться, потому что все было слишком хорошо. Все дни шли хорошо. И даже взгляды бабушки не могли помешать ей.

Но были и люди, которых она побаивалась. В институте, например, был Вовка. Он мог усмехаться так, что его хотелось стукнуть тяжелым.

Был папа, который (как Сигурд и шеф) проживал в разных мирах. Но в противоположность Сигурду миры эти обычны и четко отделены друг от друга.

Он работал в мире ракетных двигателей (и молчал о них дома). Он ел смакуя, тихо и молча возился в своей тарелке разными вилочками — находился в мире жареного.

Вечерами отец обитал у друзей в мире какой-то

древней и медлительной карточной игры. Когда он возвращался, выходил из одноместного «Птеродактиля» и прикрывал его крылья брезентом на случай дождливой ночи, то видел Таню.

Увидев, изумлялся и не верил себе. Затем долго разговаривал с ней, спрашивал, открывал для себя мир дочери.

После работы Таня шла гулять с Сигурдом. Он присаживался к ней на грудь бабочкой-махаоном. Тане было приятно такое его настроение, было весело смеяться удивлению прохожих.

Она шла в кафе, Таня ела, а Сигурд фамильярничал: садился на нос, щекотал губы. Таня смущалась, думая, какой она представляется Сигурду необозримой великаншей. Она говорила:

— Не надо этого, Сигурд, не надо... Пей-ка лучше кофе.

Или он был воробьем. В таких случаях приводил одного из своих приятелей. Воробей ел с Таней из одной тарелки. Эта птица была необычайной силы и живости. Она могла стащить и унести даже половину мясного пирожка, даваемого к бульону. А однажды унесла снятую клипсу. Но Таня сразу догадалась, что ее взял себе не воробей, а Сигурд.

Потом они шли в лес (в дороге Сигурд становился бродшкой-жуком на ее блузке). В лесу они были свободными. Сигурд ухаживал за Таней. Он становился всем, он был всюду. Даже ветер разговаривал с ней голосом Сигурда: все об одном, все об одном... Или, оставив Таню около муравейника, Сигурд забирался в него, он выводил всех муравьев и принуждал их склеиваться в зимний шар.

Еще они плавали в озере: Таня плыла, а около нее вертелся Сигурд в какой-нибудь щуке и хватал за пальцы.

Таня взвизгивала, брыкалась и плыла к берегу, заикаясь от смеха и разбрызгивая воду, а Сигурд уже выставлялся ей навстречу камышом, пускал свой пух на голову и уши. Таня бегала и хохотала. Проходящие пары косились на столь оживленное препровождение времени.

Таня ходила в дом Сигурда. Он долго звал. Она наконец согласилась.

Здесь был старинный пригород — его оставили для любителей эффектов старого жилья, для художников и поэтов.

Отсюда хорошо виделся город, проткнувший тучи.

Таня прошла в калитку — старенькую, болтавшуюся. Запели ржавые скобы, прошептали ветки древних вязов, прикасавшихся к верхней доске калитки.

На заборе сидела кошечка и глядела на Таню травяными глазами. Она увидела Таню и без звука, стеснительно, заговорила с ней, приоткрывая красное пятнышко рта.

— Кисик, кисик, — говорила ей Таня.

Кошка замыкала. Необычный ее голос был звонким, как у какой-то птицы. И Таня подумала, что именно эту кошку, наверное, гладит вечерами Сигурд.

И пошла по тропинке в глубь древнего мохнатого сада — к дому.

И тотчас от дома к Тане побежали, перескакивая друг через друга, большие собаки неопределенной породы.

Кусать Таню собаки не стали. Наоборот, подставили головы, чтобы Таня гладила их.

Это были добрые собаки...

И Сигурд уже шел к ней прямо по лужайке. Он шел так быстро, что Тане стало радостно. И она испуганно оглянулась, не смотрят ли на них из окна.

На Таню смотрело много глаз.

Смотрела кошка с забора травяного цвета глазами, смотрели большие собаки.

И другие глаза смотрели поверх оконных белых занавесок — внимательные человечески глаза. Прежде чем Таня вошла в дом, о ней все уже имели определенное мнение: и мать Сигурда, его сестры, и даже бабушка Сергея (видевшая очень плохо).

Сигурд взял Таню за руку и повел в дом. Они прошли одну за другой все ступени крыльца, прошли веранду, где лежали ранние яблоки.

Запах их был восхитителен.

Затем был узенький коридор с запахом жилья. Поры домовых бревен хранили запахи жизни всех поколений Сигурдов.

В доме Таня познакомилась с мамой Сигурда, самой милой чужой мамой на свете.

В доме пришедшие следом собаки подали Тане правые лапы, выпачканные в земле, и понюхали ее носами, зелеными от травы.

Затем мама велела сыну хлопотать с обедом и повела Таню смотреть малину.

Они ходили вдвоем в колючих ее рядах, и мать серьезно говорила с Таней (в то же время обирая и кладя в рот ягоды).

— Ешьте, ешьте малину... Я рада, очень рада,— говорила она.— Вы хорошая и милая девочка. А я так боялась за первое увлечение моего сына. (Таня молчала, глядя на сочную ягодную кисточку.)

...Он всегда, всегда в работе. Вы знаете, Танюша, он совершенно не спит. А я нахожусь в ужасном положении. Я стала бояться убить простейшее насекомое, скажем муху или комара, потому что он изучал их. Если я ударяю комара, то мне кажется, я убиваю своего сына.

...Мы все тут нервные, все немного не в себе, даже собаки и кошки... Стать лягушкой науки! Я понимаю, ему нужно было сделать это. Но нельзя же все время жертвовать собой! Я хочу иметь сына и внуков. И я рада его любви к вам. Вы должны убедить его вернуться

в нашу жизнь, вы одна можете это сделать. Я бессильна, отец не желает ни во что вмешиваться, товарищи его хотели бы бесконечного продолжения этого опыта.

...Таня! Я прошу вас. Он славный мальчик и сделает вас счастливой. А когда вы выйдете замуж, мы оставим вам этот старый дом — если хотите. Сейчас модно жить в настоящем старом доме.

...Таня, наши животные напуганы. Кошка не ловит мышей, собаки не дерутся друг с другом.

И знаете, временами и эти деревья, и солнце, и цветы, и птицы — все лучшее мне кажется моим сыном.

Сигурдова мама поцеловала Таню.

Затем они обедали всей семьей (и собаки и кошка). Потом Сигурд увел Таню в холодную глубину дома, в комнату. Комната эта была очень большая. На беленых ее стенах повешены картины — все старинные, написанные на холсте, в тускло золоченых рамах. Это были древние картины о древнем городе, о его деревьях и птицах. И нельзя было подключить ток, и сделать их движущимися, или извлечь из них какую-нибудь поясняющую музыку.

Надо было глядеть и соображать самой.

— Вы видите, Таня, природное в нашей семье сидит крепко. Эти картины писал один мой далекий предок. Какая-то боковая ветвь, с сильной кровью сибирских пионеров... Да, вы не знаете, мой брат занимается росписью ночного неба над городом, а другой — в свободные часы — делает те маленькие картины, что оживают на строго рассчитанное время.

Но вернемся к предку. Я думаю, что некоторые его глубинные устремления получили выход только во мне — его воля, его нацеленность.

Предок жил давно и немного. Он оставил после себя только картины. По ним судите о его силе.

Жил он в те времена, когда люди много работали на полях и в шахтах. Они часто болели, им было трудно отдаваться искусству. И этот человек однажды заболел

какой-то древней болезнью, и она дала ему время обостренного видения.

Он был скромный, хороший человек. И вот, больной и несчастный, он увидел на земле других несчастливцев и понял их. По старомодной ограниченности считали, что человек должен переживать горе только людей. Эта идея — наследие стадного образа жизни, пришедшее к нам из древности. А также ограниченность. А также смешное мнение, что Земля была звездными силами изготовлена только для человека.

Мой предок проникся болью всех гонимых человеком животных, птиц и трав. Он первым стал писать картины о том, как должен жить человек.

...Писал картины... Ими показывал, что животное зависит от клубка мировых сил — от воздуха и воды, человека и космических лучей, от ветра и пищи, любви и ненависти, сострадания и дружбы — так и сам человек.

При жизни над ним посмеивались, а после смерти вдруг стали любить.

Его картины есть в музеях, здесь же всего десять маленьких этюдов.

Таня смотрела. Грустно — на картинах странные, дымные, чумазые города, голые ветки, жалкие птицы.

И Таня поняла смертельно больного художника, бродившего по городу со своими рабочими инструментами. Она поняла его сердцем. Но унесла с собой и раздражение на этого художника. Она чего-то не простила, не могла простить художнику, а что — не знала и сама.

Этой ночью они зажгли в поле маленький костер, превращая старые травяные былки в огненную игру, в дым, в разговоры. Таня рассказывала Сигурду об отце и братиках, о бабушке и маме.

Дым уходил вверх, пророча устойчивую погоду, нависал лунный край с пятнами кратеров. Волосы Тани становились золотыми паутинками.

Сергей глядел на Таню и видел в ней то розоватое сияние доброй памяти, то черноватую рябь ее былых тревог. Тогда она казалась ему чужой, из другого — непонятного мира. Она пришла, она могла и вернуться в него. Чем ее удержать? И когда Таня на короткое время замолкала, Сигурд исчезал. Таня пугалась. Но ближний куст вдруг начинал клониться и щелчками ронять на нее паутинные листья.

И слышался из него легкий смех Сигурда, растекался по земле. И Тане казалось — это смеются, качаясь, травы.

— Теперь твоя очередь. Говори о себе, говори,— требовала она.— Только о себе.

— Это началось так,— говорил Сигурд. Он сел и держал ногу на колене сцепленными пальцами рук. От напряжения рассказа он светился зеленым светом.

— Когда-то я просто изучал животных. Этолог — такая моя профессия. Но, стремясь к универсальному, я был и цитологом и биохимиком. И вот, изучив, то есть убив, сотни зверей в лаборатории, я, как и все, понял: нужно что-то другое. Животное умерло, его жизнь умерла. А ведь самое тайное — это жизнь, оркестровка органов, незримая партитура мозга.

Если кто-нибудь скажет: я стопроцентно знаю, что такое жизнь, я предложу — сотвори ее.

Теперь же я занят только живым, и это мое счастье. Сегодня утром согласно плану я занялся кротом. Да, да, этим толстячком в бархатной шубке. У него масса специфических секретов.

Шефу я обещал выяснить механику ориентировки крота под землей.

Биохимикам — его обменные процессы. А еще цитологи, горняки, фармацевты... О, целая пачка заявок!

Итак, я работал.

Я шел полем. Навстречу мне неслись сигналы цветов. И всюду вулканчики кротиных нор, кольцеобразные, похожие на лунные кратеры (круг, шар, выпук-

лость, кольцообразность — это стиль природы. Углы, прямоугольники — стиль человека).

Я стал у одного вулканчика — и тот ожил. Я почувствовал подрагивание почвы, услышал шорох и пофыркивание. Это значило, что крот подходит к выходу и сейчас выставит нос, опознавая погоду. Необходимо быть наготове. Мгновение — нос выставился со всеми облепившими его песчинками. Крот фыркнул и спрятался, но я уже вошел в него. Не знаю, как это видится со стороны, я работаю всегда один. Мне так: находит облачко. Оно слепит (но оказывается черным). Затем как бы застреваешь в узком темном проходе, нидохнуть, ни вскрикнуть. Это страшно. Затем я уже был кротом и полз в подземном ходу. Я протискивался и тихо урчал от удовольствия, чуя запах личинок. И все время во мне сидело человеческое смешное опасение застрять и задохнуться, потому что я видел всю узость пути — сверху — этих ходов, хотя был слеп, как крот. (Шеф говорит, я-де вхожу в объект частично.) И так, его глаза, рудименты глаз... Шеф просто ахнет, узнав об их функциях. И это знание очень пригодится изобретателям. (Он взглянул на Таню — она скучала.) А еще я изучал радарный механизм нетопыря Квинка (помните театр?), прослеживал работу инфракрасного зрения змей (и нанес вам первый визит).

— Как интересно, — сказала Таня, думая, отчего он не говорит о своей любви.

— Я считаю это своим счастьем, — сказал ей Сиггурд. — Я вырос в семье, где любили животных. Всегда пять-шесть собак, а еще кошки, рыси, куницы, белки, ужи... Когда неудача, несчастье, это зверье очень понимает и утешает.

Понимание животных, лишенных дара внятной речи...

Понимание!.. Я ласкаю свою собаку. Но где, в чем родственны связи наших сердец? Каковы химические истоки этого сродства?.. Взаимодействие электрических полей?.. Нет, нет, я не допытываюсь, я не хочу этого знать. Не хочу!

— Почему? — испугалась Таня.

— А вдруг исчезнет мое особое свойство? Это бывает — спрашиваешь, ищешь — и от твоих усилий познать все исчезает.

...До тебя моя жизнь делилась на неравные части — «до» и «после». «До» — маленькое, всего двадцать восемь лет. «После» — огромное и слепящее, и длится оно 621 день. Это сделала не только машина, но и моя воля — я хотел знать. Хотел проверить и понять собачий талант чутья, мощь сборного мозга муравьев, красоту цветка. Стоя против растения с любым названием, созерцая это чудо природного строительства, я хотел ощутить внешнюю неподвижность и внутреннюю быстроту процесса жизни.

Только проникновение в растение или зверя дает полное знание. Это нужно для моей науки, для дружбы между нашими разобщенными мирами. Войдя в промежуток атомов (ведь они плавают свободно, будто планеты), я живу жизнью клеток, жизнью ферментов — всей чужой жизнью.

Я знаю, со стороны все это выглядит безумной чепухой. Когда я говорил об этом шефу, он назвал меня сначала дураком, затем сумасшедшим. Я и был сумасшедшим.

Я верил — мы шли неверной дорогой. Меня сводило с ума сознание, что мы скованы телом. Я перестал ценить человека. Мне он виделся рабом своего тела и изобретенных им механизмов.

А потом пришло это. Как оно пришло? Не знаю.

Знаю! Было желание, волевой взрыв, был новый, особых свойств механизм — его изобрели для иных целей, но он помог мне. Но как?.. В последний наш разговор физики говорили о перераспределении материи в пространстве, что от меня-де остался только алгоритм, формула.

Много было говорено... Итак, крот... Одна моя прогулка в десять метров усилила нашу фармакопею знанием особенных свойств презираемых мелких жуков и червей.

Глубокой ночью шеф проснулся. Ему было душно и тревожно. Давило сердце. Он встал, подошел к окну и высунулся. Жадно, ртом он хватал и глотал воздух.

Шла ночь. С явственным писком проносились летучие мыши, поднимались на высоту двухсотого этажа.

Что и говорить, воздух здесь хорош.

Вот и удушье исчезло. Но оставалась тревога, переходящая в страх. Шеф стал разбираться в этом неожиданном страхе. Он перебирал одну причину за другой.

Не переел на ночь, хотя жена и напекла к ужину сладких булочек с корицей. Не был лишен того короткого дневного сна, что помогал ему спокойно спать ночью. С детьми все хорошо — писал сын, а дочь с мужем жили рядом. У них до сих пор светилось окно. Свет падал на ночные клубы мошек, а их голоса тихо доносились до него.

Жена?.. Молодцом.

Артрит?.. Терпим.

Старость?.. Здесь все решено, все перемолото.

Сигурд?.. Вот оно! Все последние бессонницы, все сердечные спазмы, все тревоги рождал именно Сигурд. Где он сейчас? Шеф напрягся, вызывая его. Для этого он вообразил дырочку в своей лобной кости, а из нее струей брызжущую мысль. Он раздул грудь, свел брови.

«Сигурд, Сигурд», — звал он. Ответом было молчание.

«Сигурд, Сигурд...» Молчит.

Сейчас он или вертится в воздухе, или сидит с этой гадкой эгоисткой Таней.

Нет, не Сигурд виноват — та девчонка!.. Нет! Не девчонка — молодость их.

В конце концов, могли бы и подождать с любовями, недолго ему жить осталось.

Никодиму Никодимычу стало так обидно и так горько. «Возьму и умру сейчас», — решил он и всхлипнул.

Жена, услышав, встала и принесла таблетку. Она поставила горчичники ему на грудь, сделала горячую ванну. И так, хлопоча, помогла встретить рассвет.

На травах лежала росная седина — матовая и тусклая. По ней бродили домашние звери. Ходили коровы с выпученными боками, гуляли лошади с длинными белыми гривами.

Таня и Сигурд шли промеж этих лошадей, и те смотрели на них, выворачивая глаза, всхрапывая, мотая головой, стуча боталами.

Тане было хорошо. Она смотрела на переступающие ноги Сигурда (по ее требованию он перерабатывал свою скользкую походку в обычную) и командовала:

— Правой, левой!

Сигурд шел, не приминая трав: лебеду, ромашки, пырей, одуванчики. Одуванчиков было особенно много. Поэтому молоко здешних коров считалось лечебным, а сияние луга казалось золотым.

— Сигурд,— сказала Таня, оборачиваясь к нему и видя сквозь него проступающий луг. Обрадовалась — Сигурд и внутри солнечный и ясный, весь золотой. Чистое луговое золото было в нем. И ей с ним и надежно и тепло.— Сигурд, ты сегодня особенный,— сказала Таня и повернула к нему сияющее лицо. По нему ходили золотые отблески. Он глядел на нее.

— Что ты, девочка?

— Я могла бы все для тебя сделать. Все, все.

— Спасибо, Таня, я это знаю.

— Глупый, поцелуй меня сейчас же, сейчас, скорее...
Крепче.

Опять щекочущее, электрическое ощущение, от которого хотелось и засмеяться и закричать. Словно бы она нюхала большой и лохматый букет, весь в росе, в гудящих пчелах. Нюхала, погружала в него лицо по самые уши.

— Сигурд,— говорила Таня,— Сигурд...

— Что, Таня?.. Что?

— Сигу-у-урд...

Коровы смотрели на них, жуя траву. Ходили две трясогузки, желтая и серая, качали хвостиками. Дале-

ко, на зеленом луговом фоне, полуголый человек с сачком гнался за желтой бабочкой. Бежал словно катился.

Это был охотник — сборщик личной коллекции, один из миллионов нарушителей запретов.

Он махал сачком, но промахивался.

— Лимонница! — закричала Таня. — Хотя бы не поймал, ну споткнулся, что ли. Споткнись! Споткнись! Разбей нос!

Человек не споткнулся. Он догнал бабочку. Махнул сачком — исчезло ее веселое пятнышко.

— Он злой, злой! — быстро говорила Таня. — Он насадит ее на булавку, его надо проучить. Проучи его!

Бабушка пришла на веранду сильно запыхавшейся. Платье ее гремело. Платок упал на плечи.

Бабушка пришла точно к завтраку, но не стала пить крепко заваренный чай, не съела обычного яйца всмятку, хотя его и снесла для нее курица Пеструха, немного похожая на бабушку.

— Кормите детей, и пусть убегут, — велела бабушка и стала громко, порывисто дышать.

Папа скосился на бабушкин нос и вспомнил кучу дел. Он даже перечислил их вслух.

— Сядьте, Борис! — приказала ему бабушка и загремела своим платьем.

По его металлу ползла рыжая муха с синими глазами. В углу сидел и смотрел на все дальнозоркий паук.

— Итак, Марина, что ты скажешь по этому случаю, а? — Бабушка взглянула на Танину маму.

— Он славный мальчик, он мне нравится.

— Я только что с луга, купала ноги в росе. Моему флебиту это помогает лучше гормонов. Я их увидела там и точно знаю — он светится насквозь. Он кисейка!.. Слушайте.

Бабушка вынула из кармана платья свою записную книжку и стала читать вслух, отставя ее подальше, на расстояние четкого зрения.

— «19 июля. Подозрительное волнение в Т. По лицу проходят красные токи. Ясно, она влюблена — раз-
узнать.

21 июля. Плохо ест, в глазах мечта, на молодых лю-
дей не смотрит. Подозрительно.

24 июля. Голос в комнатке. Посмотрев в отверстие,
обнаружила прозрачную личность, влюбленную в Т.
Слава богу, она безопасна. Следить».

Папа покашлял и спросил:

— Прозрачную? Это фигурально?

Ему не ответили, а мама всплеснула руками:

— Боже мой, как это чудесно! Он любит ее только
душой. Духовная любовь в этом плотском мире.

— Не говори глупости, Марина, — отрезала бабушка.

— А скажите, эта бесплотная личность... он... бро-
сил нашу девочку? — осведомился папа и стал нервно
потирать лысину.

— Да что ты! Он ее любит, в этом и зло.

Папа чихнул и вытер нос салфеткой. Забормотал:

— Ничего я теперь не понимаю. Отстал. Духовно,
бесплотно... это модно? Простите, мамы, я пойду и выпью
валерьянки.

— Ступайте, Борис, и прилягте на половину часа.—
Бабушка выдвинула челюсть.— Видите ли, милая моя
дочь, я хочу... я поклялась умереть прабабушкой. Да,—
говорила она сквозь зубы,— да, ты знаешь, у меня иде-
альный характер, я все сделаю как надо. Я настаиваю,
чтобы эти бесплотники знали свое место и не лезли к
девушкам. Я хочу иметь правнуков! Слышите вы, глуп-
ная, восторженная и нелепая женщина?..

Бабушка ударила кулаком. Чашки подпрыгнули.

Таня задержала дыхание. Она все увидела — был
резкий, безжалостный свет.

На что походило? Да, на их костер в поле.

Она вспомнила откатившийся уголек: он пускал тон-

кую и долгую струйку дыма. Она тянулась вверх, колеблясь, и где-то там, высоко, рассыпалась на молекулы.

Так случилось и здесь — на цветке тлел уголек, король-бабочка. Махаон.

И к нему вдруг — стружкой дыма — потянулось тело Сигурда и мягко, беззвучно вошло, исчезло... Таня задержала вскрик, прижав рукой губы.

Бабочка же снялась и полетела.

Тень ее бежала по траве. Таня заметила, что она круглая, и догадалась, что это тень самого солнца.

...Быстрее, быстрее!.. Луг поворачивается вниз. От него идут теплые земляные потоки, подкидывают, толкают (луг косо уходит вниз).

И зелено, зелено кругом, и сигналият цветы. Они зовут. Бабочку звали присесть поздние ромашки, звало «татарское мыло», звали все, отовсюду...

Сигурд поднялся выше, выровнял плоскость крыльев и скользнул над сидящим в тени бабочколовом. Тот вскочил — огромнейшая фигура с жадными глазами. Они — две круглые блестящие стекляшки.

Он рыкнул — прокатился по лугу недолгий гром.

Он вскинул сачок — тот со свистом ушел высоко в небо.

Страх поселился в Сигурде, веселость и страх. Он стал работать крыльями, поднялся высоко, высоко. И спланировал вниз, и уже нетерпеливо, на высоте кустов, полетел к белому платицу Тани.

А позади громко топало и пытело. Сигурд летел тихо, чтобы оно не отстало, не потеряло пыль охоты. И Таня сжалась, когда бабочку смял удар сачка. Он прихлопнул и вдавил ее в промежуток мелких березовых кустиков.

— Есть! — вскрикнул бородач и нагнулся, запустил руку в траву.

— Что вам, собственно, надо, молодой человек?

Из травы поднялся Сигурд в виде небольшого и мор-

щинистого старичка в костюме-тройке. Бородач стал пятиться.

— Простите,— сказал бородач и подтянул штаны.— Простите, что-то с глазами.

— Полежать не дадут, поспать не дадут,— негодовал Сигурд.

— Солнце, знаете, ничего и не видишь.

Бородач отходил оглядываясь. Погрозил кулаком, повернулся и побежал.

— Почему ты не смеешься? — спросил Сигурд.

Таня молчала. Она щипала травинки и кусала те их части, что были воткнуты в основу стебельков. Они были как салат без сметаны — трава с простым травяным вкусом и запахом. И только.

«Он воздух, он мираж, я его сама придумала».

— Таня, вы расстроены чем-то?..

— Нет, не то... Скажи, если меня оскорбят или... Ты заступишься за меня? Ударишь нахала?

— Чем я его ударю? — спросил Сигурд.— Я дым, клубок молекул, сочетание еще не разведанных свойств материи. Я не могу ни обнять, ни защитить. Я ничто в обычном понимании. Сила моя в этом мире овеществляется в других и другими. Товарищами, машиной, шефом. Ты расстроена?

— Глупости, Сигурд, я прошу прощения.

— Это я должен просить прощения.

Корова подошла и смотрела на них, вздыхая. Нос ее был черный и мокрый. Она лизала его шершавым языком.

— Хочешь, я узнаю, что сейчас чувствует эта корова? — спросил Сигурд.

— Я знаю. Она хочет, чтобы ее подоили,— сказала Таня.— Мне пора домой. Не провожай, я сама...

На веранде гудела из угла в угол оса с золотым животином. Но, может быть, это просто осовидная хитрая муха.

Хитрая!.. Бабушка пригрозила пальцем и велела прогнать муху.

— Почему я знаю, что это не твой чудак,— сказала бабушка Тане.— Прилетел и слушает. Проныр!а!

Таня обиделась.

— Что вы, бабушка, он не такой.

— За себя ручайся, деточка, только за себя, и то здраво подумав. Вот и Пеструха сегодня на меня как-то странно посматривает и яйцо мне не снесла. А снесет, то как его будешь есть? Почему я знаю, может быть, Пеструха — это тоже он.

Таня взяла полотенце и выгнала осу. Пришлось вытаскивать из угла домашнего паука и сажать его за дверь.

Котенок сидел на полу и смотрел на них большими серыми глазами.

— Убери и его,— требовала бабушка.— Очень у него глаз сообразительный. Наверное, твой...

Таня взяла мягкого котенка под локотки (тот запел) и унесла. Посадила в траву, и серый занялся вылавливанием травяных бабочек.

Таня вернулась и услышала бабушкины слова. Она, вздыхая, говорила маме:

— А попробуй откажи? Как подумаю о нашей кухне, где и окно-то не закрывается и форточку твой благоверный не починил толком, сердце обмирает. Так и обливается кровью, так и обливается. Я сама в детстве, разозлясь, сажала мух в бабушкины пироги. Садись, Татьяна! — Бабушка указала на стул.— Садись, слушай и мотай на ус. Ты уже не маленькая, в восемнадцатом веке в твоем возрасте детей имели. Мать тебе ничего доброго не скажет, уж слишком романтична. И все оттого, что я, будучи в интересном положении, читала Карамзина — «История Государства Российского». И всего-то один том! Мы же с тобой, надеюсь, люди трезвые и здравомыслящие.

— Мне кажется, это мое личное дело.

Бабушка выпятила губы.

— Вот так же говорила Марианна, выходя замуж. А ее личное дело (то есть именно ты) стало общим, то есть нашим. Знай, в его семье тоже голову ломают.

— А что я такое особенное делаю?

— Не напускай тумана, моя милая, все это крайне прозрачно. Имей в виду, я поклялась дожидаться своих правнуков и не потерплю, чтобы они были сделаны из желе или воздуха. Я хочу, чтобы они плакали, ели, пачкали пеленки и делали все, что положено делать младенцам.

— Бабушка!

— Я уже двадцать лет бабушка! Да-с!.. А что, по-твоему, получится? Я, моя милая, желаю для тебя мужа, которого я могла бы потрогать и убедиться, что ты и точно замужем.

— Вы подсмотрели, совестно вам!

— Именно, моя милая, подсмотрела. Меня и успокоило, что он просто дым, одна видимость!.. Прозрачник!.. Но как ты думаешь жить с бесплотным человеком? Он вечно будет сидеть в своих цветочках. Он же не от мира сего. Заруби себе на носу, я не хочу газообразных внучат. Нет! Нет! Нет! Ты знаешь, у меня идеальный характер, как я сказала, так и будет.

— Я не позволю мешаться!

Бабушка оправила платье и начала смотреть, плотно ли закрываются окна веранды.

Сигурд вышел из котенка. Он — по новой привычке — пошел к себе домой пешком.

— Вот это старуха! — бормотал он и качал головой. — Ай-ай... Но и я хорош, подслушиваю! — Он бормотал и взмахивал руками, удивляясь себе.

— Какое право она имеет так со мной говорить? — бормотала Таня, быстро ходя вокруг клумбы. Но бабушка дала ей и новые мысли. Привязчивые. Да, вот и в клумбе распускаются петунии, говорят своими запа-

хами с Таней. Говорят, как хороша эта жизнь, как сладко прижать к себе ребенка. Она не думала об этом. Или думала?.. Надо идти к шефу, надо выяснить все, все, все...

Шеф в кабинете пил свой второй утренний чай (первый он испивал дома). На столе лежали бутерброды. Он поедал их. Уши его шевелились.

— Здравствуйте, Никодим Никодимыч,— сказала она.— Мне бы с вами поговорить. Лично.

— Прошу.— Шеф носом указал ей на кресло и завернул бутерброды в бумагу. После чего икнул и отпил глоток чая.— Вот,— сказал он недовольно,— жидкий чай противен, а от густого сердцебиение.

— Я хочу знать,— начала Таня,— о Сигурде. Он сможет стать обычным или таким и останется? Ну, когда все для вас сделает?

— Сможет,— быстро и как-то ненамеренно ответил шеф. И сразу спохватился, взял в кулак нижнюю часть своего лица. Так и держал энное время, глядя на Таню из-под бровей.

Таня смотрела на его большую руку — волосы на ней седые, веснушки. Но она поразила ее сильной, мускулистой плотью.

Крепкая была рука, вот в чем дело, сделать ли что или наказать, ударить. Отличная мужская рука.

— Как я понимаю, Таня,— осторожно спросил шеф,— вы собираетесь замуж за Сигурда?

— Да, мы это решили.

— Гм, уже и решили.— Шеф поднялся и стал ходить.— Это хорошо и просто необходимо в смысле личном и, понятно, общественном: ячейка, семья и прочее. Но вы думали о том, как человек, переживший самые яркие приключения в этом мире, согласится с семейной жизнью и ее, так сказать, тихими радостями?

— Он меня любит.

— Предположим. Но что такое любовь для него?.. Он свел вместе свое стремление к доброте, к познанию, к

творчеству. Он творит из себя одного за другим. Сегодня, например, он обещал работать с сямской красномордой лягушкой,— Таня моргнула,— и в два часа продиктует нам. Кстати, это пойдет в подборку его новых статей. Ясно? Это исследование на уровне нуклеиновых структур, проникновение в избранные молекулы живого. Это ослепительно!.. Вы ощущаете простор?.. А что вы дадите ему взамен? Стандартную форму женской любви? Дорогая моя, хотите путевку куда хотите? На сколько хотите?.. На юг? В любое место? Мы включим ваши расходы в рубрику научных командировок. А?.. Ей-ей, оставьте Сигурда, а сами влюбитесь в кого-нибудь менее нужного. Скажем, в Короту. Прошу — оставьте Сигурда его необычной судьбе. Вы разные люди (верьте мне, старику!), и ваша дорога в жизни — не его дорога.

Таня встала. Шеф взял ее обе руки в свои.

— Идите, идите, милая девушка, срывайте цветы радости в другом месте. Сигурд рожден для полного сосредоточения в своем поразительном даре, он вам не простит. И вы его не простите. Он бездарен в обычной жизни, я знаю. А сейчас ступайте домой, я отпускаю. Можете не приходите даже завтра, а вот послезавтра жду. Да!

Таня шла по улице мимо молодых людей, которые могли любить, жениться, могли и заступиться за нее. Они не были дымным облачком, готовым растаять в каждый момент.

Они шли веселые, загорелые.

Можно любить их сильные руки и плечи. Они и обнимут крепко. А если станут многострадальными неудачниками, их страдания, их муки будут вполне понятны ей. У нее тоже руки и пальцы, и она не может проникать в нуклеиновые структуры.

Вот пусть Сигурд станет как все, пусть живет в ее измерении.

Она сделает его отцом. У них будут маленькие Сигурды, будет семья — как у всех — с сегодняшнего дня и до последнего дня в жизни. Так она ему и скажет. Вот!

Он поднялся навстречу ей со скамьи. Они пошли вместе. Сигурд говорил:

— Таня, милая, я послал к чертям все планы и графики, я провел сегодня утром чудеснейшие часы. Вообрази, я стал мхом. Да, да, обычным мхом на стволе упавшей ели. Я рос медленно и постепенно — микрон в час. Было и другое движение — я выпрямлял стволы, тянулся ими к солнцу (и боялся его).

Существо мое было двойное. Кто-то другой все время был рядом, теснил меня в зелени мха, в просвечивающих стеблях.

Тот, второй, был самоуверенный, живучий гриб. Его мицелии, пронизывающие мое тело, все время шевелились. Я был им.

Был и той зеленой водорослью, что образовывала и окрашивала самое растение и давала ему кислород... Тебе неинтересно?

— Что ты, это замечательно интересно, — сказала Таня и удивилась его догадливости. Удивилась и немного испугалась.

Значит, он видит ее мысли. Но тогда почему, почему не говорит самое нужное?

Или он не хочет жить как все? Как живут мама и папа, как жили бабушка с дедушкой? Она не будет посягать на его работу, она просто прикажет сменить ее. Он собрал факты, их хватит на всю его научную жизнь. Почему он должен быть инструментом шефа и Короты? Зачем спасать глупых кошек? Он напишет книгу, у него будет самое славное в мире имя. И люди станут говорить: «Смотрите, вот идет жена этого замечательного Сигурда». Говорить: «Она поняла и полюбила его». Она должна быть тверда с ним. И тогда им будет хорошо — Сигурду, ей. Они проживут счастливую и долгую жизнь. Чудесную жизнь!

— Мне надо серьезно с тобой поговорить,— сказала Таня.— Обещай мне сделать все, что я попрошу тебя. Обещаешь?

— Таня, милая, конечно...

— Так вот что мы сделаем,— сказала Таня и глотнула воздух.— Вот так — ты станешь человеком как все, и мы с тобой поженимся. Хочешь?

Дыхание ее перехватило. Лицо горело. А кончики ушей онемели, будто ее схватили за них и держали.

— Так мне только это и нужно! — воскликнул Сигурд, и праздничное пламя стало наливать его. Розовые блики упали на кусты. Пролетные бабочки-капустницы запорхали над ним.

Сигурд торопился, говорил:

— Я хочу стать как все — и любить и страдать.

— Зачем же страдать? — удивилась Таня.— Это совсем лишнее. Я не хочу страдать.

Он благодарно коснулся ее плеч. Но ее куртка была с пропиткой и не проводила токи. Таня ничего не почувствовала, и даже маленькая лукавинка пришла к ней. Она улыbnулась глазами.

— Погасни, обращают внимание,— велела она.— Шеф мне говорил что-то о машине, чтобы стать как все,— солгала Таня. И прищурилась на Сигурда: скажет он ей правду или нет?

— Шеф лгал, мне не нужна машина. Я знаю, как могу уйти из этого мира. Мне нужно только собрать мои рассыпанные атомы. Пойдем-ка на луг.

«Он открытый... открытый...— думала Таня.— Но откуда он все это знает?»

— Как ты можешь знать? Ты пробовал? Тебе говорили?

— Я чувствую. И еще...

— Что? — быстро спросила Таня и глянула на него блеснувшим глазом.

— Я должен убить кого-нибудь...

— Что, что? Убить?.. Но зачем?.. Сумасшедший... Ну, ну, говори.— Ей было страшно и интересно.

— Убить кого-нибудь. Ну, птицу, или бабочку, или зверя. Войти и убить. Тогда двери, в которые они меня впускают, закроются. Да, здесь двери. Животные рвутся к нам, но не могут пройти, а мне они приоткрыли сияющий проем. Они мудрее, чем мы думаем. Я сейчас что сделаю? Видишь, ласточка? Я полетаю немного, а потом возьму и... ударю ее оземь.

Нет, ласточку жаль, она милая, красивая. Всех, всех их жаль. Вот что, я не был стрижом... Странно, ни разу... Нет, ласточка ближе и знакомей... И все будет кончено. Только быстрее, иначе не смогу. Ты подожди, я сейчас, сейчас приду.

Зеленел луг, поднимался вверх, ткался солнцем из трав и поздних одуванчиков.

Сигурд вошел в это сияние, растворился, скользнул к дальнему краю луга.

...Мне и тяжело и радостно — в одно время. Отчего здесь двойное ощущение, горе и радость?.. Радость? Ликование сейчас вредно, оно помешает. Итак, надо сказать себе: все кончено, не стану подниматься к облакам, жить в птицах, распускаться цветком, рычать добрым зверем.

...Ходят струи цветочных запахов. Тяжелые и сырые остаются внизу, вместе с запахами густых трав. Легкие же поднимаются вверх. Свободны легкие цветочные запахи! Солнце греет их, придает подвижность. Вон оно, сквозь дымку запахов проступает его голубой диск.

...Как все было в самый первый раз, в первое превращение?

Так было — после великолепной, ослепительной боли пришло удивительное ощущение. В нем оказалось множество переходных состояний. Тысячи! Они входят одно в другое, будто древние китайские безделушки, вы-

точенные из слоновой кости... Нет, они были текучи. Тогда-то он и стал текуч и всепроникающ.

О солнце!.. Оно бушует, колеблется, гремит и вскидывается вверх. По нему бегут фиолетовые тени.

Лучи его сильные. Они давят, толкают, гонят. Стриж. Ты великолепен для воздушной акробатики.

А вот сокол-чеглок (и металлический звон его полета). Я не был в тебе, я не знаю тебя, а ты меня. Лети, сокол, гонись за добычей. А вот голубь, сильный дикий голубь.

Я не был тобой, я так и не познал до конца мук погибающей жертвы. Пролетает цапля, важная и огромная, как самолет. Я не был тобой, не был!

Я ничего, ничего не успел.

...Лети, лети, моя ласточка, лети быстрее. Вон дома, желтые хлеба, дороги. Ласточка, шевелит воздух твои перышки. Теперь вверх, еще, еще, еще выше — прямо в облака.

Они холодные и упругие... Ласточка, ласточка, лети стремительнее, меня скоро не будет. Не станет человека, проникшего в ваши тайны. Ласточка, лети, спеши вниз — там я стану прежним.

Ласточка, я убью тебя, потом в тысячах опытов я убью тысячу загадок вашей жизни.

Ласточка, ласточка!.. Я ударюсь тобой о землю, ударюсь и встану с земли человеком, как все. Я люблю ее. Прости, прости меня, ласточка...

Черный вихорок метался в воздухе. Он то уходил вверх, в тяжелые, мокрые тучи, к пронзившему их острию города, то кидался к ногам, и Таня вскрикивала. Ей было страшно.

Вот Сигурд пронесся между высоковольтными проводами, вот кинулся к ней, скользнул над плечом, обвеял крылышками. «Как он может любить меня? Что я дам взамен? А если это мечта, если ошибка? Или он, став простым и обычным, не удержит моей любви?»

Сигурд взлетел и вдруг понесся с щебетом — ниже,

ниже, ниже. В землю, косо, направлял он птичье тельце. Сейчас ударится! Сейчас!

— А-а-а-а! — закричала Таня.

Но Сигурд скользнул мимо и вдруг схватил большую муху, все присаживавшуюся на Танино платье. Резкий, металлический щebet оглушил Таню, полыхнул железной синевой, и Сигурд унесся в облака... Исчез...

Мошки жгли ноги и сгущались облачком вокруг глаз. Таня вытерла платком свои щеки, потом и глаза — сухие, обожженные. Горело ее лицо, горели верхние ободочки ушей, плавилось что-то в груди. «Идти, идти отсюда, идти домой, скорее». Пришла. Остановилась у калитки. Стояла долго, не решаясь войти и не веря себе.

Глаза ее все искали ласточку, сердце щемило и жгло.

Таня слышала — за десять домов отсюда Владимир играл на гитаре, терзал инструмент. Пролетали выпущенные им ноты — тяжелые и черные, как грачи.

Таня видела — повяли, обвисли вьюнки и цветные фасоли, затягивавшие все лето калитку и веранду. В тучах, шедших одна за другой из-за крыши их дома, сидела хмурая непогода осени. И по-августовски прохладно. Все, все холодное — травы, стареющие цветы, доски калитки.

Близится осень. Деревья никли ветвями, листья уже падали вниз по одному, долго кружась.

Таня видела — бабушка в пуховой шали, повязанной крест-накрест, пила чай на веранде, сидя рядом с попыхивающим самоваром.

— Осень... — шептала Таня. — Наступает осень, за ней придет первый снег, а там и зима. И... снова придет весна, и будет лето другое и другой сон.

Я тоже стану другая, и он вернется ко мне другим.

СОДЕРЖАНИЕ

Голоса в ночи (рассказ)	5
Звери большие и маленькие (рассказ)	13
Спору нет конца (рассказ)	19
Друг (рассказ)	28
Счастье (рассказ)	41
Мефисто (рассказ)	57
Аргус-12 (повесть)	73
Последняя Великая Охота (повесть)	172
Прозрачник (повесть)	217

ИБ № 5126

Аскольд Павлович Якубовский

ПРОЗРАЧНИК

Редактор **О. Завьялова**

Рецензент **А. Наумов**

Художник **Т. Войткевич**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Н. Теплякова**

Корректоры **Т. Крысанова, Н. Самойлова, Н. Овсянникова**

Сдано в набор 26.06.86. Подписано в печать 22.12.86. А 14824. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 11,9. Условн. кр.-отт. 12,25. Учетно-изд. л. 12,2. Тираж 100 000 экз. Цена 75 коп. Изд. № 1526. Заказ 6—203.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, К-30, Сушеская, 21.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42.

75 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

